Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Мозина Елизавета Валентиновна

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЕ МЕЖОТРАСЛЕВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
Звечаровский Игорь Эдуардович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава 1. Уголовно-правовое обоснование категоризации преступлений 16

§ 1. Эволюция категоризации преступлений в отечественном уголовном законодательстве 16

§ 2. Категоризация преступлений: содержание понятия 36

§ 3. Основание и ранги категоризации преступлений 55

§ 4. Изменение категории преступления судом 71

§ 5. Значение категоризации преступлений для уголовного законодательства ... 109

Глава 2. Межотраслевое значение категоризации преступлений 151

§ 1. Значение категоризации преступлений для уголовно-процессуального законодательства 151

§ 2. Значение категоризации преступлений для уголовно-исполнительного законодательства 169

§ 3. Значение категоризации преступлений для иных отраслей законодательства 197

§ 4. Значение категоризации преступлений для криминологии 219

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 234

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 242

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Понятие «категория преступлений» введено в отечественное уголовное законодательство более 100 лет назад. Однако связанное с ним понятие «категоризация преступлений» до сих пор не обрело официального признания. Можно предположить, что вопрос о сущностных аспектах категоризации преступлений решен исследовательским путем. Между тем ученые нечасто пытаются ответить на него. Такая ситуация актуализирует выявленную проблему и служит стимулом для проведения исследований в данном направлении, поскольку приближение к единой дефиниции в научной дискуссии способно вскрыть саму суть того или иного явления и решить часть вопросов, возникающих вокруг него.

Известно, что уголовное законодательство органически связано с иными отраслями, противодействующими преступным посягательствам. В силу этого оно в известной мере предопределяет содержание отдельных норм и институтов «родственных» ему отраслей законодательства, а также обогащает их уголовно-правовыми понятиями, категориями, институтами. Примером такого уголовно-правового института, служащего маркером взаимодействия отраслей законодательства криминального профиля, является категоризация преступлений, оцениваемая в уголовном праве как фундаментальная классификация преступлений.

Категоризация преступлений закономерно проявляется в содержании большинства норм уголовного законодательства, поскольку категории преступлений тесно вплетены в материю уголовно-правовых установлений и влекут широкий диапазон уголовно-правовых последствий. Вместе с тем значение данного уголовно-правового института не ограничивается исключительно пределами уголовного законодательства, а распространяется также на содержание положений, норм и институтов в первую очередь отраслей законодательства криминального профиля, и кроме того других отраслей законодательства, непосредственно не связанных с противодействием преступности.

Между тем вопрос о межотраслевом значении категоризации преступлений долгое время в теории уголовного права практически не ставился. Данное обстоятельство создает впечатление, что ответ на него столь очевиден, что не заслуживает отдельного научного исследования, либо вовсе заявленная тематика не имеет ни теоретического, ни практического значения. В то же время решение рассматриваемой проблемы имеет большое значение, как для теории, так и для практики противодействия деяниям, образующим ту или иную категорию преступлений. Уже только присутствие категоризации преступлений в уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном, конституционном, избирательном, трудовом, семейном, предпринимательском, комплексных отраслях законодательства, а также в криминологии и уголовной статистике высвечивает подлинный масштаб значения рассматриваемого уголовно-правового института.

Степень научной разработанности темы исследования. Отдельным аспектам проблемы категоризации преступлений уделяли внимание в своих работах такие ученные дореволюционного российского уголовного права, как Л.С. Белогриц-Котляревский, А.Ф. Кистяковский, Г.Е. Колоколов, С.В. Познышев, П.П. Пусторослев, Н.С. Таганцев и др.

Серьезный вклад в развитие института категоризации преступлений в разное время был внесен такими авторами, как С.В. Бородин, А.А.Герцензон, П.С. Дагель, Н.И. Загородников, П.С. Кардаев, И.И. Карпец, С.Г. Келина, М.И. Ковалев, П.В. Коробов, Л.Н. Кривоченко, Г.Л. Кригер, Н.Ф. Кузнецова, В.И. Курляндский, Ю.И. Ляпунов, А.В. Наумов, Е.А. Онгарбаев, А.М. Трухин, В.Ф. Фефилова, О.Ф. Шишов, А.С. Шляпочников, Д.О. Хан-Магомедов и др.

В современном уголовном праве следует выделить диссертации, затрагивающие вопросы категоризации преступлений и написанные в период действия УК РФ 1996 г. К ним относятся работы следующих авторов: О.А. Михаля (1999 г.), Н.Г. Кадникова (2000 г.), А.Н. Ратькова (2002 г.), М.М. Дайшутова (2003 г.), Д.С. Злыденко (2003 г.), И.И. Сапрыкина (2004 г.), Т.В. Цатурян (2004 г.), С.В. Кротова (2005 г.), А.О. Курбанова (2006 г.), Н.Н. Маршаковой (2006 г.), В.В. Бездольного (2007 г.), А.Ю. Гревцевой (2010 г.),

Роговой Е.В. (2014 г.), Л.О. Кулевой (2019 г.) и др. Следует обратить особое внимание на докторскую диссертацию Е.Е. Мелюхановой (2026 г.)[1], которая посвящена разработке концепции уголовно-правовой категоризации. В данной работе, в том числе исследуются проблемы категоризации преступлений в уголовном законодательстве и предлагаются пути их решения. Однако вопрос межотраслевого значения категоризации преступлений остается без внимания автора.

Все упомянутые работы создают солидную научную платформу по вопросам категоризации преступлений, которая позволяет составить представление о рассматриваемом явлении и его уголовно-правовом значении. При этом нельзя не отметить, что подавляющее большинство работ названных авторов было написано в период действия редакции ст. 15 УК РФ до внесения в нее изменений. Речь идет о таких нововведениях как расширение количества деяний, соответствующих преступлениям небольшой тяжести в результате увеличения верхнего предела наказуемости за данную категорию преступлений[2]; предоставление суду права изменять категорию преступления на менее тяжкую[3]; распределение неосторожных преступных посягательств по трем категориям преступлений (небольшой, средней тяжести и тяжких)[4].

Высокая степень разработанности вопроса о значении категоризации преступлений в уголовном законодательстве побуждает, на наш взгляд, перейти к следующей стадии осмысления. Ее суть состоит в изучении значения данного уголовно-правового института за пределами уголовного законодательства. Некоторая работа в названном направлении уже проведена. Имеется в виду, в

---

[1] См.: Мелюханова Е.Е. Концепция уголовно-правовой категоризации: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2026. 496 с.

[2] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер.закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011 г. № 50. Ст. 7362.

[3] См.: Там же.

[4] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2019 г. № 25. Ст. 3166.

частности докторская диссертация и монография Н.Г. Кадникова[5] и диссертация А.Н. Ратькова[6]. Вместе с тем состояние исследований межотраслевого значения категоризации преступлений нельзя признать удовлетворительным. Во-первых, ведущая роль в данных трудах отведена классификации преступлений, а не их категоризации. Во-вторых, авторы затронули лишь некоторые аспекты межотраслевого воздействия категорий преступлений на уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное законодательство, криминологию и уголовную статистику. В-третьих, с момента опубликования работ, посвященных значению классификации преступлений, в отечественном законодательстве произошли изменения, касающиеся категоризации преступлений. Полагаем, что исследование категоризации преступлений и ее межотраслевого значения, в том числе с учетом актуальной статистической информации о преступности, способно обогатить уголовно-правовую доктрину новыми знаниями, имеющими практическое значение в вопросе противодействия деяниям, образующим отдельные категории преступлений.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является разработка теоретических основ категоризации преступлений и определения ее межотраслевого значения, которое отражается в соответствующих отраслях законодательства.

Успешное достижение поставленной цели предполагает необходимость решения ряда исследовательских **задач**:

1) проследить историю развития категоризации преступлений в отечественном уголовном законодательстве;

2) сформулировать авторское определение понятия «категоризация преступлений» с учетом основ теории классификации; существующих научных

---

[5] См.: Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 47–49; Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2020. С. 228–258.

[6] См.: Ратьков А.Н. Правовое значение классификации преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2002. С. 27–30.

разработок по данному вопросу в теории уголовно права и современной социально-правовой действительности;

3) установить основание категоризации преступлений, руководствуясь доктринальными положениями уголовного права; требованиями, предъявляемыми к основанию классификации и классификационным группам в основах теории классификации, а также спецификой классифицируемых объектов;

4) исследовать законодательные положения об изменении судом категории преступления, а также практику их применения;

5) определить значение категоризации преступлений для уголовного законодательства;

6) определить значение категоризации преступлений для уголовно-процессуального законодательства;

7) определить значение категоризации преступлений для уголовно-исполнительного законодательства;

8) определить значение категоризации преступлений для иных отраслей законодательства;

9) определить значение категоризации преступлений для криминологии;

10) изучить правоприменительную практику по отдельным дискуссионным вопросам, касающимся реализации положений, норм и институтов отечественного законодательства, содержание которых обусловлено категоризацией преступлений;

11) предложить рекомендации по совершенствованию положений, норм, институтов отечественного законодательства, содержание которых обусловлено категоризацией преступлений.

Объектом исследования выступает совокупность общественных отношений, в процессе реализации которых используется категоризация преступлений.

Предмет исследования образуют применимые к объекту исследования нормы и положения международно-правовых актов, ранее действовавшего и

современного отечественного уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, конституционного, избирательного, трудового, семейного, предпринимательского законодательства и др.; иные юридически значимые документы; материалы судебной практики; данные официальной статистики; теоретические работы по анализируемым вопросам.

Методология и методы исследования. Выбор методологического подхода исследования обусловлен его целью и задачами. Основу методологии диссертации образует диалектический метод, который применительно к науке уголовного права предполагает исследование преступления и наказания как общественных феноменов в их тесной взаимосвязи с конкретными условиями окружающей реальности, постоянном движении, изменении и развитии. Данный метод исследования позволил, в том числе подчеркнуть, что категоризация преступлений может изменяться в зависимости от отдельных исторических эпох, расширения информации о классифицируемых объектах, обнаружения новых объектов, а также выявления ранее неизвестных взаимосвязей среди уже знакомых объектов. В свою очередь законодатель должен стремиться приближать свое знание относительно категоризации преступлений к объективному порядку вещей, существующему в мире, и максимально точно отражать этот порядок на законодательном уровне.

В процессе исследования категоризации преступлений и ее межотраслевого значения применены также общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, классификация, абстрагирование и др. Особое место в работе занимают частнонаучные методы исследования: историко-правовой, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический, логический, статистический и др.

Теоретическую основу исследования составляет специальная литература по общей теории государства и права, уголовному, уголовно-процессуальному, уголовно-исполнительному праву, криминологии, в частности, труды А.В. Бриллиантова, А.М. Герасимова, А.А.Герцензона, Я.И. Гилинского, Л.В. Головко, М.М. Дайшутова, А.И. Долговой, Н.И. Загородникова,

И.Э. Звечаровского, А.Л. Иванова, Н.Г. Иванова, А.В. Иванчина, Н.Г. Кадникова, И.И. Карпеца, А.Г. Кибальника, А.П. Козлова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Л.О. Кулевой, Л.Л. Кругликова, В.В. Лунеева, О.А. Михаля, А.В. Наумова, В.В. Питецкого, Ю.Е. Пудовочкина, Б.Т. Разгильдиева, А.И. Рарога, А.Н. Ратькова, Е.В. Роговой, М.С. Строговича, В.М. Сырых, Н.С. Таганцева, Р.Д. Шарапова, М.Д. Шаргородского, В.Е. Эминова, Б.В. Яцеленко и др.

При рассмотрении категоризации преступлений с позиции классификационной проблематики особое внимание уделялось философской литературе, в частности работам У.С. Джевонса, Н.А. Зверева, Ф.В. Константинова, С.С. Розовой, А.Л. Субботина, У. Уэвелля, Ю.А. Шрейдера.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации; международно-правовые документы; федеральные конституционные законы; Уголовный кодекс Российской Федерации; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации; Трудовой кодекс Российской Федерации; Семейный кодекс Российской Федерации; федеральные законы; источники ранее действовавшего отечественного уголовного законодательства.

Эмпирическая база исследования включает:

1) результаты обобщения и анализа постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации с 1999 г. по 2025 г. по вопросам о проверке конституционности отдельных положений уголовно-процессуального, избирательного, семейного и трудового законодательства, значимых при исследовании заявленной тематики;

2) результаты исследования разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и СССР, отраженных в соответствующих постановлениях за период 1961–2025 гг., и касающихся изменения категории преступления на менее тяжкую; назначения уголовного наказания; назначения и изменения видов исправительных учреждений; применения и отмены условного осуждения; применения отдельных видов освобождения от наказания; организации преступного сообщества и участия в нем; исчисления срока погашения и порядка

снятия судимости; применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних; применения норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции и др.;

3) результаты изучения и обобщения архивных материалов в виде приговоров, определений и постановлений, вынесенных Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации; Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации; а также судами республики Саха (Якутия); Московской, Саратовской, Свердловской, Ульяновской и Ярославской областей; города Москвы по вопросам применения положений ст. 15 УК РФ за период 2007–2025 гг.;

4) результаты изучения обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации обобщений судебной практики и справок по результатам обобщения судебной практики судов Кабардино-Балкарской и Удмуртской республик; Пермского и Ставропольского краев; Новосибирской, Тверской и Челябинской областей, относящихся к теме диссертационного исследования за период 2014–2025 гг.;

5) статистические сведения, касающиеся категоризации преступлений Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации; Министерства внутренних дел Российской Федерации; Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации за период 2013–2025 гг.;

6) эмпирические данные, содержащиеся в работах некоторых ученых, исследовавших разные аспекты заявленной тематики.

Научная новизна исследования. Исходя из поставленной перед работой цели и вытекающих из нее задач, объекта и предмета исследования, методологии, в рамках действующего отечественного законодательства предпринята одна из первых попыток провести комплексное исследование категоризации преступлений и ее межотраслевого значения. Комплексность исследования позволила по-новому подойти к решению связанных с данным уголовно-

правовым институтом вопросов. Наиболее значимые, на наш взгляд, положения и выводы проведенного исследования **вынесены на публичную защиту:**

1. Руководствуясь положениями основ теории классификации и уголовно-правового регулирования в целом, опытом правоприменения в сфере уголовного законодательства, предлагается определить категоризацию преступлений как зафиксированную законодателем на определенном историческом этапе и влекущую правовые последствия градацию преступлений на исключающие друг друга ранги в зависимости от максимального размера лишения свободы, предусмотренного в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ и отражающего степень общественной опасности преступлений.

2. Обосновывается отрицательная оценка решения законодателя об отказе от определения минимальных пределов лишения свободы в двух категориях преступлений (ч. 3 и ч. 4 ст. 15 УК РФ). Предлагается минимальную наказуемость в каждой категории преступлений определять с учетом максимального предела наказания в предшествующей категории преступлений или, если речь идет о преступлениях небольшой тяжести, то минимально возможным сроком наказания в виде лишения свободы или другими более мягкими наказаниями.

3. На основе анализа содержания действующего законодательства криминального профиля, разъяснительной практики Верховного Суда Российской Федерации и разработок уголовно-правовой доктрины о категориях преступлений, их правовом значении аргументируется положение о том, что в наименовании каждой категории преступлений должно отражаться не понятие «тяжесть», как это имеет место в уголовном законодательстве на сегодняшний день, а понятие «степень общественной опасности». Категории преступлений в ч. 2-5 ст. 15 УК РФ предлагается именовать следующим образом: преступления небольшой степени общественной опасности, преступления средней степени общественной опасности, преступления большой степени общественной опасности и преступления особой степени общественной опасности. В связи с

этим суду должно быть предоставлено право изменять категорию преступлений не на менее тяжкую, а на менее общественно опасную (ч. 6 ст. 15 УК РФ).

4. Критически оценивается уголовно-процессуальная хронология разрешения вопросов судом при постановлении обвинительного приговора в части изменения категории преступления на менее общественно опасную (п. 6^1 и п. 7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Обосновываются выводы о том, что, данная хронология, во-первых, формально не позволяет изменить категорию преступления на менее общественно опасную, т.к. не выполняется одно из условий, предусмотренных ч. 6 ст. 15 УК РФ, а именно назначение осужденному наказания в предусмотренных законом пределах; а во-вторых, дает суду право при изменении категории преступления на менее общественно опасную применять уголовно-правовые последствия категоризации преступлений, предшествующие выводу суда о мере наказания.

5. Поскольку право суда на изменение категории преступления выражается в корректировке правоприменителем в экстраординарной ситуации императивного законодательного решения о категоризации преступлений, постольку необходимо в ч. 6 ст. 15 УК РФ четко сформулировать основание изменения категории преступления. Под ним предлагается понимать наличие фактических обстоятельств преступления, свидетельствующих о том, что степень общественной опасности содеянного ниже типовой (усредненной) степени общественной опасности, отраженной в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ за деяния соответствующей категории преступлений.

6. Констатируя существование межотраслевого значения категоризации преступлений, обосновывается вывод, во-первых, о доминирующем уголовно-правовом ее значении; во-вторых, о том, что в смежных отраслях законодательства этому положению не должны противоречить неуголовно-правовые установления о категоризации преступлений.

7. Обосновывается вывод о том, что в отличие от смежных отраслей законодательства, в которых категоризация преступлений, в том числе может выполнять дополнительную функцию по отношению к корреспондирующим

уголовно-правовым положениям, в несмежных отраслях законодательства ее значение самостоятельно и проявляется иноотраслевыми последствиями.

8. При регламентации правовых последствий категоризации преступлений необходимо придерживаться единообразия в объединении одних правовых последствий для преступлений небольшой и средней тяжести, и других – для тяжких и особо тяжких преступлений. Такой законодательный подход позволит сохранить баланс между сложившимися двумя блоками преступлений и выработать соответствующие меры противодействия им.

9. Дифференциация уголовной ответственности и межотраслевых последствий за совершение преступлений с использованием перечней составов преступлений, сформированных по тем или иным субъективным критериям (ст. 48; ч. 5 ст. 56; ч. 2-2^1 ст. 58; пп. «а»–«$а^1$» ч. 1 ст. 73; 76^1; пп. «г»–«д» ч. 3 ст. 79; пп. 4–5 ч. 2 ст. 80 УК РФ; ч. 3 ст. 97 УИК РФ; п. 1 ч. 1, п. 1 ч. 2 ст. 328^1 ТК РФ и др.), ставит под сомнение обоснованность категоризации преступлений, приводит к противоречиям между отдельными нормативными положениями и к ошибкам в правоприменении. В работе высказаны предложения об устранении названных замечаний.

Теоретическая значимость исследования. В результате исследования исторического аспекта категоризации преступлений выявлены тенденции появления и развития в отечественном уголовном законодательстве категорий преступлений. В диссертационном исследовании сформулирована авторская дефиниция понятия «категоризация преступлений», определено основание категоризации преступлений, дана оценка соответствия ныне существующих категорий преступлений требованиям, предъявляемым к классификационным группам. В работе уделено внимание отдельным дискуссионным вопросам, касающимся положений об изменении категории преступления судом, а также практики их применения.

В диссертации получило развитие и обоснование положение о том, что роль категоризации преступлений не сводится только к констатации ее значения в уголовном законодательстве. В процессе рассмотрения обозначенной проблемы

автором выявлены и проанализированы положения, нормы и институты иных отраслей законодательства, содержание которых обусловлено категоризацией преступлений.

Сформулированные выводы и положения могут служить основой для конструктивных научных дискуссий, побуждая к проведению дальнейших исследований, в том числе вопросов уголовно-правового и межотраслевого (уголовно-процессуального, уголовного-исполнительного, иноотраслевого и криминологического) значения категоризации преступлений.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, избирательного, трудового, семейного законодательства; в деятельности правоохранительных и судебных органов в процессе реализации положений и норм, сконструированных с использованием категоризации преступлений.

Кроме того, сформулированные в диссертации идеи, предложения, рекомендации могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности в высших и средне-специальных учебных заведениях юридического профиля.

Степень достоверности результатов исследования. Объективность исследования обеспечена методологической обоснованностью сформулированных положений, выводов и рекомендаций; последовательностью выработанной структуры диссертационной работы; изучением и сопоставлением отечественного законодательства по смежным вопросам; изучением судебной практики и официальных статистических данных по вопросам, так или иначе касающимся категоризации преступлений; значительным количеством проанализированных позиций ученых по исследуемой тематике; логикой исследования и научно-теоретическим аргументированием.

Апробация результатов исследования. Работа выполнена и обсуждена на кафедре уголовного права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Отдельные положения диссертации обнародованы на научных конференциях и на страницах юридической печати, в частности на XXI Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 25–26 января 2024 г.); XXII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 23–24 января 2025 г.); XXIII Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 22–23 января 2026 г.).

Основные положения и выводы, сформулированные в работе, получили свое отражение в 7 публикациях, 4 из которых – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура диссертации предопределена целью и вытекающими из нее задачами проводимого исследования. Работа включает введение, две главы, содержащие девять параграфов, заключение и список использованных источников и литературы.

Глава 1. Уголовно-правовое обоснование категоризации преступлений

§ 1. Эволюция категоризации преступлений в отечественном уголовном законодательстве

Всестороннее познание категоризации преступлений невозможно только в границах действующего уголовного законодательства. Осмысление законотворческих, теоретических и правоприменительных вопросов в исследуемой сфере требует хотя бы небольшого экскурса в историю. Знакомство с предшествующим законодательством позволит понять то, как происходил процесс становления и развития интересующего нас феномена, а также углубить знания о нем.

Думается, будет оправданным рассмотреть эволюцию категоризации преступлений, учитывая основные этапы развития российского государства. Для общего исторического экскурса воспользуемся периодизацией отечественного уголовного законодательства, предложенной А.В. Наумовым. С некоторой долей условности, ученый выделил следующие три этапа: досоветский период (до октября 1917 г.); советский социалистический период; постсоциалистический период (после принятия Конституции РФ)[7].

При знакомстве с результатами досоветского уголовного нормотворчества в части категоризации преступлений нельзя обойти вниманием один из древнейших источников писаного права – Русскую Правду. Она представляет собой характерный для раннефеодального периода свод, прежде всего уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, изложенных казуально и без определенной системы. Понятие преступления в то время еще не сложилось. Социально нежелательное посягательство обозначалось как «обида». В древнейшей части Русской Правды – Краткой редакции уже появляются зачатки

[7] См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 60-61; См. также: Уголовное право в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для вузов / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М., 2023. С. 37–38.

для дифференциации обиды в зависимости от тяжести предусмотренного за нее наказания. Так, за убийство наиболее знатных княжеских слуг (огнищанина, подъездного) устанавливалась вира в размере 80 гривен (ст. 19); за горожан, купцов, мечников – 40 гривен (ст. 1); за смердов и холопов – 5 гривен (ст. 26)[8].

В Пространной редакции Русской Правды обращают на себя внимание ст. 6 и ст. 7, в которых в зависимости от параметров общественной опасности деяний определены различные по тяжести последствия. Убийство в ссоре или общественном месте («убил или в сваде, или в пиру явлено») наказывается выплатой виры с участием членов общины, к которой принадлежит виновный (ст. 6). При совершении убийства сопряженного с разбоем («стал на разбой без всякоя свады») вся община не привлекается к погашению штрафа, а семья преступника (жена и дети) подвергается высшей мере наказания – потоку и разграблению (ст. 7)[9].

Русская Правда в период феодальной раздробленности продолжала быть общим действующим на территории русских земель сводом юридических норм. На этом историческом этапе в Псковской и Новгородской феодальных республиках составляются известнейшие судные грамоты. В указанных источниках предпринята попытка разделить в зависимости от общественной опасности уголовно-правовые деяния против собственности. Дифференциация между кражей, разбоем, находом и грабежом отражается в мере наказания, установленной за их совершение. Так, за кражу предусмотрен штраф в размере 9 гривен, а за разбой, находи и грабеж – 70 гривен[10]. Псковская судная грамота выделяет ряд наиболее вредоносных деяний, за которые вводит самый суровый вид наказания – смертную казнь. К ним относятся – кримская (церковная) татьба, конокрадство, поджог[11].

Конец XV – начало XVI века ознаменовались движением Российского государства в направлении централизации. Укрепление экономических связей

---

[8] См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 51; С. 58-59; С. 60-61.
[9] См.: Там же. С. 86-87.
[10] См.: Там же. С. 345-346.
[11] См.: Там же. С. 349-350.

между отдельными русскими землями, развитие внешней торговли, изменения в политической сфере общества, нарастание власти единого московского правительства предопределили дальнейшее совершенствование законотворчества, в том числе уголовного. Перемены в карательной политике государства нашли свое отражение в первых Судебниках Ивана III (1497 г.) и Ивана IV (1550 г.). Отмеченные источники права по-прежнему характеризуются фактическим разделением уголовно-наказуемых деяний в зависимости от их тяжести. Степень общественной опасности запрещенного поступка отражается видом и размером наказания. К «лихим делам», т. е. наиболее тяжким деяниям относились государственные преступления (к слову, ранее неизвестные отечественному законодательству): измена, заговор, мятеж, призыв к восстанию и др. По уровню опасности к ним примыкали – убийство, разбой, грабеж, квалифицированные виды татьбы (церковная, «головная»), поджог. Перечисленные преступления наказывались самыми суровыми на тот момент видами наказаний – смертной и торговой (битье кнутом) казнями. За преступные посягательства, не достигающие высокой опасности, предусматривались штраф и возмещение убытков[12].

Важнейшим событием в период сословно-представительной монархии стало принятие Соборного уложения 1649 г. Этот первый печатный кодекс оказал серьезное влияние на эволюцию российского уголовного права, в том числе в интересующем нас аспекте. Законодателем впервые предпринята попытка систематизировать все преступления по уровню тяжести. В связи с этим в документе задана определенная последовательность глав. Первое место в этой системе отведено религиозным преступлениям (богохульство, церковный мятеж, оскорбление священнослужителей и др.), за ними следуют государственные преступления (оскорбление царя, причинение вреда его здоровью и др.), преступления против порядка управления (изготовление поддельных документов, фальшивомонетничество и др.), воинские преступления (дезертирство, побег с поля боя, измена в военной обстановке), преступления против суда

[12] См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 2. С. 68-74.

(взяточничество судьей, лжесвидетельство и др.), имущественные преступления (кража, грабеж, разбой и др.), преступления против личности (убийство, нанесение телесных повреждений и т.д.), преступления против нравственности (хранение и продажа табака и др.)[13].

Стоит заметить, что классификация вредоносных посягательств произведена не совсем убедительно, т.к. система преступлений до конца не выдержана. Однако заключение о неубедительности можно сделать только с позиции современного времени. Речь идет, к примеру, о главе XXII, которая в основном посвящена преступлениям против личности. При этом в нее включены не связанные с охраной личности составы преступлений[14].

Среди множества уголовно-правовых документов, разработанных в период царствования Петра I, наибольший интерес в разрезе исследуемого вопроса представляет Именной указ от 5 февраля 1724 г. «О различии штрафов и наказаний за государственные и партикулярные преступления». Названный юридический акт выделяет две категории преступлений: государственные и партикулярные. Первому виду деяний дана следующая характеристика: «Кто в суде неправду учинит или в каком ни есть деле ему поверенном или в чем его должность есть, а он то неправдой будет делать по какой страсти ведением и волей, такого яко нарушителя государственных прав и своей должности казнить смертью натуральной или политической по важности дела, и всего имения лишить»[15]. Относительно партикулярных преступлений отмечается: «Кто неправдой станет бить челом и в том обличен перед судом будет, такого штрафовать взятием из его такой же долей, о какой бил челом, например, буде о деревнях, столько деревень, буде о движимом каком, столько движимого, из чего половину в госпиталь, а другую надвое, половину судьям, а другая тому, на кого бил челом неправдой…».

---

[13] См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3. С. 258–442.
[14] См.: Там же. С. 432–436.
[15] См.: Законодательство Петра I. 1696-1725 годы / Составитель В.А. Томсинов. М., 2014. С. 453.

Представленное позволяет сделать вывод о том, что Именной указ дифференцирует преступления, существенно отличающиеся уровнем опасности. Каждой группе запрещенных поступков соответствует специфическое карательное последствие. За государственные преступления устанавливается смертная или политическая казнь, за партикулярные – штраф.

Петр I осознавал необходимость систематизации уголовно-нормотворческой деятельности, интенсивно проводимой в период его правления. Император неоднократно давал поручения составить новое Уложение, которое среди прочего должно было пополниться упомянутым документом. Однако кодификационные работы остались без результата.

Вторая половина XVIII века, на которую приходились годы правления Екатерины II, характеризуется активным распространением в Российской Империи просветительских мыслей. В Наказе Комиссии о составлении проекта нового Уложения Екатериной II заимствованы идеи итальянского мыслителя Ч. Беккария и французского просветителя Ш.Л. Монтоскье. Наказ содержал новые для отечественной уголовно-правовой мысли положения: неизбежность и соразмерность наказания, предупреждение преступлений, исправление личности преступника. В Дополнении к большому Наказу Уложенной комиссии 1767 г. всероссийская самодержица отмечает, что «не надобно смешивать великого нарушения законов с простым нарушением установленного благочиния: сих вещей в одном роду ставить не должно»[16].

Данное положение получило дальнейшее развитие в Уставе Благочиния или Полицейском 1782 г. В соответствии с ним лица, которые совершили значительные правонарушения, направлялись в суд для определения им меры наказания. Например, «Буде кто учинит беспошлинный привоз или отвоз товара, ценою выше двадцати рублей или в четвертый раз, у того имав беспошлинный

[16] Куприц Н.Я. Государственно-правовые идеи «просвещенного» абсолютизма в «Наказе» Екатерины II // Вестник МГУ. Серия X. Право. 1962. № 4. С. 72-73.

товар без возврата, пошлиннокрада сажать под стражу и отослать к суду»[17]. В отношении лиц, допустивших малозначительные нарушения, окончательный вердикт выносила полиция. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 273 Устава Благочиния или Полицейского «Буде же кто учинит беспошлинный привоз или отвоз товара, ценою ниже двадцати рублей, у того имав беспошлинный товар без возврата, пошлиннокрада сажать в рабочий дом, дондеже заплатит пошлину и пени шесть процентов выше того с беспошлинного товару, в рабочий дом»[18].

Все изложенное позволяет обнаружить различие между «простым нарушением установленного благочиния» и «великим нарушением законов» по степени их опасности и последствиям, грозящим потенциальному преступнику. Значительный размер предмета контрабанды или многократная повторяемость указанного поведения свидетельствует о вредоносности деяния для общества. Высокая степень опасности виновного оправдывает применение к нему меры пресечения («сажать под стражу») и привлечение лица к уголовной ответственности («отослать к суду»). В случае допущения однократной незначительной по стоимости предмета контрабанды достаточно взыскать штраф и направить виновного в рабочий дом.

К началу XIX века отечественное законодательство испытывало потребность в систематизации накопленного массива нормативных положений. Результатом активной кодификационной работы стало составление Свода законов Российской Империи 1832 г. (вступил в силу с 1 января 1835 г.). Уголовно-правовые нормы были сосредоточены в книге I тома XV указанного документа. Свод законов Российской империи предусматривал две категории преступных деяний: преступление и проступок. Названный памятник права формулирует следующие определения разновидностей преступных посягательств:

«Ст. 1. Всякое деяние, запрещенное законом под страхом наказания, есть преступление.

---

[17] Устав благочиния или полицейский // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014. № 2. С. 190–204.
[18] Там же.

2. Деяния, запрещенные под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления, именуются в законе маловажными преступлениями или проступками».

Закон, как видим, разграничивает преступления и проступки по тяжести наказаний, установленных в уголовно-правовой норме. Закрепление на легальном уровне определений групп вредоносных деяний послужило мощным толчком для качественного совершенствования уголовного законодательства.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. продолжило ранее начатую градацию преступных нарушений. В отделении первом «О существе преступлений и проступков» предпринят основательный подход к определению понятий «проступок» и «преступление». Первая часть отделения формулирует понятие преступления, под которым понимается «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц…». Часть вторая трактует проступок как «Нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы…». Часть третья гласит: «За преступления и проступки, по роду и мере важности оных, виновные подвергаются наказаниям уголовным и исправительным» [19].

Первое отделение Уложения создало основу для разграничения проступка и преступления в дальнейших статьях документа. В том числе категоризация уголовных правонарушений построена в зависимости от наказуемости. За совершение проступков предусматривались исправительные наказания, а за преступления – уголовные. К исправительным наказаниям относились: временное лишение свободы в исправительных арестантских отделениях, в тюрьме или крепости, кратковременный арест, выговоры в присутствии суда, денежные взыскания. Уголовным наказанием выступало лишение всех прав состояния,

[19] См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6. С. 174.

соединенное либо со смертной казнью, либо с каторжными работами либо со ссылкой на поселение в Сибирь или на Кавказ.

Исходя из изложенного, очевиден вывод о том, что рассмотренное Уложение представляет шаг вперед в развитии дифференциации преступных нарушений. Однако законодатель допустил непоследовательность в решении этого вопроса. Суть этой непоследовательности, по замечанию Н.С Таганцева, заключается в том, что «Даже поверхностный обзор первого раздела уложения 1845 г. указывал, что выражения «преступление» и «проступок» употреблялись в нем то в видовом значении, то для выражения понятия о преступном деянии вообще»[20].

Результатом проведения судебной реформы стало принятие в числе прочего Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. Этот документ, по сути, являлся кодексом материального права. Он включил в себя маловажные преступления и проступки, ранее расположенные в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, а также в иных законодательных актах (Уставах Почтовом, Строительном, Путей Сообщения). Противоправные деяния, вошедшие в комментируемый Устав, наказывались выговором, замечанием, внушением, денежным взысканием на сумму до 300 руб., арестом до 3-х месяцев, заключением в тюрьму на срок до 1 года[21]. По свидетельству Н.С. Таганцева, после принятия Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, дифференциация преступных деяний лишилась «последней почвы».[22]

Проведенные в Российской Империи полицейская и судебная реформы повлекли закономерные изменения уголовного законодательства, воплотившиеся в новых редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 и 1885 гг. В ст. 1 Уложения 1885 г. сформулировано общее понятие преступления и проступка. Данная норма звучала следующим образом: «Преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение

[20] Таганцев Н.С. Русское уголовное право в 2-х частях. Ч. 1. М.: Юрайт, 2023. С. 70.
[21] См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1991. Т. 8. С. 395.
[22] Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 70.

того, что под страхом наказания законом предписано»[23]. На Особом Совещании Сената было разъяснено, что слова «преступление» и «проступок», которыми оперируют различные статьи рассматриваемого Уложения, друг другу не противопоставляются. Одновременно с этим в законе отсутствуют определения этих терминов и нередко допускается их безразличное употребление[24].

Наделение крестьян свободой, отказ от чересчур жестких телесных наказаний, введение новых судов, постепенное преодоление сословной градации населения и другие реформы вызвали потребность в серьезном обновлении законодательства. 22 марта 1903 г. Николаем II было утверждено Уголовное уложение. Оно включило в себя лучшие достижения уголовно-правовой науки. В его подготовке участвовали выдающиеся юристы – Н.А. Неклюдов, Н.С. Таганцев, В.Д. Спасович, И.Я. Фойницкий и другие. Четкая структурная композиция данного законодательного памятника и высокий уровень юридической техники помогли занять ему достойную нишу в истории отечественного уголовного законотворчества.

В ст. 3 положений общих Уголовного уложения выделяется трехзвенная система преступных деяний: тяжкие преступления, преступления и проступки. Под тяжкими преступлениями в ч. 1 ст. 3 понимаются: «Преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание смертная казнь, каторга или ссылка на поселение». Часть 2 ст. 3 гласит: «Преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме, именуются преступлениями». И, наконец, в ч. 3 ст. 3 располагается определение проступка: «Преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание арест или денежная пеня, именуются проступками». Со всей очевидностью можно утверждать, что категоризация уголовных правонарушений произведена в зависимости от предусмотренного за

[23] См.: Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: Изд. проф. Имп. Училища правоведения, 1886. С.1.
[24] См.: Там же. С. 10.

их совершение наказания. Однако официально основание деления преступлений на группы сформулировано не было.

Одобренное собранием Государственного Совета, утвержденное Николаем II Уголовное уложение 1903 г. так и не вступило в полном объеме в законную силу. Наряду с ним действовали нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьям. Таким образом, кропотливая работа составителей Уложения не была доведена до закономерного финала. Вместе с тем, идеи и принципы, воплощенные в его положениях говорили об уверенном движении российского государства в направлении буржуазного развития.

После октября 1917 г. в силу известных идеологических причин не произошла естественная преемственность отечественной уголовно-правовой мысли. Советский социалистический период характеризуется созданием принципиально нового уголовного законодательства. Большой интерес в канве исследуемого вопроса представляет обращение к первому Уголовному кодексу РСФСР, вступившему в силу 1 июня 1922 г. Статья 27 УК РСФСР 1922 г. предусматривала классификацию преступлений на две категории:

«а) направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемые ею наиболее опасными, по которым определенный Кодексом низший предел наказания не подлежит понижению судом и

б) все остальные преступления, по которым установлен высший предел определяемого суду наказания»[25].

В изложенной статье законодатель разграничил категории преступлений по степени значимости общественных отношений, охраняемых уголовно-правовыми средствами. За наиболее опасные посягательства в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РСФСР предусмотрены низшие границы видов наказаний. За остальные преступления установлены исключительно верхние

[25] См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М.: Госюриздат, 1953. С. 119.

планки меры наказаний. Заслуживает особого внимания тот факт, что УК РСФСР 1922 г. стал первым отечественным уголовным законом, который ввел термин «категория преступлений».

Вместе с тем, несмотря на отмеченные моменты, представленное законодательное решение отнюдь небезупречно. Во-первых, нормативно не оформлен классификационный критерий, используемый для разграничения преступных посягательств на категории. Можно только предположить, что основанием для такого деления выступала разница в классово-политическом характере деяний. Д.И. Курский, будучи одним из разработчиков рассматриваемого уголовного закона, на III сессии ВЦИК IX созыва докладывал: «При разработке уголовных норм мы разделили все преступления на две основные группы: первая группа – это преступления, непосредственно направленные против советского строя, вторая группа – преступления, являющиеся пережитком старого строя, не представляющие собой прямого покушения на защищаемый нами строй. Нам было ясно, что раз мы принимаем такое деление, то такой же должен быть и основной принцип при выработке наказания. Очевидно, те преступления, которые непосредственно направлены против советского строя, требуют более сильных репрессий, а те, которые являются пережитками старого строя, такой суровости не требуют»[26]. Во-вторых, вряд ли достаточно выделения двух категорий преступлений для осуществления дифференцированного подхода к деяниям, значительно отличающимся по степени общественной опасности.

Не произошло на этот счет серьезных изменений и в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик 1924 г. Новшество коснулось только дефинирования наиболее опасных преступлений. Под ними стали пониматься: «а) направленные против основ советского строя,

[26] Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 82.

установленного в Союзе ССР волею рабочих и крестьян, и потому признаваемые наиболее опасными»[27].

В ноябре 1926 г. на базе Основных начал Союза ССР и Союзных республик 1924 г. принят УК РСФСР редакции 1926 г. В части категоризации преступлений новый уголовный закон перенял общесоюзные рекомендации. В нем было текстуально воспроизведено положение первоисточника, посвященное градации преступлений на категории. Только при характеристике наиболее опасных преступлений закон допустил незначительное отклонение от Основных начал. Если в последних шла речь об основах советского строя, установленных в Союзе ССР *волею* рабочих, то в УК РСФСР говорилось об основах советского строя, установленных в Союзе ССР *властью* рабочих[28].

Дальнейшее развитие институт категоризации преступлений получил в Основах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик 1958 г. Примечательна поправка, внесенная в общесоюзный юридический документ 18 мая 1972 г. В соответствии с ней Основы пополнились ст. 7^1, содержащей определение тяжких преступлений и их перечень. Под данной категорией преступлений понимались: «...перечисленные в части второй настоящей статьи умышленные деяния, представляющие повышенную общественную опасность»[29]. Достаточно громоздкой выглядит ч. 2 указанной статьи, поскольку законодатель постарался изложить в ней исчерпывающий перечень составов преступлений.

Закономерно, что высказанная мысль общесоюзного законодателя воплотилась и на уровне РСФСР. 23 июня 1972 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР принятый на базе Основ УК РСФСР 1960 г. пополнился соответствующей нормой. Обращает на себя внимание тот факт, что наряду с тяжкими преступлениями в арсенале УК РСФСР 1960 г. присутствовали преступления, не представляющие большой общественной опасности и особо

---

[27] См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М.: Госюриздат, 1953. С. 200.
[28] См.: Там же. С. 264.
[29] См.: Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975: в 4 т. Т. 2. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1975. С. 167–168.

тяжкие преступления. Упоминание о второй категории преступлений встречается в статьях, посвященных ответственности несовершеннолетних; обстоятельствам, смягчающим ответственность и некоторым видам освобождения от уголовной ответственности и наказания. В существовании последней категории преступлений нетрудно убедиться даже при беглом ознакомлении с УК РСФСР 1960 г. Так, ст. 23 гласит: «В виде исключительной меры наказания допускается применение смертной казни – расстрела – за особо тяжкие преступления в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом». Статья 24 также знает данную категорию преступлений: «Лишение свободы устанавливается на срок от трех месяцев до десяти лет, а за особо тяжкие преступления, за преступления, повлекшие особо тяжкие последствия, и для особо опасных рецидивистов в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР и Особенной частью настоящего Кодекса, – не свыше пятнадцати лет»[30]. Преступления, не представляющие большой общественной опасности и особо тяжкие преступления, в отличие от тяжких преступлений, остались без официального дефинирования.

Обобщая изложенное относительно категоризации преступлений по УК РСФСР 1960 г., можно заключить, что этот институт представлен несколько совершеннее по сравнению с предыдущим уголовным законодательством. Аргументом в пользу этого может служить то, что новый УК РСФСР предпринял попытку трехчленной категоризации преступлений. Каждая категория преступлений ассоциировалась с определенными параметрами общественной опасности. Указанное способствовало более эффективной дифференциации уголовной ответственности.

Вместе с тем официальная позиция по рассматриваемому вопросу далека от основательности. Нельзя объяснить тот факт, что законодатель не наполнил содержательными признаками понятия «преступления, не представляющие большой общественной опасности» и «особо тяжкие преступления». Закономерен вопрос о том, чем отличаются преступления, не представляющие большой

[30] См.: Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (ред. от 30.07.1996) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

общественной опасности от деяний, содержащих признаки преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Последние неоднократно встречаются в тексте рассматриваемого документа (например, ст. 50 и ст. 52 УК РСФСР 1960 г.). До конца неясно, какие цели преследовал законодатель, введя новеллу «деяния, содержащие признаки преступления»? Кроме того, группы преступлений разрознено располагаются в Общей части Уголовного кодекса. Рассматриваемое уголовный закон, в отличие от ближайших предшественников, отказался от термина «категория» при наименовании этих обособленных групп преступлений. Очевидно, что отнесение преступлений к той или иной группе осуществлено в зависимости от степени общественной опасности. Однако легально критерий, обусловивший разграничение преступных деяний на виды, не назван. Перечисленные противоречивые аспекты не могли не отразиться на качестве правоприменительной практики.

Исследуя исторический аспект категоризации преступлений, нельзя оставить без внимания Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. Вследствие прекращения существования СССР они так и не вступили в законную силу. Тем не менее, в плоскости исследуемого вопроса Основы представляют научный интерес.

Наконец, общесоюзный законодатель представил четкую и выверенную систему классификации преступлений, которая располагалась в самостоятельной норме. Впервые на законодательном уровне был назван классификационный критерий, используемый в качестве основания категоризации преступлений. Статья 9 Основ провозглашала, что основанием распределения преступных посягательств на виды являлись характер и степень общественной опасности. Вся совокупность умышленных и неосторожных деяний относилась к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, менее тяжким, тяжким и особо тяжким. Каждая категория преступлений наполнялась своими сущностными свойствами.

Под преступлениями, не представляющими большой общественной опасности в ч. 2 ст. 9 Основ подразумевались: «умышленные преступления, за

которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет или иное более мягкое наказание, а также преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше пяти лет либо иное, более мягкое наказание». К менее тяжким преступлениям относились: «умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше пяти лет, а также преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет». Под тяжкими преступлениями понимались: «умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше десяти лет». И, наконец, в последней части рассматриваемой статьи отмечалось, что: «К особо тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или смертная казнь»[31].

Безусловно, Основы 1991 г. совершили прорыв в области категоризации преступлений. В аспекте анализируемого вопроса они выгодно отличались от предшествующих юридических памятников. Между тем в представленных трактовках категорий преступлений обнаруживаются и некоторые уязвимые места. Так, например, в качестве основы категоризации преступных деяний используются характер и степень общественной опасности. Вместе с тем, при формулировании наименований и определений конкретных категорий, отмеченное основание фигурирует только в названии преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Другие группы преступных правонарушений отражают некую «тяжесть». Возникают вполне логичные вопросы, как соотносятся термины «общественная опасность» и «тяжесть»? Почему законодатель принял решение не оперировать определенным уровнем

[31] Основы уголовного законодательства Союза ССР и Республик от 02.07.1991 № 2281-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 30. Ст. 862.

общественной опасности в названии трех категорий преступлений? Сказанное высвечивает необходимость оптимизации ряда формулировок.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. стали последним принятым уголовно-правовым документом в общесоюзной стране. Дальнейшая эволюция рассматриваемого института будет происходить уже в рамках периода становления современной российской государственности.

Принятие Конституции РФ 1993 г. явилось кульминационной точкой в возвращении отечественного общества на путь естественно-исторического развития. В ходе конституционной реформы произошло высвобождение личности из-под тотального государственного контроля. Центральными обязанностями государства стали признание, соблюдение и защита прав и свобод человека, который выступает высшей ценностью. Констатация этого факта обусловила следующий исторический период развития уголовного законодательства.

Постсоциалистический период ознаменовался принятием в 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации. Статья 15 УК РФ все умышленные и неосторожные преступления дифференцирует на четыре категории: преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления. В качестве основания категоризации преступлений используется характер и степень общественной опасности (ч. 1 ст. 15 УК РФ). Если сравнить настоящее положение с соответствующей нормой Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., то нетрудно заметить, что современный законодатель позаимствовал у предшественника критерий для подразделения преступных правонарушений на категории. В сопоставляемых источниках уголовного законодательства помимо отмеченного момента совпадают количество категорий общественно опасных деяний, отчасти их заглавие и дополнительные критерии распределения преступлений на виды, выраженные формами вины, видами и размерами наказаний.

Достоин упоминания тот факт, что в первоначальной редакции УК РФ неосторожные преступления объединены в три категории преступлений: небольшой тяжести, средней тяжести и тяжкие. В соответствии с Федеральным

законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ[32] тяжкие преступления претерпели существенные изменения. В силу поправки, просуществовавшей чуть больше восемнадцати лет, деяния, совершенные по неосторожности достигали только уровней небольшой и средней тяжести, что выглядело вполне оправданным. Федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ[33] неосторожным общественно опасным деяниям снова возвращен статус в том числе тяжких преступлений.

Такое нормотворческое решение в специальной литературе нередко оценивается отрицательно. И.Э. Звечаровский убежден, что соотнесение уголовно-правовых санкций за преступления, предусмотренные ч.ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ, с реальной степенью общественной опасности указанных деяний можно было осуществить в рамках прежней категоризации неосторожных преступлений. Одним из механизмов, обеспечивающих более полную реализацию санкций за такие деяния, могло быть ограничение применения мер, предусмотренных ст.ст. 64, 73 УК РФ, к лицам, совершившим такие преступления[34].

А.В. Наумов заявляет, что фактически предпринятый законодателем шаг свидетельствует об отрицании различной общественной опасности неосторожных и умышленных посягательств, а также связанных с этим пределов наказания за такие преступления. При этом автор возлагает надежду на судей, которые будучи профессиональными специалистами в области права, способны сохранить разницу между умышленными и неосторожными преступлениями. В связи с этим

---

[32] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 09.03.2001 № 25-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1002.

[33] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 17.06.2019 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 25. Ст. 3166.

[34] См. Звечаровский И.Э. Тяжкие неосторожные преступления // Законность. 2020. № 1. С. 45–46.

очевидно, что новая санкция за автотранспортные преступления окажется «мертвой»[35].

По мнению А.М. Герасимова решение проблемы относительно назначения небольших наказаний водителям за предусмотренное ст. 264 УК РФ преступление не требовало изменений уголовного закона. Достаточно было преодолеть неверный правоприменительный стереотип, согласно которому многие деяния, совершенные водителями с косвенным умыслом, неоправданно квалифицировались по ст. 264 УК РФ[36].

Представленная критика выглядит, на наш взгляд, вполне оправданной. Заметим, что стремление законодателя унифицировать категории преступлений с различной формой вины не в полной мере согласуется с уголовно-правовым учением о вине. Так, лица, совершившие преступления по неосторожности в отличие от тех, кто совершил деяния с умышленной формой вины, не осознают общественной опасности своего деяния. Уже только это обстоятельство позволяет вести речь об отсутствии со стороны таких лиц угрозы новых посягательства на уголовно-правовые объекты. Иная ситуация возникает при совершении лицом умышленного преступления. В этом случае интеллектуальный и волевой компонент прямого или косвенного умысла дают реальные основания опасаться продолжения таким лицом преступной деятельности в будущем. Как представляется, такая позиция во многом разделяется и законодателем, поскольку рецидив преступлений образуют только преступные посягательства, совершенные умышленно (ч. 1 ст. 18 УК РФ); покушение на преступление связывается только с умышленными действиями (ч. 3 ст. 30 УК РФ); обстоятельства, отягчающие наказание, предполагают умышленную форму вины (ч. 1 ст. 63 УК РФ) и др.

Кроме того законодатель, внеся существенные коррективы в ст. 15 УК РФ, не позаботился об адаптации других норм уголовного законодательства под

---

[35] См.: Наумов А.В. О законодательной попытке устранить различие в ответственности за умышленные и неосторожные преступления // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9. С. 64–69.

[36] См.: Герасимов А.М. Теория уголовного правонарушения: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 287.

тяжкие неосторожные преступления. А именно, до конца неясно какой вид исправительного учреждения назначать лицу, совершившему тяжкое неосторожное преступление (пп. «а»–«б» ч. 1 ст. 58 УК РФ); какими принципами руководствоваться при назначении ему наказания по совокупности преступлений (чч. 2–3 ст. 69 УК РФ); какое правило использовать в случае совершения в период испытательного срока условного осуждения тяжкого неосторожного преступления (чч. 4–5 ст. 74 УК РФ)?

Еще одно изменение, произошедшее в ст. 15 УК РФ в период действия настоящего УК РФ, касается увеличения максимального предела наказания для преступлений небольшой тяжести с 2 до 3 лет[37]. Отмеченное нововведение вполне отвечает наметившейся тенденции либерализации уголовного законодательства, обусловленной, в том числе установлением ранее неизвестных УК РФ оснований освобождения от уголовной ответственности; снижением или вовсе исключением нижнего предела санкций отдельных норм Особенной части УК РФ и др.

В 2011 г. произошло еще одно знаменательное событие для ученого мира и правоприменительной практики. Часть 6 ст. 15 УК РФ наделила суд правом изменять категорию преступления на менее тяжкую. Сформулированное положение воплощает замысел законодателя по расширению полномочий судебного органа при установлении того обстоятельства, что степень общественной опасности совершенного преступления ниже типовой (усредненной) степени общественной опасности деяний, относящихся к соответствующей категории преступлений. Положения ч. 6 ст. 15 УК РФ будут подробно рассмотрены в главе диссертации, посвященной правоприменителю как субъекту изменения категории преступления.

Подводя итог вышеизложенному относительно исторического аспекта категоризации преступлений можно сформулировать ряд значимых выводов.

---

[37] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011 г. № 50. Ст. 7362.

1. Развитие категоризации преступных посягательств в досоветской России соответствовало нативному совершенствованию общества и шло естественной чередой событий. Категоризация преступлений на этом историческом этапе прошла в своем развитии путь от размежевания мер наказания за конкретные деяния, существенно разнящиеся рангом опасности, до упорядоченной системы категорий преступлений в Общей части уголовного законодательства. Сам термин «категория преступлений» в досоветском законодательстве не встречается.

2. После Октябрьской революции 1917 г. должной преемственности уголовного законодательства в силу пресловутых мировоззренческих предпосылок не произошло. Исследуемый феномен начал развиваться по новому сценарию. Трехчленная категоризация уголовных правонарушений (тяжкие преступления, преступления, уголовные проступки) сменилась на двухзвенную. В ее основу фактически был заложен критерий, используемый как средство идеологической борьбы. Так, социально нежелательные деяния признавались наиболее опасными, если были направлены против базиса нового правопорядка. Советскому законодателю понадобилось больше полувека, чтобы разработать качественную композицию положений по вопросу категоризации преступлений. Однако, нормативный правовой акт, вобравший в себя столь прогрессивные мысли о категоризации преступлений, так и не вступил в законную силу по причине прекращения существования СССР.

3. Несмотря на наличие противоречивых аспектов на втором этапе развития российского государства, нельзя упустить из вида очевидные достоинства в решении исследуемой проблемы. В уголовное законодательство введен ранее незнакомый термин «категории преступлений». Следующей важной заслугой советского законодателя стало определение понятия тяжких преступлений и формирование их закрытого перечня. Наряду с выделенной категорией преступлений появлялись первые фрагментарные упоминания о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности и особо тяжких преступлениях. Эти осторожные шаги законодателя привели

впоследствии к обретению категоризацией преступлений статуса основательной и логически выверенной системы.

4. Законодатель уделяет пристальное внимание вопросу категоризации преступлений и в постсоциалистический период развития отечественного уголовного законодательства. Подход к формулированию нормы о категоризации преступлений на этом этапе еще в большой степени развивает категоризацию общественно опасных деяний. Представительная власть, неоднократно прибегая к редактированию рассматриваемого явления, ищет наиболее приемлемый вариант. Тем не менее, на сегодняшний день в специальной литературе и правоприменительной практике неоднозначно истолковывается действующее законодательное решение по вопросу категоризации преступлений.

§ 2. Категоризация преступлений: содержание понятия

Классификация сопровождает любую научную область, поскольку выступает своеобразным средством познания объективной реальности, способствует упорядочению знаний о ней и ведет к выявлению новых сведений о классифицируемом материале. В отечественном уголовном законодательстве объектом классификации могут выступать различные явления – преступления, составы преступлений, наказания, иные меры уголовно-правового характера и др. При этом одно и то же явление может подвергаться делению по нескольким основаниям. Таким сложным объектом являются преступления. Уголовному праву известны классификации преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности; формы вины; момента окончания преступного деяния; количества лиц, участвующих в совершении преступления; объекта посягательства и других критериев деления.

Статусом фундаментальной классификации в уголовном праве обладает категоризация преступлений. Такое понятие устоялось в научном обороте для обозначения классификации преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности. Заметим, что понятие «категоризация преступлений»

пока не обрело официальное признание. Коль именно в науке уголовного права сформировалось такое понятие, следовательно, можно предположить, что вопрос о том, чем в сущности является этот феномен решен исследовательским путем. Однако авторы нечасто пытаются, исходя из содержания уголовно-правовой нормы, регламентирующей категории преступлений, ответить на него. Такая ситуация актуализирует выявленную проблему и служит стимулом для проведения исследований в данном направлении. Ведь приближение к единому научному определению в дискуссии способно вскрыть саму суть того или иного явления и снять часть вопросов, возникающих вокруг него.

Стоит заметить, что в доктрине уголовного права встречаются определенные наработки, непосредственно связанные с категоризацией преступлений. Имеются в виду труды, в которых предложены дефиниции категорий преступлений. К тому же в рамках таких исследований ученые стремятся ответить на сопровождающие категоризацию преступлений вопросы. Речь идет об основании или критериях подразделения преступлений на категории, об их оптимальном количестве, о значении категоризации преступлений для других норм и институтов уголовного законодательства, влиянии рассматриваемого явления на межсистемные связи различных отраслей законодательства и знания и т.п. Полагаем, что взгляд на категоризацию преступлений как завершенную систему не может исходить без учета данного опыта. Между тем успешное решение затронутых проблем в таких исследованиях затруднено, на наш взгляд, неясностью самого понятия категоризации преступлений. В этой связи, как представляется, будет правильным, сформировать целостное представление о данном понятии, наполнив его собственным содержанием.

Поставленная цель помимо теоретической значимости имеет и практическую ценность. Последняя состоит в том, что получение новых знаний в русле заявленной тематики, будет служить базой для эффективного решения не только уголовно-правовых, но и уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных, иных юридических и криминологических вопросов. В конечном

итоге это будет способствовать оптимальной охране личности, общества, государства, всего мира от общественно опасных посягательств; их предупреждению; повышению социальной результативности отраслей права криминального цикла; выработке специфики противодействия деяниям, образующим те или иные категории преступлений.

Пожалуй, в числе первых кто сформулировал понятие категоризации преступлений, был Н.Г. Кадников. Сразу же обращает на себя внимание тот факт, что ученый нередко по тексту своей работы использует после слова «классификация» слово «категоризация», которое заключает в скобки. Кроме того на одной из страниц авторского труда можно встретить такую фразу «Посредством классификации преступлений, т. е. их разграничения в зависимости от характера и степени общественной опасности…». Наличие скобок и пояснительного союза «то есть» свидетельствует о том, что между классификацией и категоризацией преступлений поставлен знак равенства. Следовательно, данные понятия оцениваются исследователем как равнозначные.

Признать правильность такого суждения сложно. Полагаем, что категоризация преступлений является частным случаем классификации преступлений. Помимо категоризации преступлений в уголовном праве используются иные классификации вредоносных поступков, которые именовать категоризацией преступлений не допустимо. Заметим, что когда Н.Г. Кадников непосредственно формулирует понятие классификации преступлений в уголовном праве, то скобки со словом «категоризация» уже не используются. Такая ситуация порождает смысловую запутанность и оставляет ощущение непоследовательности во взглядах ученого в вопросе соотношения классификации и категоризации преступлений. Тем не менее, предлагаем исследовать имеющееся определение. Под классификацией преступлений, а исходя из выше сказанного, значит, и под категоризацией преступлений автор

предлагает понимать «разграничение их на определенные виды, группы, категории в соответствии с выбранным критерием»[38].

Представленное определение можно оценить как абстрактное и лаконичное. Оно скорее подходит для характеристики не категоризации преступлений, а любой классификации преступлений, существующей в уголовном праве. На это обстоятельство указывает использование автором наряду со словом «категории» таких фраз как «виды» и «группы». Полагаем, что, исходя из содержания УК РФ, можно выделить такие виды или группы преступлений как умышленные, неосторожные или с двумя формами вины; оконченные или неоконченные; совершаемые одним лицом или в соучастии; совершаемые путем активных действий или бездействия; влекущие наказание в виде лишения свободы и иные наказания, не связанные с лишением свободы; преступления против личности, в сфере экономики, общественной безопасности и общественного порядка; против государственной власти и т.д. Автор также не конкретизирует критерий дифференциации преступлений. Из этого следует, что помимо характера и степени общественной опасности, в качестве такового могут выступать соответственно форма вины; момент окончания общественно опасного деяния; количество лиц, участвующих в совершении преступления; признак объективной стороны преступных деяний; наказуемость или ненаказуемость лишением свободы; объект посягательства и др.

В контексте анализируемой проблемы представляется интересным исследовать содержание понятия «категория преступлений», сформулированного также исследователем. По мнению Н.Г. Кадникова, категория преступлений – это «обособленная группа определенных видов преступлений, объединенных общностью признаков, выделяемых уголовным законом в системе однородных, себе подобных явлений, в основе которых лежит их тяжесть, выраженная в

[38] Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2000. С. 10.

типовой санкции, и за совершение которых предусмотрены специфические уголовно-правовые последствия»[39].

Процитированная дефиниция является серьезной и перспективной попыткой заполнения «пустоты» в науке по заявленной проблеме. Однако данное определение не лишено спорных моментов. Во-первых, обращает на себя внимание формулировка «обособленная группа видов преступлений,…, выделяемых уголовным законом». Считаем, что это не соответствует современному положению вещей в уголовном законодательстве. Так, в отличие, например, от УК РСФСР 1960 г., где в ст. 7^1 содержался исчерпывающий перечень составов преступлений, относящихся к категории тяжких преступлений, действующее уголовное законодательство отказалось от такого опыта. Важно подчеркнуть, что в настоящее время категории преступлений не наполняются законодателем перечнем составов преступлений. Во-вторых, не совсем точной является фраза «за совершение которых предусмотрены специфические уголовно-правовые последствия». Скорее всего, автор имеет в виду значение категоризации преступлений для норм и институтов уголовного законодательства. Однако такой подход ущемляет значение категоризации преступлений в других отраслях законодательства.

С точкой зрения Н.Г. Кадникова в определенной мере пресекается мнение М.М. Дайшутова, который предложил под категоризацией преступлений понимать «их разграничение на отдельные категории в зависимости от тяжести, каждая из которых предопределяет объем негативных уголовно-правовых последствий для лиц, виновных в совершении преступлений той или иной тяжести».

Из представленного видно, что автор совершенно справедливо сосредотачивает внимание на целостном явлении, а не на отдельных категориях преступлений. В тоже время, на наш взгляд, в такой дефиниции обнаруживаются некоторые недочеты. Во-первых, вряд ли является безупречным решением в

[39] Там же. С. 11.

основание подразделения преступлений на категории закладывать термин «тяжесть», поскольку автор не раскрывает его значение. Во-вторых, данное определение не лишено того же уязвимого момента, что и предыдущее. Так, правовед ассоциирует категоризацию преступлений сугубо с уголовно-правовыми последствиями. Такой взгляд на рассматриваемый феномен является чересчур узким.

Отличается оригинальностью позиция Б.Т. Разгильдиева, который, используя законодательную конструкцию категорий преступлений, выявил сущностные аспекты этого феномена и на их базе сформулировал соответствующее понятие. По его мнению, категории преступлений – это «обособленные законом группы составов преступлений, существенно отличающихся друг от друга уровнем общественной опасности, отражаемым различной мерой наказания в виде лишения свободы, образованными из относительно равных по объему общественной опасности деяний, в них входящих, предусматривающих примерно одинаковую меру уголовного наказания, необходимые для оптимизации охраны личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств, их предупреждения»[40].

Представленное определение без сомнений задает решительное движение вперед уголовно-правовой доктрины по рассматриваемому вопросу. При этом нельзя оставить без критического осмысления некоторые ключевые моменты, составляющие содержание понятия. Во-первых, выглядит противоречивым определение категорий преступлений через составы преступлений. Думается, что составы преступлений не могут подразделяться в зависимости от уровня общественной опасности, поскольку они и вовсе не обладают таким признаком как общественная опасность. Состав преступления, фигурирующий на уровне законодательства, не может причинять вред и создавать угрозу его причинения объектам уголовно-правовой охраны. В свою очередь преступление нарушает

[40] Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2008. Т. 2. С. 134.

материальный порядок в окружающей действительности и одним из обязательных его признаков выступает как раз общественная опасность. Между тем в признаки состава преступления уголовно-правовая наука вкладывает иные компоненты.

Во-вторых, считаем излишним акцентировать внимание в определении на том моменте, что категории преступлений необходимы для оптимизации охраны личности, общества, государства, мира и безопасности человечества, а также предупреждения преступных посягательств. Полагаем, что все инструменты, используемые в уголовном законодательстве должны соответствовать данной декларации. В том случае, если какие-то уголовно-правовые нормы или институты не решают указанную задачу, то возникает логичный вопрос об уместности их нахождения в соответствующей отрасли.

Примерно в том же духе, что и Б.Т. Разгильдиев, высказывается А.М. Герасимов, дополняя дефиницию категорий преступлений признаками, отражающими произошедшие изменения в уголовном законодательстве. Речь идет о дополнении в 2011 г. положений ст. 15 УК РФ частью 6, предоставившей суду право изменять категорию преступления в сторону уменьшения на одну позицию[41]. Учитывая введенное законодателем новшество, автор сделал заключение о том, что категориями преступлений являются «формально обособленные группы составов преступлений, вопрос о принадлежности к которым конкретных общественно опасных деяний решается судом исходя из обстоятельств содеянного и с учетом личности виновного лица»[42].

В представленной дефиниции, во-первых, виден тот же просчет что и в ранее комментируемом определении. Имеется в виду, попытка определить категории преступлений через составы преступлений. Возникает и второй вопрос относительно утверждения исследователя о том, что принадлежность конкретных общественно опасных деяний к «обособленным группам составов преступлений»

---

[41] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

[42] Герасимов А.М. Категории преступлений и алгоритм их установления // Журнал юридических исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 61.

решается судом. Такой вывод не согласуется с позицией уголовного законодательства. Так, ч. 6 ст. 15 УК РФ трижды упоминает, что «осужденному назначено наказание». Под осужденным в уголовном судопроизводстве понимается обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор (ч. 2 ст. 47 УПК РФ). По нормотворческому замыслу изменение категории преступления возможно только после того, как осужденному назначено наказание, а следовательно суд постановил обвинительный приговор. Руководствуясь уголовно-правовой логикой, можно заключить, что вопрос о соответствии общественно опасного деяния определенной категории преступлений предрешен законодателем. Предполагается, что суд только после постановления обвинительного приговора может в качестве исключения скорректировать нормотворческое решение, применительно к реальному случаю, в сторону уменьшения категории преступления.

Хотелось бы обратить внимание еще на то обстоятельство, что в исследуемой дефиниции автор отмечает, что определение категории преступлений происходит, исходя из обстоятельств содеянного и с учетом личности виновного лица. Известно, что обстоятельства содеянного и личность виновного характеризуют степень общественной опасности. Между тем чуть ниже на этой же странице своей работы автор соглашается с обоснованностью законодательного решения относительного того, что основанием категоризации преступлений выступает характер и степень общественной опасности. Однако предложенное А.М. Герасимовым определение категорий преступлений скорее говорит об обратном.

Подвергнутые критическому анализу взгляды ученых на проблему категорий преступлений, безусловно, ценны для уголовно-правовой теории. Однако они все-таки не снимают с повестки вопроса о том, чем в сущности является категоризация преступлений? В настоящей работе мы исходим из положения о том, что категоризация преступлений выступает частным случаем классификации. Последняя в свою очередь является предметом философской рефлексии, поэтому сформулированный нами вопрос побуждает выйти за рамки

сугубо уголовно-правового осмысления категоризации преступлений. Начнем исследование классификационной проблематики с обращения к основам теории классификации.

Слово «классификация» имеет латинское происхождение и образовано от «classis» – разряд, класс и «facio» – делаю, раскладываю. На первый взгляд кажется, что классификация представляет собой банальное действие, в самом общем виде заключающееся в распределении на основе выбранного критерия однородных предметов или явлений по классам, разрядам, группам. Однако, несмотря на кажущуюся простоту, классификация представляет собой особый феномен познания, ставший объектом научного осмысления. Вариации в толковании термина «классификация» достаточно велики. Наиболее распространенным являются определение классификации как наименования результата классифицирования, либо как обозначение процесса построения классификации.

Яркой иллюстрацией первого варианта значения классификации служит позиция А.Л. Субботина. Так, автор под классификацией понимает «состоявшуюся систему знания, понятия которой означают упорядоченные группы, по которым распределены объекты некоторой предметней области на основании их сходства в определенных свойствах»[43].

В новейшем философском словаре классификация определяется как «многоступенчатое деление логического объема понятия (логика) или какой-либо совокупности единиц (эмпирическое социальное знание) на систему соподчиненных понятий или классов объектов (род - вид - подвид)»[44]. По мнению Н.И. Кондакова, классификация – это «распределение предметов какого-либо рода на взаимосвязанные классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов, при этом каждый класс занимает в получившейся системе определенное

[43] Субботин А.Л. Классификация: монография. М.: ИФ РАН, 2001. С. 9.
[44] Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. С. 316.

постоянное место и, в свою очередь, делится на подклассы»[45]. Как видим, в двух последних случаях классификация характеризуется в качестве процесса построения классификации.

В ученом мире высказано мнение о том, что процесс построения классификации правильнее именовать классифицированием. В качестве примера можно привести мнение Ю.А. Шрейдера, который отмечает, что «Классифицирование [как процесс] – это прежде всего приведение некоторой предметной области в систему, установление отношений родства между этими объектами и их группировка в классификационные ячейки – таксоны по степени родства. Классификация [как результат] – это сетка таксонов различного ранга, в которой находит свое место любой объект из рассматриваемой предметной области»[46].

Мы разделяем позицию Ю.А. Шрейдера в части четкого разграничения классифицирования как процесса и классификации как результата. Считаем, что каждый из рассмотренных терминов обладает своими уникальными смысловыми оттенками и двойственное разъяснение любого из них недопустимо.

Отмеченное многообразие определений классификации обуславливает наличие широкого диапазона ее значений. В специальной литературе наряду со словом «значение» употребляются и другие термины для того чтобы подчеркнуть конечный итог, который преследует классификационный подход. Нередко исследователи ассоциируют этот итог еще со словами: цели, функции, задачи, роль и т.п. На наш взгляд, А.Л. Субботин наиболее точно сформулировал задачи, которые призвана решать классификация. Последняя, по его мнению, необходима, чтобы «… во-первых, представлять в надежном и удобном для обозрения и распознавания виде все объекты этой предметной области; во-вторых, содержать как можно больше существенной информации о них. При этом классификация выступает не просто как констатация уже достигнутого знания, но … она вместе с этим задает общее направление ее дальнейшего

[45] Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 248.
[46] Шрейдер Ю.А. Логика классификации // Науч.-техн. информация. Сер. 1. 1973. № 5. С. 3.

целенаправленного исследования и может провоцировать создание новых научных дисциплин»[47]. Если суммировать теоретические наработки, в которых осмысливается значение классификации[48], то все они в той или иной степени отражаются в приведенном фрагменте.

Подведем итог вышесказанному относительно понятия и значения классификации в науке. Классификация представляет собой своеобразный инструмент познания реального порядка, позволяющий представить в удобном для восприятия формате знания о конкретных явлениях в той или иной научной области. Следуя такой логике, справедливым будет употреблять классификацию только в значении результата, установившегося в ходе классифицирования. Полученная классификация констатирует реальное структурное деления объектов окружающего мира, отражает итог исторического развития классифицируемого материала и обладает потенциалом прогнозирования. Такой подход к классификации обосновывает ее особую ценность в научном исследовании, поскольку использование рассматриваемого метода познания позволяет открывать новые стороны в осмысливаемых областях знания, усовершенствовать и развивать научную теорию.

Для наиболее полного и правильного понимания сути классификаций необходимо хотя бы беглое обращение к вопросу их градации на естественные и искусственные. Упомянутое деление классификаций производится в зависимости от степени существенности основания деления. Такая классификация является одной из самых распространенных и в свою очередь неоднозначно оцениваемых в специальной литературе.

---

[47] Субботин А.Л. Указ. соч. С. 9-10.

[48] См., напр.: Понкин И.В., Редькина А.И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. №3 (37). С. 252; Дайшутов М.М. Указ. соч. С. 77; Мейен С.В., Шрейдер Ю.А. Методологические аспекты теории классификации // Lethaea rossica. 2017. Т. 14. С. 101; Сырых В. М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. М.: РАП, 2012. С. 280; Джевонс С. Основы науки. Спб.: Типографія А.С. Суворина, 1881. С. 628.

С. Джевонс сформулировал следующие понятия рассматриваемых классификаций «… естественными называются те, которые по-видимому выражают порядок существующих вещей, как он определяется самой природой. … искусственные классификации имеют в виду только удобства при запоминании и описании естественных предметов». На страницах научной литературы встречаются и иные разъяснения данных видов классификаций. Чаще всего, их авторы стремятся сделать акцент на том, что в основании естественной классификации находится существенный признак, определяемый «естеством» изучаемых предметов и явлений. В искусственную классификацию напротив закладывается признак, имеющий ценность с практической точки зрения для целей проводимого исследования[49].

В науке признание за искусственными классификациями права на существование небесспорно. М.С. Строгович подчеркивал, что выделение искусственных классификаций является ненаучным подходом. Сама дифференциация классификаций на естественные и искусственные является в высшей степени искусственной: искусственная классификация – это не классификация в научном смысле, а простое деление, производимое по какому-либо признаку и необходимое для какой-либо практической цели. По мнению исследователя, речь надо вести не об искусственных и естественных классификациях, а о менее удачной в научном отношении классификации и о подлинно научной классификации соответственно[50]. Еще более решителен в своих суждениях Ю.А. Воронин, отметивший, что «деление классификаций на естественные и искусственные, поразительное по своей безосновательности, неконкретности и бесплодности, нанесло и наносит трудноисчислимый вред всему естествознанию»[51].

---

[49] См. напр.: Кондаков Н.И. Указ. соч. С. 172; Субботин А.Л. Указ. соч. С. 35; Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 257.

[50] См.: Строгович М.С. Логика: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.: Госполитиздат, 1949. С. 138.

[51] Воронин Ю.А. Введение в теорию классификации. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1982. С. 24.

Полагаем, что необходимо признать правоту ученных, критикующих возможность выделения, так называемых, искусственных классификаций. Так, в основах теории классификации исследователи обычно концентрируют внимание на том, что в качестве основания классификации должен выступать существенный признак[52]. Очевидно, что это один из необходимых стандартов в классификационной работе. Ведь сложно себе представить как на фундаменте несущественного произвольно выбранного признака сможет устоять система знаний, призванная не только констатировать реальный порядок вещей или явлений, но и углубить сведения о них, спровоцировать дальнейшее их теоретическое развитие. В связи с этим стремление ученых дифференцировать классификации на естественные и искусственные наталкивается на неразрешимое противоречие. А именно каким образом можно построить классификацию на несущественном признаке, если существенность выступает необходимой характеристикой основания классификации? Более того само основание деления «в зависимости от степени существенности основания деления» звучит странно. Отсюда следует, что существуют некие степени существенности? На данный вопрос, думается, должен последовать отрицательный ответ, т. к. признак, претендующий на роль основания либо существенен, либо нет, другие полу-состояния сложно себе представить. Изложенное позволяет нам сделать вывод, о том, что естественность, или другими словами, отражение истинной природы вещей, представляет собой существо любой классификации.

Уяснение, в том числе сути и значения классификации позволяет перейти ко второму этапу исследования. Он заключается в осмыслении того что же представляет собой категоризация преступлений? В процессе ее дефинирования следует помнить, что она выступает частным случаем классификации, а, следовательно, сформулированное в результате понятие категоризации преступлений должно воспроизводить сущностные аспекты классификации.

---

[52] Вопрос о признаке существенности основания классификации будет подробно рассмотрен в настоящей главе в параграфе «Основание и ранги категоризации преступлений».

В нашем представлении категоризация преступлений – это зафиксированная законодателем на определенном историческом этапе и влекущая правовые последствия градация преступлений на исключающие друг друга ранги в зависимости от максимального размера лишения свободы, предусмотренного в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ и отражающего степень общественной опасности преступлений.

Рассмотрим подробнее каждый из сущностных признаков, составляющих данное определение. Первым признаком является то, что категоризация преступлений произведена в зависимости от максимального размера лишения свободы, предусмотренного в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ. Данный признак выражен в конкретно-числовом виде и доступен для определения как правоприменителями, так и правоисполнителями. На сегодняшний день мера наказания выступает единственным инструментом, который позволяет определить категорию конкретного преступления и делает теоретическую конструкцию категоризации преступлений доступной для правоприменительного уровня[53].

Второй признак рассматриваемого определения заключается в том, что максимальный размер наказания в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ отражает степень общественной опасности преступлений. Очевидно, что законодатель при установлении за преступления максимального размера лишения свободы должен иметь некие ориентиры. Представляется, что в качестве такого ориентира выступает степень общественной опасности, являющаяся количественной стороной общественной опасности и предполагающая возможность ее измерения. Каждая из выявленных категорий преступлений обладает своей степенью общественной опасности, которая отражается соответствующим названием (небольшая, средняя, большая, особая). Эти оценочные категории свидетельствуют о разнице между категориями преступлений.

[53] См. об этом подробнее § 3 гл. 1.

Полагаем, что законодатель в ч. 6 ст. 15 УК РФ признал степень общественной опасности, признаком на основе которого образуются категории преступлений. В соответствии с данными положениями суд может изменить категорию преступлений «с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности» и при наличии сопутствующих данному основанию условий. Из процитированной законодательной формулировки видно, что при решении вопроса об изменении категории преступления суду необходимо руководствоваться степенью общественной опасности (фактические обстоятельства преступления отражают как раз степень общественной опасности преступления)[54]. Поскольку изменение судом категории преступления происходит с учетом только одного компонента общественной опасности, а именно ее степени, постольку разница между категориями преступлений заключается в разной степени общественной опасности деяний, образующих те либо иные категории преступлений. К тому же данному основанию изменения категории преступления, по мысли законодателя, должно предшествовать условие, связанное с соблюдением максимального размера наказания (лишение свободы, не превышающее 3-х, 5-ти, 7-и лет для соответствующих категории преступлений). Тем самым прослеживается четкая связь между степенью общественной опасности и размером наказания.

Отметим некоторую непоследовательность в позиции законодателя, принявшего решение подразделять преступления в ч. 1 ст. 15 УК РФ в зависимости от параметров общественной опасности, а именовать полученные категории с помощью термина «тяжесть». Данное понятие тесно связано с категоризацией преступлений, поскольку законодатель использует его при наименовании всех четырех категорий преступлений. Между тем понятие «тяжесть преступления» не обрела официальной дефиниции. В уголовно-правовой доктрине имеются исследования в той или иной степени, касающиеся указанного вопроса. Как правило, содержательные признаки тяжести

[54] См. об этом подробнее § 4 гл. 1.

преступления высвечиваются под углом ее связи с характером и степенью общественной опасности.

В науке существует мнение, что понятие «тяжесть преступления» равно понятию «характер и степень общественной опасности». Так, по мнению Н.Г. Кадникова тяжесть преступления представляет собой «интегрирующий показатель диалектического единства, взаимосвязи и взаимозависимости характера и степени его общественной опасности, индикатором которой, по воле законодателя, выступает с одной стороны, санкция, а с другой, отнесение им того или иного преступления к определенной категории»[55]. В том же духе высказываются А.Г. Кулев и Л.О. Кулева, прямо указав, что «понятия «категория преступления» и «тяжесть преступления» являются совпадающими по объему, синонимичными»[56].

Представленные суждения не бесспорны. В уголовно-правовой науке Б.Т. Разгильдиевым изложена мысль, что «…если тяжесть преступления тождественна характеру и степени его общественной опасности, тогда закон грешит тавтологией. И для ее исключения какое-либо из понятий следует из закона изъять». К тому же ученый подчеркивает, что «…категория «тяжесть» в контексте ст. 15 УК РФ законодателем используется в качестве более высокого уровня обобщения»[57]. С представленными суждениями соглашается А.М. Герасимов[58].

Свою позицию по поводу наиболее тяжкого из расследованных по делу преступлений выразил и Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской

---

[55] Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 11.

[56] Кулев А.Г., Кулева Л.О. Категоризация преступлений при конструировании уголовно-процессуальных норм // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 132.

[57] Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2008. Т. 2. С. 138.

[58] Герасимов А.М. Теория уголовного правонарушения: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 274.

Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела»[59]. В п. 3 указанного постановления разъяснено, что разрешая вопрос о том, подсудно ли дело по наиболее тяжкому преступлению данному суду, следует исходить из определенной в ст. 15 УК РФ категории каждого из указанных в обвинении преступлений. Применение при этом правил назначения наказания, установленных в гл. 10 УК РФ не влияет на категорию самого преступления и на территориальную подсудность уголовного дела[60].

В п. 1.5 Постановления Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы»[61] используется выражение «учитывать степень тяжести совершенного им преступления». Таким образом, высший судебный орган конституционного контроля также поддерживает идею о том, что тяжесть преступления не относится ни к одному компоненту общественной опасности, а выражает общественную опасность в целом.

В соответствии с ч. 6 ст. 97 УИК РФ начальник исправительного учреждения, рассматривая заявление осужденного на выезд, учитывает «характер и тяжесть совершенного преступления…». В приведенном законодательном установлении сосредоточим внимание на формулировке «характер и тяжесть совершенного преступления». Как видим, законодатель выводит один параметр общественной опасности за пределы понятия тяжесть, тем самым вероятно, что

---

[59] См.: О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

[60] Подробнее об этом см.: Мозина Е.В. Значение категоризации преступлений для институтов подследственности и подсудности // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 129–136.

[61] По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. II). Ст.4190.

тяжесть содеянного в данном случае связывается только со степенью общественной опасности.

Учитывая содержание нормативных положений и мнения высших судебных инстанций, представляется, что на сегодняшний день отсутствует единая позиция в употреблении понятия «тяжесть преступления». Уголовно-правовая доктрина тоже окончательно не решила вопрос о существе тяжести преступления и соотношении данного термина с общественной опасностью. В связи с этим, на наш взгляд, сложно признать основательным решение законодателя об упоминании в ст. 15 УК РФ девять раз о некой тяжести, в том числе в наименовании категорий преступлений, в то время как все преступления в ч. 1 ст. 15 УК РФ подразделены в зависимости от характера и степени общественной опасности. Выход из данной ситуации видится в формулировании наименований категорий преступлений таким образом, чтобы в них отражалось не понятие «тяжесть», а общественная опасность. С учетом сказанного относительно основания категоризации преступлений и соотношения содержания понятий «тяжесть» и «общественная опасность», полученные категории преступлений могли бы именоваться следующим образом: преступления небольшой степени общественной опасности, преступления средней степени общественной опасности, преступления большой степени общественной опасности и преступления особой степени общественной опасности.

Третьим признаком рассматриваемого определения выступает то, что категоризация преступлений представляет собой градацию преступлений на исключающие друг друга ранги. Под градацией преступлений понимается последовательное расположение вредоносных поступков в порядке нарастания размера лишения свободы за них, а значит и степени их общественной опасности. Термин «ранг» подчеркивает, что каждая категория преступлений занимает свой уровень в иерархически организованной системе, следовательно, полученные ранги преступлений исключают друг друга. Такое исключение предполагает, что разные категории преступлений отграничиваются друг от друга соответствующими пределами наказания в виде лишения свободы.

Полагаем, что высший предел наказания за преступления небольшой тяжести, средней тяжести и тяжкие преступления указан в законе. В свою очередь низший предел должен определяться с учетом высшего предела предыдущего уровня преступлений или если речь идет о первой категории преступлений, то минимально возможным сроком наказания в виде лишения свободы или другими более мягкими наказаниями. Для четвертой категории преступлений в действующем уголовном законодательстве определен низший предел наказания в виде лишения свободы. Высший предел ограничивается максимально возможным сроком лишения свободы. Очевидно, что данная категория преступлений обладает особой общественной опасностью, поэтому закон совершенно справедливо упоминает в рамках четвертой категории преступлений помимо лишения свободы и о более строгих наказаниях.

Четвертый признак представленного определения концентрировано выражается в том, что градация преступлений зафиксирована законодателем на определенном историческом этапе. Категоризацию преступлений нельзя раз и навсегда запечатлеть. Она подвижна и знания о ней могут изменяться в зависимости от отдельных исторических эпох, расширения информации о классифицируемых объектах, обнаружения новых объектов, а также выявления ранее неизвестных взаимосвязей среди уже знакомых объектов. Законодатель в идеале должен только выявлять и правильно отражать в норме права действительное структурное членение преступлений, существующее в окружающем мире, а не создавать иерархию категорий преступлений произвольно.

Последним признаком анализируемого понятия является то, что градация преступлений влечет правовые последствия. Этот признак определяет масштабы значимости категоризации преступлений. В нем обращает на себя внимание слово «правовые», которое призвано подчеркнуть значение рассматриваемого уголовно-правового института, в том числе за рамками его традиционного понимания, строго говоря, вне границ уголовного законодательства. Ценность категоризации преступлений для уголовного законодательства неоспорима. Однако категории

преступлений обусловили также содержание норм о правомерности установления смертной казни в качестве исключительной меры наказания (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ); об альтернативных способах разрешения уголовно-правовых конфликтов (ст. 25, ч. 1 ст. 25^1, ч. 1–2 ст. 28 УПК РФ); о мерах процессуального принуждения (ч. 10 ст. 105^1, ч. 3 ст. 106, ч. 2 ст. 108 УПК РФ); об определении подследственности (п. «г» ч. 2 ст. 151 УПК РФ) и подсудности (п. 2 ч. 3 и п. 1 ч. 4 ст. 30 УПК РФ); о выезде осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений (ч. 6 ст. 97 УИК РФ); об ограничении на занятие трудовой деятельностью, непосредственно связанной с управлением легковыми такси при осуществлении перевозок пассажиров и багажа (п. 1 ч. 1 и п. 1 ч. 2 ст. 328^1 ТК РФ); о праве на занятие педагогической деятельностью (абз. 3 ч. 2 и ч. 3 ст. 331 ТК РФ); о лицах, имеющих право быть усыновителями и опекунами (попечителями) (пп. 10–11 п. 1 ст. 127; абз. 3 п. 1 ст. 146 СК РФ); об ограничениях пассивного избирательного права (пп. «а»–«а.2» п. 3.2, п. 3.4, п. 3.5 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»); о применении оружия военнослужащими органов федеральной службы безопасности (п. «г» ч. 1 ст. 14.3 Федерального закона «О федеральной службе безопасности») и др.

§ 3. Основание и ранги категоризации преступлений

В доктрине уголовного права дискуссионным остается вопрос об основании категоризации преступлений, которое представляет собой важнейший элемент любой классификации. В соответствии с ч. 1 ст. 15 УК РФ основанием категоризации преступлений являются характер и степень общественной опасности. В процессе разъяснения каждой категории преступлений данное основание категоризации дополняется законодателем двумя другими, к которым относятся форма вины (умысел и неосторожность), а также максимальное наказание в виде лишения свободы. Такая ситуация создает впечатление о наличии четырех критериев в основании категоризации преступлений. Сказанное

актуализирует проблему, связанную с допустимостью или недопустимостью использования нескольких оснований при категоризации общественно опасных деяний.

В уголовно-правовой доктрине по этому поводу можно встретить следующие суждения. А.Н. Ратьков отмечает, что «… роль основания для деления преступлений на группы или классы может выполнять лишь основной существенный признак…»[62]. По мнению М.М. Дайшутова «При построении той или иной классификации необходимо определить единое основание деления…»[63]. Оригинальной позиции придерживается Г.П. Новоселов, который убежден, что «…общественная опасность преступления и предусмотренное за него законом наказание могут рассматриваться как два самостоятельных основания классификации: первое позволяет выделить разные по тяжести виды (или категории) преступлений; второе — виды преступлений разные по тяжести уголовно-правовой санкции, зависящей не только от общественной опасности совершенного преступления»[64].

Обозначим следующий спорный вопрос, который касается такого элемента категоризации преступлений как классификационные группы. В уголовном законодательстве предусмотрены четыре категории преступлений – преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Следовательно, в окружающем мире существует некое структурное деление преступных посягательств и, по мнению законодателя, четырехчленная категоризация преступлений в УК РФ максимально адекватно отражает реальность. Очевидно, что такое нормотворческое решение требует аргументации.

В ученом мире нет единства точек зрения по вопросу оптимального количества категорий преступлений. Например, позиция Пленума Верховного Суда РФ, выступившего дважды с законодательной инициативой о введении

---

[62] Ратьков А.Н. Правовое значение классификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 16.

[63] Дайшутов М.М. Значение и теоретические основы классификации преступлений в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 77.

[64] Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко. М.: Норма, 2008. С. 174.

понятия уголовного проступка[65], с новой силой актуализировала идею дополнения уголовного законодательства еще одной категорией преступлений. По утверждению разработчиков проекта федерального закона, деяния, входящие в категорию преступлений небольшой тяжести существенным образом различаются между собой по уровню общественной опасности. Исправить такую ситуацию призван уголовный проступок, который обладает меньшей общественной опасностью, чем преступления небольшой тяжести. Е.В. Рогова является одним из первых ученых, кто всесторонне обосновал необходимость введения уголовного проступка в действующий уголовный закон и сформулировал конкретные предложения в части легального закрепления данного вида преступных деяний. Под уголовным проступком исследователь предлагает понимать «разновидность преступления, обладающий меньшей по сравнению с преступлением степенью общественной опасности и влекущий за его совершение меры уголовного наказания, но менее строгие, чем за совершение преступления»[66]. Существует и такое мнение, что в действующем уголовном законодательстве есть предпосылки для выделения в самостоятельную категорию, так называемых преступлений исключительной тяжести[67]. Подобные преступления выходят по уровню своей общественной опасности за пределы особо тяжких преступлений и характеризуются уникальными правовыми последствиями.

---

[65] См.: О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http: www.supcourt.ru/documents/own/24308/ (дата обращения: 01.09.2023); О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/ (дата обращения: 01.09.2023).

[66] Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 419.

[67] См., напр.: Орешкина Т.Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 43–52; Михаль О.А. Категория преступления исключительной тяжести // Современное право. 2022. № 10. С. 113–117.

В специальной литературе встречаются авторы, которые отстаивают диаметрально противоположную позицию. Они выносят на повестку вопрос о необходимости сокращения количества категорий преступлений до трех. По их мнению, такое число является оптимальным, о чем свидетельствует легальное наименование категорий преступлений – небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие. Слово «среднее» предполагает середину, одинаковое количество по обе стороны. Вместе с тем в действующей четырехзвенной градации ни одна из категорий не может занять среднее место[68].

В соответствии с вышеизложенным возникает ряд закономерных вопросов. Во-первых, может ли форма вины, максимальное наказание в виде лишения свободы, характер и степень общественной опасности быть одновременно основаниями категоризации преступлений? Во-вторых, каким параметрам должен соответствовать признак, используемый в качестве основания классификации? В-третьих, какие требования предъявляются к членам делениям, в которых фиксируется определенный ранг иерархии исследуемых объектов? Полагаем, что ответы на поставленные вопросы можно получить, в том числе обратившись к накопленному на сегодняшний день объему научных позиций, составляющих основу теории классификации.

Основание классификации представляет собой фундаментальный компонент любой классификации. Правильный выбор основания деления однородных предметов или явлений реального мира во многом предопределяет ее успех. В специальных источниках нечасто встречаются определения понятия данного элемента классификации. Вот как, например, раскрывает его С.С. Розова «… это своего рода «техническое устройство», которое предназначено для многократного увеличения эффекта классифицирующей деятельности человека. Здесь наблюдается эффект усиления, состоящий в том, что совпадение (тождество) предметов в некотором небольшом количестве свойств …

[68] См. напр.: Валеев М.Т. Типовая санкция как критерий категоризации преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 29-34.

оборачивается их совпадением (тождеством) во многих … свойствах»[69]. По мнению В.М. Сырых основание классификации представляет собой «…какой-либо признак, свойство, присущее объекту классификации. Чаще всего этот признак варьируется по форме своего проявления»[70].

Однако обычно исследователи сосредотачивают свое внимание не на толковании рассматриваемого термина, а на формулировании правил, которым, в их представлении, должно соответствовать любое основание научной классификации. Н.А. Зверев самым важным требованием называет то, что основанием обособления групп должна служить сила подобия размещаемых предметов[71]. В том же духе высказывается С.С. Розова, отмечая, что признак, который следует признать основанием классификации должен обеспечивать «расчленение всей совокупности исследуемых объектов на «естественные» классы, т.е. такие подмножества, элементы которых обладают одинаковым (приблизительно) набором всех существенных свойств»[72].

Изложенные точки зрения авторов позволяют в самом общем виде сформулировать первое требование, предъявляемое к основанию классификации. Так, на роль основания классификации должен быть избран признак, который способен объединить по группам объекты, характеризующиеся наибольшим сходством между собой. При этом объекты одной группы должны значительно отличаться от объектов, составляющих содержание другой группы.

Второе требование, обычно, сводится к упоминанию единого основания деления в рамках одной классификации. В философской энциклопедии указано, что «Деление на одной ступени должно производиться по единому основанию. Это, однако, не исключает возможности многократного деления (по нескольким основаниям) одного и того же класса на подклассы и образования каждый раз

---

[69] Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986. С. 20.
[70] Сырых В.М. Указ. соч. С. 281.
[71] См.: Зверев Н.А. Основания классификации государств в связи с общим учением о классификации. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1883. С. 100.
[72] Розова С.С. Указ. соч. С. 18.

различных рядов»[73]. В.М. Сырых, относится к числу авторов, признающих правильность такого подхода при осуществлении классификации явлений или предметов. По мнению исследователя, «…если класс предметов делится по какому-либо признаку, то в процессе этого же деления другой признак не применяется»[74]. С.С. Розова также отстаивает подобную позицию и считает, что оптимальным является такое положение, когда обособляющим выступает какой-либо один признак[75]. Оригинальную позицию сформулировал Н.А. Зверев, размышляя об обособляющих признаках исследуемых объектов. По мысли автора, «Наиболее выгодным в техническом отношении является то размещение, которое полагает какое-либо одно свойство в основание каждой группы, ибо здесь распределение предметов представляется наиболее легким; но где подобная организация групп невозможна, там предпочтение должно быть отдано размещению, требующему наименьшего числа свойств для обособления групп…»[76].

Выше процитированные позиции наталкивают на мысль о том, что наиболее благоприятным вариантом считается тот, когда в основание классификации заложен единственный признак. Однако многообразие и сложность классифицируемых объектов реальной действительности не всегда позволяют достичь этого идеала. Иногда при классификации бесчисленного множества предметов или явлений становится ясно, что использовать один признак в качестве основания классификации невозможно.

Третье правило заключается в выборе на роль основания классификации существенного признака исследуемой совокупности объектов. В свое время М.С. Строгович подчеркивал, что основанием классификации «… должен служить не один из существенных признаков, а признак наиболее существенный – тот, от которого зависят и из которого вытекают все другие признаки классифицируемых

---

[73] Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 2. С. 524.
[74] Сырых В.М. Указ. соч. С. 284.
[75] См.: Розова С.С. Указ. соч. С. 19.
[76] Зверев Н.А. Указ. соч. С. 105.

предметов и явлений»[77]. В заданном русле высказывается и Н.И. Кондаков. По словам автора, чтобы классификация решала, стоящие перед ней задачи необходимо в качестве основания выбрать наиболее существенные и важные в практическом отношении признаки. Исторический опыт доказал, что если признак, составляющий основание классификации, является случайным, несущественным, то в целом получается ошибочная система[78].

Четвертое требование, которому должно соответствовать основание классификации, заключается в легкости его обнаружения. С. Джевонс пишет, что «… практическое достоинство системы зависит от той легкости, с какой мы можем указать для каждого предмета его настоящий класс… Эта операция … называется диагнозом»[79]. С.С. Розова, поддерживая данную позицию, объясняет, что признак, который впоследствии «превратится» в основание классификации, должен быть удобным в обращении или другими словами обеспечивать легкость диагноза[80].

В.М. Сырых посчитал необходимым акцентировать внимание еще на двух правилах научной классификации, относящихся к основанию. Первое, основанием классификации обычно выступают признаки присущие классифицируемым предметам. Второе, основание классификации должно быть терминологически максимально точным[81].

Обратимся к позиции законодателя по вопросу критериев, выбранных на роль основания категоризации преступлений, и ответим на вопросы – обосновано ли в уголовно-правовом смысле использование такой совокупности критериев, и насколько они соответствуют требованиям, предъявляемым к основанию классификации?

Во-первых, не вызывает одобрения отсутствие единого признака, возведенного в ранг основания категоризации преступлений. Исходя из

---

[77] Строгович М.С. Указ. соч. С. 137–138.
[78] См.: Кондаков Н.И. Указ. соч. С. 247 – 248.
[79] Джевонс С. Указ. соч. С. 660.
[80] См.: Розова С.С. Указ. соч. С. 22.
[81] См.: Сырых В.М. Указ. соч. С. 284, 287.

содержания чч. 1–5 ст. 15 УК РФ, критериями, которые составляют основание категоризации преступлений, выступают характер и степень общественной опасности преступлений; формы вины и мера наказания в виде лишения свободы. Думается, что не все перечисленные признаки, состоящие в различных уголовно-правовых связях, способны наилучшим образом выполнить классообразующую роль.

Во-вторых, недостаточно убедительным, на наш взгляд, выглядит упоминание на уровне основания категоризации преступлений о характере общественной опасности. Это объясняется следующим. Уголовное законодательство активно оперирует характером и степенью общественной опасности, которые выступают параметрами общественной опасности (ч. 1 ст. 6; ч. 1 и ч. 6 ст. 15; ч. 3 ст. 37; ч. 2 ст. 38; ч. 3 ст. 60; ч. 1 ст. 64 УК РФ и др.). Между тем на официальном уровне значение данных понятий не раскрывается. Это обстоятельство предопределило повышенный интерес к характеру и степени общественной опасности в науке уголовного права. В доктрине нельзя констатировать наличие единого подхода к освещению содержания данных понятий. Одни авторы признают, что характер общественной опасности образует объект преступления[82]; другие правоведы отмечают, что рассматриваемая категория основывается на всей совокупности признаков явления[83]; третья группа ученных констатирует, что характер общественной опасности определяется всеми признаками преступления, однако ведущим признаком является объект и последствие преступления[84] и др.

Третья точка зрения относительно содержания признаков характера общественной опасности в известной мере разделяется в действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном практике назначения судами уголовного наказания. В п. 1 данного постановления отмечается, что «При

---

[82] См., напр.: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1975. 182 с.

[83] См., напр.: Козлов А.П. Понятие преступности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 721.

[84] См. напр.: Энциклопедия уголовного права. СПб.: Изд. проф. Малинин, 2005. Т. 3: Понятие преступления. С. 54.

учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред». При характеристике степени общественной опасности Пленум Верховного Суда РФ упоминает, что она устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного[85].

Однако такое разъяснение относительно степени общественной опасности ценно для установления данного параметра общественной опасности на индивидуальном уровне. Для уяснения смысла типовой степени общественной опасности обратимся к теории уголовного права. Н.Ф. Кузнецова, критикуя позицию тех ученных, которые рассматривают степень общественной опасности как опасность индивидуального преступления, разъясняет рассматриваемое понятие как количественную сторону материального признака преступления[86]. А.П. Козлов поясняет, что в отличие от характера общественной опасности, который основывается на признаках состава преступления, степень общественной опасности базируется на их весе. Конкретизируя степень общественной опасности хищения, автор определяет ее на основе степени выраженности деяния, размера вреда, вины[87]. Н.И. Загородников и А.В. Наумов делают вывод о том, что степень общественной опасности – качественное выражение их сравниваемой опасности, собирательный признак, включающий различные обстоятельства объективного и субъективного порядка, характеризующие преступное деяние (важность объекта преступления, размер ущерба, форму вины и прочее)[88]. Е.В. Рогова и Р.А. Забавко отмечают, что степень общественной опасности «отражает интенсивность поражения общественных отношений»[89]. И.А. Солодков определяет

---

[85] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

[86] Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 69, 70–71.

[87] Козлов А.П. Указ. соч. С. 721.

[88] Загородников Н.И., Наумов А.В. Теоретические основы классификации преступлений в уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 2. С. 59.

[89] Рогова Е.В., Забавко Р.А. Общественная опасность деяния: теоретико-правовые, законодательные и правоприменительные аспекты // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25. № 3 (97). С. 446.

рассматриваемое явление как «…злонамеренность лица, выражающая уровень потенциальной возможности совершения им нового посягательства на объекты, поставленные под охрану уголовным законом»[90].

Таким образом, если попробовать объединить представленные суждения, то можно заключить, что характер и степень общественной опасности обычно рассматриваются неотрывно друг от друга. Однако в конкретных случаях для решения определенных уголовно-правовых задач тот или иной параметр общественной опасности становится ведущим[91]. Степень общественной опасности, нередко определяемая исследователями с помощью таких слов как «количество», «вес», «уровень», по всей видимости, предполагает возможность ее исчисления, измерения. Думается, что вид и размер наказания в статье (части статьи) Особенной части УК РФ отражает как раз типовую степень общественной опасности, а характер общественной опасности используется законодателем для определения места расположения составов преступлений в главах, а глав в соответствующих разделах УК РФ. В уголовно-правовой доктрине имеются исследования, в которых обращено внимание на то, что при категоризации преступлений именно степень общественной опасности является определяющим признаком[92]. Этим обстоятельством как раз и объясняется нахождение в одной категории преступлений разных по объекту преступных посягательств.

Учитывая разработки основ теории классификации, можно сделать вывод о том, что характер общественной опасности не соответствует первому классификационному требованию об основании классификации. А именно, выбранный признак должен быть способен объединить по группам объекты, характеризующиеся наибольшим сходством между собой, при этом объекты

---

[90] См.: Солодков И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 9.

[91] См. подробнее: Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.

[92] См., напр.: Загородников Н.И., Наумов А.В. Указ. соч. С. 62; Кардаев П.С. Классификация преступлений по степени их тяжести в советском уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1977. 24 с.; Иванов А.Л. Категоризация преступлений в законе и в правоприменении // Вестник Российской правовой академии. 2015. № 1. С. 50.

одной классификационной группы должны значительно отличаться от объектов другой. В зависимости от характера общественной опасности образовать категории преступлений не получится, поскольку: 1) каждая из четырех категорий преступлений не может быть наполнена специфическими только для нее объектами уголовно-правовой охраны. В настоящий момент общественные отношения, взятые под охрану уголовного законодательства, могут выступать объектами преступлений, относящихся к любым категориям; 2) отсутствует трансформация данного признака от низшей категории преступлений к высшей. Другими словами категории преступлений на основе характера общественной опасности не могут изменяться по уровню проявления этого признака.

В-третьих, законодатель определил форму вины в качестве еще одного критерия выделения категорий преступлений. В специальной литературе существуют определенные сомнения относительно обоснованности дополнения таким критерием характера и степени общественной опасности. Среди сторонников данной позиции можно отметить А.В. Иванчина и Л.О. Кулеву. Авторы убеждены, что форма вины является показателем характера общественной опасности преступления и, следовательно, она уже учтена при дифференциации преступлений на категории. Ее повторное использование в качестве критерия категоризации преступлений свидетельствует о логическом просчете[93]. В том же духе высказывается О.А. Михаль, подчеркивая, что такая ситуация противоречит принципу справедливости, т.к. согласно ч. 2 ст. 6 УК РФ никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление[94].

В доктрине встречаются также исследования, в которых критикуется форма вины как основание категоризации преступлений с позиции ее несоответствия

---

[93] См.: Иванчин А.В., Кулева Л.О. Регламентация в Уголовном кодексе Российской Федерации формального основания категоризации преступлений и перспективы ее совершенствования // Пенитенциарная наука. 2019. № 2. С. 162–168. См. также: Иванчин А.В., Кулева Л.О. К вопросу о критериях категоризации преступлений по Уголовному кодексу РФ // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 1 (39). С. 45–49.

[94] См.: Михаль О.А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4(35). С. 22–23.

логическим правилам классификации. Так, П.В. Коробов замечает, что верхняя граница типового наказания неосторожных преступлений средней тяжести почему-то в два раза выше верхней границы умышленных преступлений средней тяжести, однако уровень опасности и тех, и других деяний должен быть одинаков в силу принадлежности их к одной категории преступлений[95]. О.А. Михаль поддерживая данную позицию, пишет, что совершение преступлений, за которые предусмотрена одинаковая санкция (свыше 5 лет лишения свободы), но имеющих разную форму вины, влечет их отнесение к разным категориям преступлений[96].

Представленная позиция авторов, на наш взгляд, справедлива. Действительно, форма вины как критерий категоризации преступлений не соответствует первому требованию, предъявляемому к основанию классификации. А именно, на основе формы вины не удастся распределить все преступления по категориям таким образом, чтобы, полученные категории преступлений обладали наибольшим сходством между собой и значительно отличались от других категорий преступлений. Это объясняется тем, что в уголовном законодательстве предусмотрено четыре категории преступлений и только две, а не четыре, формы вины. Законодатель называет неосторожную форму вины в трех категориях преступлений, а умышленную – в четырех. При этом отсутствует какая-либо разница, отражаемая на форме вины, например, между преступлениями средней тяжести и тяжкими, когда и первые и вторые совершены по неосторожности.

Произошедшие изменения в 2019 г.[97], в результате которых неосторожные преступления получили статус тяжких преступлений, привели к тому, что умышленность и неосторожность деяний фактически перестала учитываться нормотворцем при определении размера наказания за конкретные категории преступлений. Очевидно, что комбинации интеллектуального и волевого

---

[95] См.: Коробов П.В. Классификация преступлений по уровню их опасности // Российская юстиция. 2004. № 1. С. 47.

[96] См.: Михаль О.А. О некоторых проблемах классификации преступлений // Российский юридический журнал. 2013. № 2 (89). С. 138.

[97] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2019 г. № 25. Ст. 3166.

моментов умышленной и неосторожной формы вины ярко демонстрируют разницу между преступлениями совершенными умышленно и по неосторожности. Сложившаяся ситуация, когда максимальный срок лишения свободы за тяжкие преступления, совершенные по неосторожности превосходит максимальный срок лишения свободы за тяжкие преступления, совершенные умышленно, вызывает вопрос об обоснованности либо категоризации преступлений, либо формы вины как критерия категоризации преступлений.

Максимальный размер наказания, предусмотренный в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ и отражающий степень общественной опасности преступления является наиболее выгодным в практическом плане признаком, образующим основание категоризации преступлений. Ранее данное положение уже обосновывалось. В этой части работы сфокусируемся на том, соответствует ли предложенное основание категоризации преступлений требованиям общих основ теории классификации? Представляется, что на этот вопрос должен последовать утвердительный ответ.

Во-первых, наказуемость является наиболее существенным признаком преступления в практическом отношении. Признак наказуемости преступления означает, что деяние заслуживает именно уголовного наказания, иными словами самого репрессивного средства реагирования со стороны государства. Наказуемость на уровне общего понятия преступления предполагает потенциальную возможность применения абстрактного уголовного наказания, а на уровне конкретного преступления она уже воспринимается через санкцию уголовно-правовой нормы. В свою очередь в размере наказания, предусмотренного за конкретное преступление, выражается оценка государством степени общественной опасности совершенного деяния.

Во-вторых, максимальный размер лишения свободы как основание категоризации преступлений способен обеспечить реальную возможность распределения всех преступлений по категориям, состоящим из примерно равных по степени общественной опасности деяний. При этом полученные категории преступлений существенно отличаются друг от друга пределами наказаний,

образованными из максимальных размеров наказания предшествующей и последующей категории преступлений, и соответственно степенью общественной опасности преступления.

В-третьих, максимальный размер наказания удобен в обращении для правоприменителей и позволяет без труда установить категорию того или иного деяния или, выражаясь словами представителей основ теории классификации, данное основание обеспечивает легкость «в постановке диагноза» конкретному преступлению. На сегодняшний день вывод о том, к какой категории преступлений относится деяние, делается как раз на основе максимального размера лишения свободы. Исторический опыт также показал, что обычно категории преступлений определялись через указание на вид наказания либо его размер (максимальный срок, нижний предел).

В-четвертых, как видно, рассматриваемое основание категоризации преступлений представлено единственным признаком.

В структуре классификации после основания выделяют такой элемент как классификационные группы. Эти группы нередко еще могут именоваться как члены классификации[98] или классификационные ячейки (таксоны)[99] и т.п. В специальной литературе сформулированы определенные требования и к этому компоненту классификации. Совокупность основных и часто встречающихся требований, предъявляемых к членам классификации, можно выразить следующими правилами.

1. Объем классификационных групп должен равняться объему классифицируемого явления или предмета.

2. Классификационные группы должны представлять четко обособленные уровни, которые взаимно исключают друг друга.

3. Каждая группа классификации отражает определенное видоизменение признака, взятого в качестве основания классификации.

---

[98] См.: Кондаков Н.И. Указ. соч. С. 248.
[99] См.: Шрейдер Ю.А. Указ. соч. С. 3

На данный момент законодатель, исходит из того, что в действительности категоризация преступлений охватывается четырьмя уровнями преступлений. Очевидно, что такое нормотворческое решение требует обоснования.

Известно, что категоризация преступлений тесно вплетена в материю уголовно-правовых установлений. Помимо уголовного законодательства, данное явление оказало влияние и на другие отрасли отечественного законодательства. Если обратим внимание на конструкцию норм, использующих категоризацию преступлений, то в большинстве из них правовые последствия обобщаются для двух категорий преступлений: одни последствия установлены для преступлений небольшой и средней тяжести, и другие – для тяжких и особо тяжких преступлений. Таким образом, законодатель как бы объединяет четыре категории преступлений в два больших блока. Это объясняется тем, что в самом общем виде категоризация преступлений призвана создать возможность для применения правовых льгот в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, и не допустить возможность их реализации в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Дополнение или сокращение количества категорий преступлений приведет к потере сложившегося баланса.

При чем, казалось бы, что введение новой или напротив отказ от ныне существующей категории преступлений повлечет изменения только уголовного законодательства. Однако такое решение отразиться и на отраслях законодательства криминального профиля, и на тех отраслях, которые выглядят весьма «далекими» от уголовного, к примеру, на трудовом и семейном законодательстве. Любой малообдуманный шаг в этом направлении может подорвать устоявшиеся традиции в российской системе права. Таким образом, четырехзвенная градация преступлений, отражающая результат поступательного развития российского законодательства, обладает необходимым потенциалом по решению задач, сформулированных в УК РФ, и способствует эффективному изложению правового материала в иных отраслях российского законодательства.

Оценивая соответствие категорий преступлений второму требованию, предъявляемому к классификационным группам, отметим следующее.

Действующее уголовное законодательство допускает пересечение различных категорий преступлений между собой, что не способствует их четкому обособлению. Так, в санкциях статей Особенной части УК РФ законодатель отступает от первоначальной логики и нередко предусматривает широкий размах наказания в виде лишения свободы, позволяющий суду за различные категории преступлений назначать совпадающие размеры этого наказания.

Как представляется, сложившиеся на современном этапе развития уголовного законодательства категории преступлений отвечают третьему правилу, предъявляемому к классификационным группам. Так, каждая категория преступлений наполняется собственной степенью общественной опасности. Степень общественной опасности последовательно трансформируется от категории преступлений к категории и проходит путь от небольшой степени общественной опасности к особой. Индикатором, отображающим изменение степени общественной опасности на каждом уровне преступлений, выступает мера наказания в виде лишения свободы.

Все сказанное относительно основания и рангов категоризации преступлений позволяет сделать заключение о том, что законодательное решение по данному вопросу небезупречно. Осознавая, что присвоенная конкретному вредоносному поступку категория преступлений раскрывается широким диапазоном правого значения и в конечном итоге влияет на судьбу лица, совершившего преступление, разумность в построении категорий преступлений приобретает особое звучание. Одним из вариантов совершенствования действующей законодательной позиции, в части категоризации преступлений, могла бы выступить следующая редакция чч. 1–5 ст. 15 УК РФ:

«1. Преступления в зависимости от максимального размера наказания, предусмотренного санкцией статьи (части статьи) настоящего Кодекса и отражающего их степень общественной опасности подразделяются на преступления небольшой степени общественной опасности, преступления средней степени общественной опасности, преступления большой степени

общественной опасности и преступления особой степени общественной опасности.

2. Преступлениями небольшой степени общественной опасности признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы.

3. Преступлениями средней степени общественной опасности признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы.

4. Преступлениями большой степени общественной опасности признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы.

5. Преступлениями особой степени общественной опасности признаются деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание».

§ 4. Изменение категории преступления судом

До 7 декабря 2011 г. в российском уголовно-правовом пространстве непоколебимым было мнение о том, что недопустимо вносить какие-либо коррективы на уровне правоприменения в зафиксированную законодателем систему категорий преступлений. В этом несложно убедиться, обратившись к предшествующим источникам отечественного уголовного права[100]. Наметившиеся в последующем тенденции гуманизации уголовной ответственности и повышения эффективности воплощения принципа справедливости, выражающиеся в установлении новых оснований освобождения от уголовной ответственности,

[100] См., напр.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М.: Госюриздат, 1953. С. 119; Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1975. С. 167–168; Основы уголовного законодательства Союза ССР и Республик 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 30. Ст. 862.

декриминализации ряда составов преступлений, смягчении санкций за определенные уголовно-наказуемые деяния, привели, в том числе к изменениям в институте категоризации преступлений. Значимой новацией в этой сфере стало введение Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ[101] в статью 15 УК РФ части 6, наделившей суд правом изменять категорию преступного посягательства на одну позицию в сторону уменьшения.

Данное установление вызвало повышенный интерес в обществе и получило как положительные, так и отрицательные оценки со стороны представителей российской юридической науки. Так, по мнению Н.А. Колоколова, предоставление суду права понижения категории преступления «есть не что иное, как официальное, пусть и запоздалое, признание условности, а то и полной оторванности от реалий жизни многих закрепленных в УК РФ юридико-технических конструкций». Автор также поясняет, что ч. 6 ст. 15 УК РФ является долгожданной нормой, наделяющей суд правом на усмотрение в тех ситуациях, когда уголовно-правовое положение явно не соответствует здравому смыслу[102].

В.В. Питецкий акцентирует внимание на том, что виновный должен нести ответственность не за категорию преступления, а за совершенное им преступное деяние. В связи с этим возможность судебного понижения категории преступления рассматривается им как положительный знак в развитии уголовного права. При этом действующая редакция ч. 6 ст. 15 УК РФ, по словам автора, нуждается в усовершенствовании, а именно суд должен быть наделен не правом, а обязанностью в соответствующих случаях изменять категорию преступления на более мягкую, причем не на одну ступень, а на любую категорию преступления[103].

А.М. Герасимов в своих рассуждениях о важности присутствия в уголовном законодательстве ч. 6 ст. 15 УК РФ приходит к выводу, что возможность

---

[101] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011 г. № 50. Ст. 7362.

[102] Колоколов Н.А. Категория преступления - величина переменная? // Мировой судья. 2012. № 7. С. 2-6.

[103] Питецкий В.В. О недостатках воплощения принципа справедливости в действующем Уголовном кодексе РФ // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 52–54.

правоприменителя изменять установленную законом категорию деяния полностью соответствует уголовно-правовой логике, а также развивает материальную составляющую понятия внутреннего убеждения судьи[104].

Наряду с отмеченной позитивной оценкой, специальная литература содержит немало критических замечаний относительно обозначенного законодательного решения. Смысл таких замечаний чаще всего сводится к указанию на то, что ч. 6 ст. 15 УК РФ «обладает коррупциогенным характером», «противоречит Конституции РФ», «ставит с ног на голову устоявшиеся десятилетиями аксиомы науки уголовного права», «способна внести смуту в уголовное законодательство», «создает благоприятные условия для нарушения основополагающих принципов уголовного права», «создает судье простор для произвола» и т.п.[105] Считаем, что подобные высказывания исследователей этой нормы не подкреплены основательными доводами.

Во-первых, в отечественном уголовном законодательстве с момента его принятия можно обнаружить инструмент, который уже позволяет суду в целях реализации принципа справедливости корректировать императивную законодательную волю. Речь идет о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ), который разрешает суду при наличии ряда условий исправить в сторону уменьшения нижний предел наказания, определенный соответствующей статьей Особенной части УК РФ;

---

[104] Герасимов А.М. Теория уголовного правонарушения: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 292-293.

[105] См., напр.: Рожнов А., Синельников А. Положения ч. 6 ст. 15 УК РФ в контексте вопросов обратной силы уголовного закона // Уголовное право. 2012. № 5. С. 116-117; Малков В.П. Право суда на изменение категории преступления // Законность. 2013. № 11. С. 35-38; Ларина Л.Ю. К вопросу об изменении судом категории преступления // Юридическая наука. 2013. № 2. С. 56-59; Хайдаров А.А. Право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую // Законность. 2015. № 2. С. 38-42; Жарких Е.А., Прохоров Л.А. Изменение судом категории преступления: "вторжение" в институт рецидива преступлений и его уголовно-правовые последствия // Российский следователь. 2016. № 9. С. 31-35; Смирнов А.М. Новые функции суда, возникшие в силу части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский судья. 2019. № 12. С. 42-45; Серебренникова А.В. Категоризация преступлений: проблемы правоприменения // Colloquium-journal. 2020. № 17 (69). С. 46-50; Иншаков С.М., Казакова В.А. Антикоррупционный правовой механизм: межотраслевые коллизии // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 117-130.

либо выбрать более мягкий вид наказания, который конкретная статья УК РФ не предполагает; либо отказаться от реализации дополнительного вида наказания, установленного в качестве обязательного. Как видим, ч. 6 ст. 15 УК РФ является примером продолжающегося развития уголовного законодательства в сторону уменьшения уголовной репрессии и расширения полномочий суда в вопросе индивидуализации уголовной ответственности.

Во-вторых, упреки в том, что данное нормативное установление несет потенциально коррупциогенный характер, не соответствуют действительности. Так, за 2025 г. количество судей, работников суда осужденных за получение взятки равнялось 2; за 2024 г. – 5; за 2023 г. – 1; за 2022 г. – 3; за 2021 г. – 3; за 2020 г. – 3; за 2019 г. – 1; за 2018 г. – 1; за 2017 г. – 3; за 2016 г. – 3; за 2015 г. – 4; за 2014 г. – 0; за 2013 г. – 0[106]. Информация о совершенных преступлениях работниками судебного корпуса дает основание говорить, что, к сожалению, среди представителей этой профессии есть отдельные граждане, которые склоны пренебрегать запретом, содержащимся в ст. 290 УК РФ. Однако вышеприведенные данные, скорее, свидетельствуют о том, что предоставленное суду право на понижение категории вредоносного деяния не способствовало распространению среди сотрудников судебной системы такого преступления коррупционной направленности как получение взятки. По-прежнему количество данных преступлений, совершенных судьями, работниками суда находится на социально терпимом уровне.

В-третьих, сложившийся на страницах научной литературы стереотип, что ч. 6 ст. 15 УК РФ непременно будет способствовать судейскому произволу, создает впечатление, что российский суд априори предрасположен к злоупотреблению своими полномочиями. Думается, что увлечение идеями о сокращении объемов судейского усмотрения способно привести общество к скорому замещению судьи искусственным интеллектом.

---

[106] Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 01.12.2023).

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что вряд ли обосновано из-за отдельных случаев непрофессионализма и предвзятости, встречающихся в любой сфере человеческой деятельности, лишать уголовное законодательство средства, придающего колоссальный импульс его развитию. Следует заметить, что главным образом ч. 6 ст. 15 УК РФ была раскритикована из-за отсутствия детальных разъяснений, которые способствовали бы единообразному изменению правоприменителями категории преступления на менее общественно опасную. Внести свой посильный вклад в решение этого вопроса и удовлетворить существующий запрос общества в рамках своей компетенции вызвался авторитетный судебный орган страны. 15 мая 2018 г. Пленумом Верховного Суда РФ принято Постановление № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации»[107]. Возможно, это не самое оперативное решение практических задач, т.к. потребность в разъяснении ч. 6 ст. 15 УК РФ сохранялась более 6 лет, но по сложности затронутых вопросов однозначно смелое и серьезное.

По данным, предоставленным Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ[108], практика применения ч. 6 ст. 15 УК выглядит следующим образом. За 1 полугодие 2025 г. категория совершенного преступления изменена на менее общественно опасную судом первой инстанции – 4 655 осужденным; за 2024 г. – 10 567 осужденным; за 2023 г. – 11 579 осужденным; за 2022 г. – 9 020 осужденным; за 2021 г. – 6 987 осужденным; за 2020 г. – 4 397 осужденным; за 2019 г. – 4 452 осужденным; за 2018 г. – 3 420 осужденным; за 2017 г. – 1 858 осужденным; за 2016 г. – 2 243 осужденным; за 2015 г. – 2 421 осужденным; за 2014 г. – 2 973 осужденным; за 2013 г. – 3 390 осужденным. Как видно, начальный период существования данный нормы характеризуется небогатой правоприменительной практикой. С 2018 г. наметилась стабильная динамика

[107] О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

[108] См.: Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2013 – 2023 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 19.03.2024).

увеличения случаев использования судами права на корректировку категории преступления. На сегодняшний день реализация ч. 6 ст. 15 УК РФ в несколько раз превышает первоначальные показатели обращения судов к новой норме.

Неоднозначные теоретические оценки рассматриваемого законодательного установления, разнобой в практике применения данной нормы, приведший к соответствующей реакции Пленума Верховного Суда РФ, рост количества судебных решений об изменении категории преступления подтверждают актуальность данной тематики и требуют от уголовно-правового сообщества серьезного исследования положений ч. 6 ст. 15 УК РФ[109].

На данный момент суд имеет право изменить категорию преступления на менее общественно опасную. Это значит, что категорию особо тяжкого преступления можно понизить до тяжкого преступления; тяжкого преступления – до преступления средней тяжести; преступления средней тяжести – до преступления небольшой тяжести. Преступление, соответствующее категории преступлений небольшой тяжести скорректировать в сторону понижения невозможно, поскольку действующему уголовному законодательству не известны менее общественно опасные категории преступлений. Шаг в выборе наиболее справедливой категории преступлений оговорен законодателем – одна категория преступлений. Однако в науке высказано мнение, что является обоснованным и справедливым предоставить суду право изменять категорию совершенного лицом преступления на любую, более мягкую[110]. Считаем, что в данном вопросе следует согласиться все-таки с законодателем, поскольку отсутствие ограничений в вопросе изменения категории преступления на менее общественно опасную

[109] См. подробнее: Мозина Е.В. Рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по применению положений ч. 6 ст. 15 УК // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 20. № 2. С. 83–91.

[110] См., напр.: Питецкий В.В. Указ. соч. С. 52-54; Питецкий В.В. Новые правила установления категории преступления и принцип справедливости // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 47-49; Якубов А.Е. Еще раз о праве суда изменить категорию преступления // Российский судья. 2015. № 9. С. 29-31.

заставляет задуматься в адекватности существующей системы категорий преступлений.

Изменение категории преступления возможно только в сторону ее уменьшения. Данная ситуация является вполне закономерной для отечественного уголовного законодательства. Так, УК РФ обладает значимыми инструментами, которые позволяют суду откорректировать, основываясь на своем внутреннем убеждении, типичный исход событий для виновного лица только в благоприятную для него сторону (ч. 2 ст. 14 УК РФ; ст. 64 УК РФ; ст. 75 УК РФ; ст. 76 УК РФ; ст. 76^2 УК РФ; ст. 79 УК РФ и др.). В свете рассматриваемого вопроса уместным будет обратиться к Апелляционному постановлению № 22-1263/2023 от 22 июня 2023 г. по делу № 1-29/2023. В его описательно-мотивировочной части указано, что прокурор, будучи автором апелляционного представления, просит приговор в отношении осужденного отменить как незаконный. В обоснование своих доводов он поясняет, что совершенное виновным преступление (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ) отнесено законом к категории средней тяжести, но в описательно-мотивировочной части приговора судом первой инстанции неверно указано на обвинение осужденного в совершении тяжкого преступления. Прокурор также заметил, что положения ч. 6 ст. 15 УК РФ судом при вынесении приговора не применялись. При таких обстоятельствах автор представления убежден, что приговор подлежит изменению[111].

Действительно, суд первой инстанции ошибочно отнес тайное хищение чужого имущества, с причинением значительного ущерба гражданину к категории тяжкого преступления. Однако упоминание прокурором в апелляционном представлении о том, что положения ч. 6 ст. 15 УК РФ не были применены к осужденному, является неуместным. Поскольку в соответствии с законом изменение категории преступления возможно только на менее общественно опасную категорию.

---

[111] См.: Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 22.06.2023 по делу № 22-1263/2023 // Ярославский областной суд: официальный сайт. URL: https://oblsud--jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=11063579&case_uid=fd76b27e-7784-4a28-b16f-f4f9129abd1d&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 20.02.2024).

Принятие решения об изменении судом категории преступления обосновано при наличии основания для такого изменения, а также предшествующих ему условий. Считаем, что в качестве основания изменения судом категории преступления выступают фактические обстоятельства преступления, свидетельствующие о том, что степень общественной опасности совершенного преступления ниже типовой (усредненной) степени общественной опасности деяний, относящихся к соответствующей категории преступлений. Формально в ч. 6 ст. 15 УК РФ это звучит следующим образом: «С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе» при наличии определенных законом условий изменить категорию преступления на менее тяжкую. Суть этого законодательного положения видится в том, что уже в момент совершения лицом преступления индивидуальная степень общественной опасности не достигает типовой степени общественной опасности, зафиксированной законодателем в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ. Этот позитивный нюанс во вредоносном поступке не должен выпадать из поля зрения правоприменителя и влечь стандартные правовые последствия, рассчитанные для соответствующей категории преступлений. В связи с этим законодатель счел необходимым предоставить суду право устранить противоречие между типовой степенью общественной опасности преступления и степенью общественной опасности конкретного преступления, изменив категорию преступления на менее общественно опасную.

В известной мере такую позицию разделяет Пленум Верховного Суда РФ. В абз. 2 п. 2 Постановления разъясняется: «Вывод о наличии оснований для применения положений части 6 статьи 15 УК РФ может быть сделан судом, если фактические обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о меньшей степени его общественной опасности». Отмеченное подтверждает, что пониженная степень общественной опасности преступления находится в органической связи с фактическими обстоятельствами деяния и не представляет смысла в отрыве от них.

Степень общественной опасности преступления существует на двух уровнях: на типовом, который предполагает ее описание в соответствующей санкции статьи Особенной части УК РФ и индивидуальном, который проявляется в конкретном преступлении. На большую или меньшую степень общественной опасности на уровне совершенного преступления указывают, в частности фактические обстоятельства содеянного, значит, без их выявления невозможно охарактеризовать степень общественной опасности, учет которой требуют положения ч. 6 ст. 15 УК РФ.

В связи со сказанным представляется целесообразным в данной норме вместо фразы «С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности» использовать «С учетом фактических обстоятельств преступления, свидетельствующих о том, что степень общественной опасности содеянного ниже типовой (усредненной) степени общественной опасности, отраженной в санкции статьи (части статьи) настоящего Кодекса за деяния соответствующей категории преступлений». Предлагаемая формулировка, на наш взгляд, позволяет решить три актуальных вопроса. Во-первых, исходя из авторской редакции, следует, что степень общественной опасности существует не в ряду с фактическими обстоятельствами, а ими определяется. Во-вторых, указание на то, что данные обстоятельства проявляют степень общественной опасности, которая не достигает усредненного уровня, придает необходимую смысловую завершенность содержанию всей ч. 6 ст. 15 УК РФ, которая на сегодняшний день отсутствует в рассматриваемом законоположении. В-третьих, предложенная формулировка, на наш взгляд, максимально доступно излагает для адресатов уголовного закона основание изменения категории преступления на менее общественно опасную.

Законодатель не определил перечень фактических обстоятельств преступления, на который можно опираться при оценке индивидуальной степени общественной опасности, оставив эту задачу на самостоятельное разрешение правоприменителю. Пленум Верховного Суда РФ, преследуя цель единообразного применения судами положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, изложил в абз.

2 п. 2 Постановления «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» примерный список таких обстоятельств. К ним относятся «способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер и размер наступивших последствий…».

В свете рассматриваемого вопроса уместно заметить, что авторитетная судебная инстанция не первый раз уделяет внимание решению вопроса о фактических обстоятельствах общественно опасного деяния. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, специально посвященном вопросам назначения судами наказаний[112], упоминается обо всех и тех же обстоятельствах содеянного, влияющих на степень общественной опасности, за исключением мотива и цели совершения деяния. То, что Верховный Суд РФ на тот момент не связал данные признаки субъективной стороны состава преступления ни с характером, ни со степенью общественной опасности нельзя признать оправданным. Мотив и цель совершенного преступления без сомнения имеют уголовно-правовое значение, а в соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК РФ мотив является к тому же обстоятельством, подлежащим доказыванию по каждому уголовному делу. В Постановлении Пленума, посвященном изменению категории преступления, Верховный Суд РФ исправил существующий недочет и обосновано дополнил перечень фактических обстоятельств, влияющих на степень общественной опасности, мотивом и целью совершенного деяния.

Исходя из вышеизложенных позиций Пленума Верховного Суда РФ относительно фактических обстоятельств содеянного, можно выделить их специфические черты. Во-первых, такие обстоятельства относятся к прошлому, т. к. они имели место в момент, когда лицо пренебрегло уголовно-правовой обязанностью и удовлетворило интерес криминальным путем. Во-вторых,

---

[112] См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

фактические обстоятельства устанавливаются путем формализованной уголовно-процессуальной процедуры (процесс доказывания). В-третьих, их суть состоит в том, чтобы на их основе реконструировать минувшее событие и установить истину по уголовному делу.

В каждом индивидуальном случае, когда правоприменитель изменяет категорию преступления, возникает необходимость в юридической аргументации такого вывода. Иначе говоря, суд должен представить анализ конкретных фактических обстоятельств преступления, который отражал бы мотивы принятого решения. Такое утверждение следует из ч. 4 ст. 7 УПК РФ, устанавливающей для государственных органов и должностных лиц, осуществляющих в уголовном судопроизводстве властные полномочия, правило обоснованности и мотивированности принятых ими решений. Кроме того изложение судом мотивов, которыми он руководствовался в процессе принятия решения о понижении категории преступления способствует легитимации приговора со стороны общества и укреплению доверия к судебному корпусу среди населения.

Значимость мотивирования судом своего решения подчеркивается и Пленумом Верховного Суда РФ, который в п. 7 Постановления «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» напоминает, что при применении положений ч. 6 ст. 15 УК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора помимо других элементов должна содержать «указание на конкретные фактические обстоятельства преступления, уменьшающие степень его общественной опасности и дающие основания для изменения категории преступления». Логичен и тот тезис, что в случае если имеются все условия для изменения категории преступления, но суд не усматривает основание для реализации ч. 6 ст. 15 УК РФ, то такая точка зрения также должна быть юридически аргументированной.

В судебной практике встречаются примеры, когда суд игнорирует требование мотивированности приговора в этой части и в обоснование своих доводов излагает лишь абстрактные суждения. В таком случае вывод суда об изменении или неизменении категории преступления выглядит не в полной мере

убедительным, что отражается на авторитете профессиональной уголовной юстиции. Сказанное можно проиллюстрировать на следующем примере. Приговором Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) К. осуждена по ч. 1 ст. 111 УК РФ к 2 годам лишения свободы, с применением ст. 73 УК РФ – условно, с испытательным сроком 6 месяцев. В процессе судебного заседания установлены смягчающие наказание обстоятельства – признание вины; положительные характеристики; противоправность поведения потерпевшего, указавшего в судебном заседании на отсутствие претензий к К. Отягчающих наказание обстоятельств судом не выявлено. Разрешая вопросы при постановлении приговора, суд сослался на отсутствие оснований для изменения категории преступлений и не привел мотивы такого решения. Данный приговор изменен в кассационном порядке Президиумом Верховного Суда Республики Саха (Якутия). В Постановлении суд кассационный инстанции отметил, что вопреки требованиям уголовного и уголовно-процессуального законодательства вопрос о невозможности изменения категории преступления фактически не обсуждался. Рассмотрев кассационную жалобу потерпевшего, Президиум Верховного Суда Республики Саха (Якутия) изменил категорию преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ с тяжкого на преступление средней тяжести и должным образом мотивировал свое решение[113].

В правоприменении можно наблюдать и противоположные решения, когда суд применяет положения ч. 6 ст. 15 УК РФ, но не представляет фактических сведений, которые привели его к такому решению. Так, Московский городской суд изменил приговор суда в отношении М.А., осужденного по ч. 2 ст. 162 УК РФ к лишению свободы сроком на 4 года 6 месяцев, в том числе, понизив категорию преступления с тяжкого на преступление средней тяжести. В качестве обстоятельств, смягчающих наказание М.А. признано наличие у него малолетнего ребенка; хроническое заболевание; инвалидность детства первой группы; наличие

[113] См.: Постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 11.01.2019 по делу № 44У-127/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2023).

родственника с хроническим заболеванием, являющегося инвалидом детства; родителей пенсионного возраста; занятие благотворительной деятельностью. Основываясь на фактических обстоятельствах преступления и степени его общественной опасности, имеющейся совокупности смягчающих наказание обстоятельствах, отсутствии отягчающих наказание обстоятельств, а также учитывая тяжелое состояние здоровья М.А., суд апелляционный инстанции счел необходимым изменить осужденному категорию преступления[114]. При этом суд не изложил сведения подтверждающие, что степень общественной опасности ниже усредненного уровня.

В обобщении судебной практики применения судами г. Твери и Тверской области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, составленном судьей Павловой В.В.[115], значительное место отведено как раз проблеме отсутствия ссылок на реальные фактические обстоятельства преступления в обосновании судебных решений. В данном обзоре констатируется, что суды безосновательно изменяют категорию преступления, ввиду того что в описательно-мотивировочной части приговора фактические обстоятельства преступления не наполняются реальным содержанием, а лишь используется формальное суждение о наличии условий и оснований для применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ. В качества примера можно привести одно из судебных решений, проанализированных в данном обобщении судебной практики. Так, Приговором Торопецкого районного суда Тверской области от 22.02.2012 г. при рассмотрении уголовного дела в отношении И.В.А., похитившего имущество из жилища на сумму 2310 рублей, изменена категория преступления на менее тяжкую. В обоснование своего вывода суд указал, что, учитывая категорию совершенного преступления, наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, а также исходя

---

[114] См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 03.08.2017 по делу № 10-12342/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2024).

[115] Павлова В.В. Справка по результатам обобщения судебной практики о применении судами области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ об изменении категории преступления // Тверской областной суд: официальный сайт. URL: http://oblsud.twr.sudrf.ru/modules.php?id=203&name=docum_sud (дата обращения: 20.02.2024).

из обстоятельств совершения преступления, имеются основания для применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ. Как видно из представленного, суд ограничился изложением законодательной формулы реализации ч. 6 ст. 15 УК РФ и не конкретизировал какие именно фактические обстоятельства послужили основанием для подобного решения.

Аналогичная проблема поднимается и в обобщениях судебной практики применения судами положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, подготовленных Судебной коллегией по уголовным делам Пермского краевого суда и Железноводским городским судом Ставропольского края[116]. Вместе с тем Судебной коллегией Пермского краевого суда в ходе анализа судебных решений выявлено не только отсутствие надлежащих мотивов в обосновании вывода о наличии фактических оснований для изменения категории преступления, но и их отсутствие в обосновании вывода о неприменении положений ч. 6 ст. 15 УК РФ. В данном обзоре поясняется, что в некоторых приговорах остается неясным почему нельзя применить рассматриваемую норму. Отсутствуют ли для этого фактические основания или условия? Нередко, по замечанию Судебной коллегии, также используется клишированная фраза, что: «с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности оснований для изменения категории преступления суд не находит».

В связи с изложенным предлагаем остановиться на Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которое можно рассматривать в качестве образца грамотного обоснования отсутствия основания для реализации ч. 6 ст. 15 УК РФ. По приговору суда от 21 марта 2007 г. Р. осужден по ч. 2 ст. 210 УК РФ к 4 годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 30, пп. «а»,

---

[116] Справка по применению судами Пермского края положений ч.6 ст. 15 УК РФ // Кировский районный суд г. Перми: официальный сайт. URL: http://kirov.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=294 (дата обращения: 21.02.2024); Тащилин М.Т. Обобщение судебной практики выполнения судом требований части 6 статьи 15 УК РФ о праве суда на изменение категории преступлений по делам, рассмотренным во втором полугодии 2013 года // Железноводский городской суд Ставропольского края: официальный сайт. URL: http://zheleznovodsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=115 (дата обращения: 20.02.2024).

«г» ч. 3 ст. 228[1] УК РФ к 8 годам 6 месяцам лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ к 10 годам лишения свободы. Осужденный Р. в кассационной жалобе просил применить в отношении него положения Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, признав инкриминированное ему преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 210 УК РФ, относящимся к категории преступлений средней тяжести. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор в отношении Р. без изменения, несмотря на то, что применительно к совершенному осужденным деянию были соблюдены условия для изменения категории преступления, предусмотренные ч. 6 ст. 15 УК РФ. Одновременно с этим «Обстоятельства того, что в совершении преступления участвовало значительное число лиц, умысел членов преступного сообщества и их деятельность были направлены на совершение особо тяжких преступлений, совершенное Р. преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 210 УК РФ, сопряжено с таким преступлением как приготовление к незаконному сбыту наркотических средств организованной группой в особо крупном размере, не позволяют в данном случае принять решение об изменении установленной законом категории преступления»[117]. Изложенное показывает, что Судебная коллегия проявила должное юридическое мышление и наполнила законодательную схему оригинальным содержанием[118].

Важно сделать акцент на том, что помимо фактических обстоятельств преступления, степень общественной опасности основывается на элементах и признаках соответствующих составов преступлений, а также обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание. Каждые из этих данных самостоятельны, а в своей совокупности они отражают степень угрозы лица объектам уголовно-правовой охраны. Обоснованной, на наш взгляд, является позиция Р.Д. Шарапова, который пришел к выводу, что к фактическим обстоятельствам преступления,

---

[117] См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.02.2012 № 49-О11-113 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=477648 (дата обращения 15.02.2024).

[118] См. подробнее: Мозина Е.В. Основание изменения категории преступления на менее тяжкую // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 3. С. 956–964.

влияющим на степень его общественной опасности, которые должен учитывать суд при изменении категории преступления, не относятся обстоятельства, характеризующие личность виновного и обстоятельства, характеризующие поведение лица после совершения им преступления. Данные обстоятельства, поясняет исследователь, могут учитываться в качестве одного из условий для изменения категории преступления на менее тяжкую, а именно смягчающих наказание обстоятельств[119]. Примерно тех же взглядов придерживается С.И. Никулин, отмечающий, что фактические обстоятельства преступления не должны пересекаться со смягчающими наказание обстоятельствами, которые суд признал в качестве таковых и учел при назначении наказания[120].

Несмотря на это в судебной практике можно встретить решения, где такое различие нивелируется. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Куликова А.А. усмотрела основания для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ. В качестве смягчающих наказание обстоятельств судом признаны психическое расстройство, не исключающее вменяемости, а также признание вины, раскаяние в содеянном, состояние здоровья осужденного. Отягчающих наказание обстоятельств не имеется. Рассуждая о возможности применения ч. 6 ст. 15 УК РФ авторитетный судебный орган страны упомянул, что при назначении наказания судом нижестоящей инстанции учтены характеристика из специального пансионата, в котором находился осужденный, пенсионный возраст осужденного, органическое заболевание головного мозга. На основании изложенного Судебная коллегия изменила категорию преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, с особо тяжкого на тяжкое[121].

---

[119] См. Шарапов Р.Д. Изменение категории преступления судом: закон, теория, практика // Сибирское юридическое обозрение. 2023. №. 1. С. 82.

[120] Никулин С.И. Вопросы применения ч. 6 ст. 15 УК РФ // Уголовное право. 2012. № 5. С. 100-101.

[121] См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.08.2018 № 46-УД18-37 // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28082018-n-46-ud18-37/?ysclid=ltbohwdur9968518574 (дата обращения: 15.02.2024).

Можно предположить, что сведения, используемые нижестоящим судом при назначении наказания, сыграли роль фактических обстоятельств преступления. Только этим можно объяснить ссылку Судебной коллегии на такую информацию в процессе мотивирования своего вывода об изменении категории преступления. При этом такая позиция Верховного суда весьма сомнительна, т.к. упомянутые им факты описывают поведение и физические характеристики лица, совершившего преступление, следовательно, их можно признать на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ в качестве смягчающих наказание обстоятельств. Двое из таких обстоятельств как раз отмечены ранее Судебной коллегией в перечне смягчающих наказание обстоятельств.

Постановка вопроса о возможности изменения категории преступления на менее общественно опасную обоснована в том случае, если соблюдены соответствующие условия применения данной нормы. Такой вывод вытекает из содержания п. 6^1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, в соответствии с которым суд разрешает вопрос «имеются ли основания для изменения категории преступления». Такая формулировка предполагает, что условия применения ч. 6 ст. 15 УК РФ выполнены и суд обязан перейти к выявлению наличия или отсутствия основания для изменения категории преступления. Этому немаловажному аспекту уделено внимание и в обобщении судебной практики выполнения судом требований ч. 6 ст. 15 УК РФ, составленном Железноводским городским судом Ставропольского края. Председатель суда М.Т. Тащилин, проанализировав сложившееся правоприменение заметил, что вопрос, предусмотренный п. 6^1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, разрешался судьями при постановлении приговоров в отношении лиц, имеющих судимость за ранее совершенное преступление, которое в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ признано обстоятельством, отягчающим наказание. Председателем суда приведен такой пример. При постановлении приговора по уголовному делу № 1-148/13 по обвинению ранее судимого Н. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в качестве отягчающего обстоятельства признан рецидив преступлений. Однако в описательно-мотивировочной части приговора судья разрешает вопрос о том, что

«оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую суд не усматривает»[122].

Условия судебной «трансформации» категории совершенного преступления сформулированы в ч. 6 ст. 15 УК РФ – это наличие смягчающих наказание обстоятельств, отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, назначение осужденному наказания в установленных пределах в зависимости от категории преступления. Каждый из перечисленных критериев является формальным, потому что все они установлены на уровне закона и только их совокупность наделяет суд правом понизить категорию преступления на одну ступень. С другой стороны все условия выступают и материальными, т. к. каждое наполнено определенным правовым содержанием. Раскроем его применительно к каждому условию.

Первое, наличие смягчающих наказание обстоятельств. Использование законодателем в данном выражении множественного числа позволяет говорить о том, что по конкретному уголовному делу суд должен установить два или более смягчающих наказание обстоятельства. Считаем, что такое требование является чрезмерным и заметно усложняет применение к осужденному положений ч. 6 ст. 15 УК РФ. Ведь помимо наличия смягчающих наказание обстоятельств есть еще ряд требований, соблюдение которых должно свидетельствовать о пониженной степени общественной опасности. Более того соблюдение всех условий не гарантирует осужденному, что категория преступления непременно будет снижена. В связи с этим правило об обязательном наличии хотя бы двух смягчающих наказание обстоятельств сопряженное с другими условиями будет способствовать тому, что правоприменительная практика по рассматриваемой норме будет стремиться к нулю. В связи с этим стоит поддержать позицию Челябинского областного суда, который в материалах обобщения судебной

[122] Тащилин М.Т. Обобщение судебной практики выполнения судом требований части 6 статьи 15 УК РФ о праве суда на изменение категории преступлений по делам, рассмотренным во втором полугодии 2013 года // Железноводский городской суд Ставропольского края: официальный сайт. URL: http://zheleznovodsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=115 (дата обращения: 20.02.2024).

практики, разъяснил, что достаточно одного смягчающего наказание обстоятельства, а также двух других условий, чтобы рассмотреть вопрос о возможности изменения категории преступления на менее тяжкую[123].

Перечень смягчающих наказание обстоятельств приведен в ч. 1 ст. 61 УК РФ. Такой список согласно ч. 2 ст. 61 УК РФ является открытым, поэтому в качестве смягчающих наказание обстоятельств суд может признать обстоятельства, не предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ. Считаем, необоснованным предложение А.А. Хайдарова при реализации ч. 6 ст. 15 УК РФ руководствоваться только исчерпывающим перечнем смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренным ч. 1 ст. 61 УК РФ[124]. Такая идея, на наш взгляд, не согласуется с уголовно-правовым принципом равенства граждан перед законом и противоречит системности уголовного права, поскольку создает предпосылки для разной оценки перечня смягчающих наказание обстоятельств в уголовном законодательстве.

Если смягчающее наказание обстоятельство выступает в качестве признака преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, то по смыслу ч. 3 ст. 61 УК РФ, оно не может претендовать на статус смягчающего наказание обстоятельства, позволяющего запустить реализацию положений ч. 6 ст. 15 УК РФ. В случае отсутствия других обстоятельств, смягчающих наказание изменение категории преступления недопустимо.

Второе, отсутствие отягчающих наказание обстоятельств. Достаточно всего лишь одного такого обстоятельства, чтобы суд по конкретному уголовному делу лишился права корректировать категорию преступления. Исчерпывающий перечень отягчающих наказание обстоятельств приведен в ч. 1 и ч. 1^1 ст. 63 УК РФ. Обстоятельства, отягчающие наказание, которые выступают в роли признака преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ не способны блокировать право суда на изменение категории преступления.

---

[123] Обобщение судебной практики применения судами области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ // Челябинский областной суд: официальный сайт. URL: http://oblsud.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=61 (дата обращения: 24.02.2024).
[124] Хайдаров А.А. Указ. соч. С. 41.

Это правило относится и к отягчающим наказание обстоятельствам, являющимся признаками квалифицированного состава преступления.

Третье, осужденному назначено наказание и его размер находится в допустимых пределах для соответствующих категорий преступлений. При комментировании данного условия заострим внимание на трижды используемой нормотворцем в ч. 6 ст. 15 УК РФ формулировке «осужденному назначено наказание». Данная фраза предполагает, что по рассматриваемому уголовному делу суд дал утвердительный ответ на вопрос о виновности подсудимого, а также назначил ему наказание. Это означает, что изменение категории преступления возможно судом первой инстанции при постановлении обвинительного приговора; судом апелляционной инстанции при вынесении апелляционного приговора или определения, постановления об изменении приговора суда первой инстанции; судом кассационной или надзорной инстанции при внесении изменения в приговор, постановление, определение нижестоящего суда.

В судебной практике продолжает укрепляться тенденция, когда решение об изменении категории преступления оформляется постановлением о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с освобождением лица от уголовной ответственности. Такую позицию заняла, в том числе Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, по одному из рассматриваемых ей уголовных дел. Так, по приговору суда Семайкина признана виновной и осуждена по п. "г" ч. 3 ст. 158 УК РФ. В кассационной жалобе адвокат считает, что приговор и последующие судебные решения, вынесенные в отношении Семайкиной, являются незаконными и необоснованными и подлежат отмене. Рассмотрев жалобу, Судебная коллегия пришла к выводу, что в нарушение ст. 297, п. 6^1 ч. 1 ст. 299, ст. 307 УПК РФ суд в приговоре изложил лишь общие суждения и не указал каким образом фактические обстоятельства повышают общественную опасность совершенного Семайкиной преступления. Таким образом, фактически не обосновав отсутствие оснований изменения категории преступления при наличии всех условий, закрепленных в ч. 6 ст. 15 УК РФ. Судебная коллегия, проверив материалы уголовного дела и обсудив доводы

сторон, изменила категорию совершенного преступления с тяжкого на преступление средней тяжести. Кроме того, осужденная в полном объеме возместила материальный и моральный вред, принесла извинения, потерпевший претензий к Семайкиной не имеет. В связи с тем, что изменение категории преступления на менее тяжкую улучшает правовое положение осужденной, Судебная коллегия отменила решения нижестоящих судов и прекратила уголовное дело на основании ст. 25 УПК РФ в связи с примирением сторон[125].

В приведенном примере уголовное дело завершилось определением о его прекращении в связи с примирением сторон (что соответствует стандартной уголовно-процессуальной процедуре освобождения лица от уголовной ответственности), в котором принято решение об изменении категории преступления. Такая позиция не в полной мере отвечает требованиям закона. По смыслу ч. 6 ст. 15 УК РФ в отношении виновного должен быть вынесен обвинительный приговор с назначением наказания, иначе не соблюдается одно из условий судебной корректировки категории преступления (назначение осужденному наказания).

Небезупречна в данном вопросе и точка зрения Пленума Верховного Суда РФ, который в абз. 2 п. 1 и п. 10 Постановления № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» рекомендовал при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80^1, 84, 92, 94 УК РФ, освобождать осужденного от отбывания назначенного наказания. Процессуальный порядок, по его мнению, в этом случае должен выглядеть следующим образом. Суд постановляет обвинительный приговор, резолютивная часть которого, в частности, отражает решение о признании подсудимого виновным в совершении преступления, о назначении ему наказания, об изменении категории преступления на менее тяжкую с указанием измененной

[125] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.10.2021 № 5-УД21-99-К2 // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14102021-n-5-ud21-99-k2/?ysclid=lszwl8zaxd793163102 (дата обращения: 24.02.2024).

категории преступления, а также об освобождении от отбывания назначенного наказания. Следовательно, по совершенно справедливому замечанию ряда ученых, Пленум Верховного Суда РФ предложил новые основания освобождения от отбывания наказания, которые неизвестны уголовному законодательству[126]. Так, из названия соответствующих статей в УК РФ следует, что деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ), примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), истечение сроков давности (ст. 78 УК РФ) влечет освобождение от уголовной ответственности. Статьи 80^1 и 92 УК РФ влекут освобождение от наказания, а не от его отбывания как на этом настаивает Верховный Суд РФ. Упоминание о ст. 84 УК РФ в Постановлении справедливо лишь в той части, когда уголовно-правовым последствием акта амнистии выступает освобождение от отбывания наказания. Ссылка на ст. 94 УК РФ в Постановлении состоятельна в случае, когда речь идет об освобождении несовершеннолетних от отбывания наказания, а не от уголовной ответственности. С учетом данных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ Р.Д. Шарапов отмечает, что в случае, когда суд принимает решение об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести и реализует положения об освобождении от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 84 УК РФ), имеет место юридическая фикция – освобождение от уголовной ответственности фактически становится освобождением от уголовного наказания. Ученый объясняет это тем, что обвинительный приговор суда, знаменующий собой уголовную ответственность, исключает возможность освобождения от таковой[127].

Однако заметим, что в рассматриваемом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ речь идет не об освобождении лица от наказания, а об освобождении от его отбывания. Более того в абз. 2 п. 10 данного

---

[126] См.: Звечаровский И.Э. О чем не сказал Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 // Российский следователь. 2014. № 7. С. 35-38; Звечаровский И.Э. Уголовное право России: курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной: учебник. М.: Проспект, 2024. С. 132-133; Иванов А.Л. Рекомендации Пленума Верховного Суда РФ о применении ч. 6 ст. 15 УК // Законность. 2014. № 8. С. 39-40; Устинова Т.Д. Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ // Lex russica. 2015. № 3. С. 63-72.

[127] См.: Шарапов Р.Д. Понятие уголовной ответственности: закон, теория, практика // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2 (88). С. 36-37.

разъяснительного акта повторно высказана мысль, которая идет в разрез с законодательной логикой. Лицо, освобожденное от отбывания наказания по указанным выше основаниям считается несудимым. Следовательно, высшая судебная инстанция уравняла в уголовно-правовых последствиях судебный акт, освобождающий от наказания с судебным актом, освобождающим от отбывания наказания. При этом уголовный закон, различающий такие понятия как «освобождение от наказания», «освобождение от отбывания наказания», «освобождение от дальнейшего отбывания наказания», в ч. 2 ст. 86 УК РФ, на которую сам ссылается в абз. 2 п. 10 Постановления Пленум Верховного Суда РФ, закрепляет правило, что несудимым считается только то лицо, которое освобождено от наказания. Это положение выступает жестким законодательным императивом и вольное расширение его границ недопустимо.

В рамках действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства наиболее приемлемым вариантом оформления судом решения об изменении категории преступления с последующим освобождением от уголовной ответственности видится постановление обвинительного приговора, содержащего в резолютивной части, в том числе, решение о назначенном осужденному наказании, об изменении категории преступления и об освобождении от уголовной ответственности со ссылкой на конкретное основание в УК РФ. Соответствующее решение может также содержаться в апелляционном приговоре, постановлениях, определениях судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, вносящих изменения в решения нижестоящих судов[128]. В 2021 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ именно такой выход выбрала из сложившейся коллизии правовых норм[129].

---

[128] См. подробнее: Мозина Е.В. Рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по применению положений ч. 6 ст. 15 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 20. № 2. С. 83–91.

[129] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2021 № 63-УД21-1-К3 // ЮИС «Легалакт». URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21092021-n-63-ud21-1-k3/ (дата обращения: 07.02.2024).

Уголовному судопроизводству помимо классического варианта обвинительного приговора с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным известны обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания, а также обвинительный приговор без назначения наказания (ч. 5 ст. 302 УПК РФ). В правоприменительной практике обвинительный приговор с освобождением от наказания может быть постановлен, например, в связи с болезнью подсудимого (ст. 81 УК РФ). В данном случае суд констатирует виновность подсудимого, определяет вид и размер наказания, но освобождает от него осужденного. В таком виде приговора всегда избирается конкретное наказание, т. к. не определив его, невозможно выяснить препятствует или нет болезнь исполнению (отбыванию) наказания. Следовательно, в процессе вынесения такого вида приговора суд не лишается возможности изменить категорию преступления на одну позицию.

Ситуация осложняется, если постановляется приговор без назначения наказания. Этот вид обвинительного приговора завершается лишь констатированием виновности подсудимого в совершение общественно опасного деяния. Логично предположить, что положения ч. 6 ст. 15 УК РФ в рамках этого вида обвинительного приговора не могут быть реализованы, т. к. отсутствует одно из условий возможности изменения категории преступления – назначение наказания в предусмотренных законом пределах. Считаем, что такой вывод не вступает в противоречие с уголовно-правовым принципом равенства граждан перед законом. Это объясняется тем, что этот обвинительный приговор имеет место, когда судебное разбирательство проводится для реабилитации умершего подозреваемого или обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), если на этом настаивают его близкие родственники[130]. Такой судебный процесс завершается либо оправдательным приговором, либо обвинительным приговором без

[130] См.: По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко : Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2024).

назначения наказания. По вполне понятным причинам определение меры наказания в этом случае лишено смысла, также неразумно и судебное изменение категории общественно опасного деяния в отношении умершего, поскольку правовое положение, на которое способна повлиять категория преступлений, для такого лица становится бессмысленным в виду естественных обстоятельств.

Для реализации рассматриваемого нормативного установления важен не только факт назначения подсудимому наказания, но и соблюдение пределов наказуемости лишением свободы. За преступления средней тяжести максимальная мера наказания равна или меньше 3 лет лишения свободы; за тяжкие преступления – 5 лет лишения свободы; за особо тяжкие преступления – 7 лет лишения свободы. Если осужденному за преступление средней тяжести или тяжкое преступление назначено наказание, предшествующее лишению свободы по иерархии наказаний, то вне зависимости от его размера данное условие считается выполненным и не препятствует изменению категории преступления. В случаях, когда виновному назначается наказание в виде лишения свободы, выходящее за установленные для соответствующих категорий преступлений границы либо более суровые виды наказаний, то применение рассматриваемой нормы невозможно.

Закономерно возникает вопрос о том, какими соображениями руководствовался законодатель при установлении верхних границ лишения свободы в ч. 6 ст. 15 УК РФ? Получается, что размер лишения свободы для преступлений средней тяжести основан на максимальной мере наказания за преступления небольшой тяжести; для тяжких преступлений основан на максимальной мере наказания за преступления средней тяжести, совершенные умышленно; для особо тяжких преступлений не основан ни на форме вины, ни на максимальной мере наказания за предшествующую категорию преступлений. Думается, что такой законодательный замысел идет вразрез с положениями основ теории классификации о том, что классификационные группы должны представлять собой уровни, взаимно исключающие друг друга. К тому же, на наш взгляд, законодатель проявляет непоследовательность в своих решениях. Так,

если в ч. 2–5 ст. 15 УК РФ необходимым дополнительным критерием категоризации преступлений выступает форма вины, то получается законодатель должен ее учитывать и при установлении сроков наказуемости для изменения категории преступления на менее тяжкую. А именно было бы логичным, если размер лишения свободы, соблюдение которого необходимо для понижения категории преступлений, за тяжкие преступления и преступления средней тяжести разнился с учетом умышленности или неосторожности совершенного деяний. Более того труднообъяснимой выглядит ситуация, когда размер лишения свободы за особо тяжкое преступление, создающий возможность изменения категории преступления, не увязан с максимальным размером лишения свободы за тяжкое преступление. Попытка законодателя изложить подобным образом вопрос о мере наказания в ч. 6 ст. 15 УК РФ заставляет задуматься об обоснованности либо сложившейся категоризации преступлений, либо выбранного размера лишения свободы для понижения категории преступлений.

Мы уже говорили, что низший предел наказания за конкретную категорию преступлений должен определяться с учетом высшего предела предыдущей категории преступлений и не отличаться в зависимости от формы вины содеянного. Например, санкция, установленная в статье (части статьи) Особенной части УК РФ за деяние, относящееся к категории тяжких преступлений, должна находиться в пределах от 5 до 10 лет лишения свободы. В связи с этим, на наш взгляд, было бы оптимальным в ч. 6 ст. 15 УК РФ предусмотреть не конкретный размер лишения свободы для каждой из трех категорий преступлений, а формулировку «при условии, что за совершение преступления осужденному назначен минимальный срок лишения свободы, предусмотренный конкретной статьей (частью статьи) настоящего Кодекса, или назначено более мягкое наказание».

Интересен вопрос о том, если осужденный претендует на изменение категории преступления и ему назначено наказание в виде лишения свободы в максимально допустимом ч. 6 ст. 15 УК РФ пределе для конкретного уровня преступлений и одновременно с основным наказанием суд назначил

дополнительное наказание. Будет ли такая ситуация считаться превышением максимальной меры наказания, установленной ч. 6 ст. 15 УК РФ? Р.Д. Шарапов по этому поводу заметил, что суды выработали позицию, согласно которой под наказанием, не превышающим трех, пяти и семи лет лишения свободы следует понимать наказание в виде лишения свободы на срок, не превышающий указанных пределов, в том числе равный им, независимо от назначения дополнительных видов наказания[131]. Представляется, что обозначенная правоприменительная позиция соответствует уголовно-правовому принципу гуманизма и способствует упрочению тенденции экономии уголовно-правовой репрессии.

Нельзя обойти вниманием еще один аспект в рамках заявленной тематики – можно ли одновременного с судебной категоризацией применять положения о назначении менее строгого наказания? Думается, на этот вопрос должен последовать утвердительный ответ. Суд может также изменить категорию преступления, если виновному назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за определенное преступление. Положения ч. 6 ст. 15 УК РФ и ст. 64 УК РФ не конкурируют друг с другом и имеют разное социально-правовое предназначение. Это подтверждается следующим. Во-первых, норма о назначении более мягкого наказания «работает» на стадии назначения наказания, а изменение категории преступления возможно только после разрешения вопроса о мере наказания. Во-вторых, назначение более мягкого наказания преследует цель справедливой индивидуализации наказания, а судебная категоризация преступлений направлена на справедливое категорирование преступления. В-третьих, каждая из рассматриваемых норм имеет специфические условия для реализации.

Ю.Е. Пудовочкин и Н.В. Генрих задаются логичным вопросом о том, могут ли для целей ст. 64 и ч. 6 ст. 15 УК РФ учитываться одни и те же обстоятельства дважды? Авторы приходят к выводу, что данные нормы выполняют в уголовно-

[131] См.: Шарапов Р.Д. Изменение категории преступления судом: закон, теория, практика // Сибирское юридическое обозрение. 2023. №. 1. С. 81.

правовом регулировании различные задачи и утвердительно отвечают на поставленный вопрос[132].

Случаи одновременного применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ и ст. 64 УК РФ можно встретить в правоприменительной практике. Так, приговором Ленинского районного суда г. Ульяновска Айметдинов Е.Ш. признан виновным и осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Учитывая совокупность всех смягчающих наказание обстоятельств, признанных исключительными, суд назначил наказание в виде штрафа с применением положений ст. 64 УК РФ, т.е. ниже низшего предела, чем предусмотрено санкцией ч. 3 ст. 158 УК РФ. Усмотрев основание для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, суд изменил категорию преступления с тяжкого на преступление средней тяжести. Также суд пришел к выводу о возможности освобождения от отбывания назначенного наказания, потому что имеются все предусмотренные ст. 76 УК РФ основания. Данный приговор обжалован государственным обвинителем в апелляционном порядке как незаконный, необоснованный и подлежащий отмене. Ульяновский областной суд, рассмотрев апелляционное представление, оставил приговор в отношении Айметдинова Е.Ш. без изменения[133].

В уголовно-правовой доктрине высказано мнение, что «если при наличии исключительных обстоятельств и назначении наказания ниже низшего предела либо более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК, отсутствуют отягчающие обстоятельства, то это неизбежно должно влечь снижение категории преступления на менее тяжкую»[134]. С точки зрения действующего уголовного законодательства такое предложение следует признать спорным. Это объясняется тем, что по смыслу ч. 2 ст. 64 УК РФ

---

[132] См. Пудовочкин Ю.Е., Генрих Н.В. Изменение категории преступления судом: теоретико-прикладной анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. №2 (73). С. 9.

[133] См.: Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 17.01.2024 № 22-72/2024 // Ульяновский областной суд: официальный сайт. URL: http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=110625 (дата обращения: 24.02.2024).

[134] Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Назначение судом более мягкого уголовного наказания: о взаимосвязанном применении ст. 64 и ч. 6 ст. 15 УК РФ // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 32.

исключительными обстоятельствами могут выступать только смягчающие наказание обстоятельства. Вместе с тем, чтобы реализовать положения ч. 6 ст. 15 УК РФ необходимо также выявить фактические обстоятельства преступления, уменьшающие степень общественной опасности совершенного деяния. При этом считаем, что между ст. 64 и ч. 6 ст. 15 УК РФ обнаруживается обратная связь. А именно, если соблюдены все условия для изменения категории преступлений и присутствует соответствующее основание, то чаще всего применение ч. 6 ст. 15 УК РФ должно сопровождаться назначением более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Таким образом, будет нивелироваться дисбаланс, возникающий между новой категорией преступлений и пределами наказания, которым она должна соответствовать.

Считаем важным сфокусироваться на вопросе изменения судом категории преступления, когда имеется совокупность преступлений либо деяние совершенно в соучастии. Части 2 и 3 ст. 299 УПК РФ ориентирует на то, что вопрос об изменении категории преступления решается по каждому преступлению и в отношении каждого подсудимого отдельно. Из указанного следует, что если лицо совершило нескольких преступлений, то вопрос об изменении категории преступления обсуждается судом в отношении тех преступлений, где соблюдены условия применения ч. 6 ст. 15 УК РФ. Когда одно деяние лица содержит признаки нескольких преступлений (ч. 2 ст. 17 УК РФ), то одни и те же фактические обстоятельства, отражающие пониженную степень общественной опасности могут выступать основанием для изменения категории как первого, так и других преступлений, составляющих идеальную совокупность.

Пленум Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 1 Постановления, посвященного применению ч. 6 ст. 15 УК РФ, отметил, что наряду с другими последствиями, реализация судом положений ч. 6 ст. 15 УК РФ влечет улучшение правового положения осужденного при назначении наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ). Полагаем, что на этом моменте необходимо сделать акцент. Исходя из смысла положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, следует, что установленное законодателем требование о назначенном наказании

распространяется только на конкретное преступление, а общий срок наказания по совокупности преступлений на этом этапе не представляет юридического интереса. После того как суд разрешит вопрос о возможности применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, то разумен переход к определению способа подсчета окончательной меры наказания. Итак, если лицо осуждается за совершение нескольких преступлений и имеются условия для изменения категории содеянного, то последовательность действий суда выглядит следующим образом. Назначается наказание за каждое преступление, рассматривается вопрос о возможности реализации положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, с учетом ответа на предшествующий вопрос назначается окончательное наказание в соответствии с ч. 2 или ч. 3 ст. 69 УК РФ. Указанный вывод полностью корреспондирует правоприменительной деятельности.

В обобщении судебной практики применения судами Челябинской области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ отмечен приговор суда, в котором допущено следующее нарушение уголовного законодательства. Так, Ленинским районным судом г. Челябинска 8 декабря 2020 года постановлен обвинительный приговор в отношении Ф.К.Р. В резолютивной части данного приговора содержатся, в частности, решения о признании Ф.К.Р. виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, вид и размер наказания, назначенного за каждое преступление, вид и размер наказания, назначенного по совокупности преступлений, и решение об изменении категории преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Применив при назначении Ф.К.Р. наказания по совокупности преступлений ч. 3 ст. 69 УК РФ, суд не учел, что последующее изменение категории преступления исключает возможность применения ч. 3 ст. 69 УК РФ. Челябинский областной суд сориентировал, что в данном случае необходимо было изначально изменить категорию преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, а в

последующем назначить наказание по совокупности преступлений, применяя ч. 2 ст. 69 УК РФ[135].

Если преступление совершено в соучастии, то решение об изменении категории преступления принимается персонифицировано в отношении каждого из соучастников. Данное утверждение в полной мере соответствует принципу самостоятельности ответственности, который предполагает индивидуальное основание уголовной ответственности у каждого соучастника. Судебная категоризация преступлений реализованная, к примеру, в отношении только пособника не влечет изменения категории преступления в отношении других соучастников. Также это означает, что корректирование правоприменителем категории преступления не исключает уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 4 ст. 150 УК РФ), за заведомо ложный донос, соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 306 УК РФ), за укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ) и др. Если по каждому преступлению либо в отношении каждого лица имеются необходимые основания для изменения категории преступления, то суд имеет право категорировать как наименее общественно опасные все преступления, входящие в совокупность либо в отношении всех соучастников.

Как известно, отнесение общественно опасного деяния к той или иной категории преступлений влечет широкий диапазон правовых последствий. Однако в случае реализации судом права на изменение категории преступления данный диапазон сужается. Указанное обосновывается моментом принятия решения о понижении категории преступления – после определения меры наказания. Следовательно, скорректированная судом категория вредоносного поступка влияет на те нормативные установления, реализация которых возможна после назначения наказания за совершенное преступление.

---

[135] Обобщение судебной практики применения судами области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ // Челябинский областной суд: официальный сайт. URL: http://oblsud.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=61 (дата обращения: 24.02.2024).

В связи с этим изменение категории преступления не может повлиять, к примеру, на наказуемость или ненаказуемость приготовления к преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ); назначение таких видов наказаний как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ), ограничение свободы (ч. 2 ст. 53 УК РФ), принудительные работы (ст. 53^1 УК РФ), лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ), пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК РФ), смертная казнь (ст. 59 УК РФ); назначение наказаний несовершеннолетним (ст. 88 УК РФ). Однако Железноводский городской суд Ставропольского края в обобщении судебной практики применения ч. 6 ст. 15 УК РФ высказал мысль, что в случае принятия судом решения об изменении категории преступления это влечет, в том числе, уголовно-правовые последствия, предусмотренные ч. 2 ст. 30 УК РФ; ч. 1 ст. 53^1 УК РФ; ч. 1 ст. 56 УК РФ; ст. 88 УК РФ[136]. Стремление Железноводского городского суда расширить границы уголовно-правовых последствий применения ч. 6 ст. 15 УК РФ противоречит идее изменения категории преступления и не согласуется с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством.

Особо отметим, что новая категория преступления, определенная судом не влияет на юридические вопросы, связанные с квалификацией общественно-опасного деяния. Из этого следует, что суд, снизив категорию преступления на менее общественно опасную, не должен переквалифицировать деяние для того, чтобы устранить возникший дисбаланс между общественно опасным деянием и той категорией преступления, которой оно перестало соответствовать. Этот момент является принципиальным при изменении категории преступления судом, однако правоприменители все же совершают ошибки по этому поводу.

Показательно привести следующий пример из судебной практики. Так, по делу Штанько И.В., совершившего преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 160

---

[136] Тащилин М.Т. Обобщение судебной практики выполнения судом требований части 6 статьи 15 УК РФ о праве суда на изменение категории преступлений по делам, рассмотренным во втором полугодии 2013 года // Железноводский городской суд Ставропольского края: официальный сайт. URL: http://zheleznovodsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=115 (дата обращения: 20.02.2024).

УК РФ, суд первой инстанции у счетом установленных фактических обстоятельств совершения преступления, а также данных о личности подсудимого, счел возможным изменить категорию преступления на менее общественно опасную. Одновременно с изменением категории тяжкого преступления на преступление средней тяжести суд переквалифицировал хищение чужого имущества вверенного виновному (присвоение), совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ) на ч. 2 ст. 160 УК РФ, о чем указано в описательно-мотивировочной и резолютивной частях приговора. Судебная коллегия апелляционной инстанции справедливо пришла к выводу, что судом первой инстанции неправильно применено уголовное законодательство, регламентирующее порядок и правовые последствия изменения категории преступления. В результате обвинительный приговор был отменен и судом апелляционной инстанции постановлен взамен него другой обвинительный приговор. В нем Судебная коллегия реализовала положения ч. 6 ст. 15 УК РФ и признала совершенное Штанько И.В. деяние, предусмотренное ч. 3 ст.160 УК РФ, преступлением средней тяжести[137].

Таким образом, важно подчеркнуть, что, изменив категорию преступления на менее общественно опасную, суд не вправе повторно возвращаться к вопросу квалификации деяния, который в перечне вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора, предваряет вопрос, предусмотренный п. 6^1 ст. 299 УПК РФ.

В абз. 2 п. 1 Постановления «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» Пленум Верховного Суда РФ перечисляет уголовно-правовые нормы, на которых отражается или может отразиться судебное изменение категории преступления. Проанализировав приведенные в данной рекомендации нормы уголовного закона,

---

[137] См.: Апелляционный приговор Свердловского областного суда от 20.07.2018 по делу № 22-5294/2018 // Свердловский областной суд г. Екатеринбург: официальный сайт. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12757501&case_uid=49a39452-9706-443e-aea4-44daa3706e3b&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 24.02.2024).

вряд ли можно согласиться с Пленумом Верховного Суда РФ, который предпочел не упоминать о влиянии изменения категории преступления на решение вопросов определения вида рецидива преступлений (измененная категория преступлений имеет преюдициальное значение для преступлений, совершенных после деяния, в отношении которого судом была изменена категория преступлений); освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ) и др. Думается, что изменение категории преступления на одну позицию должно создавать возможность задействовать все уголовно-правовые нормы, применение которых следует после назначения наказания и уравнивать в правовом положении осужденных, которые совершили преступления, относящиеся к тождественным категориям.

В связи со сказанным уместно сослаться на Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.09.2021 № 63-УД21-1-К3. Судебная коллегия, проверив по материалам уголовного дела судебные решения и обсудив доводы, изложенные в ходатайстве Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой, усмотрела основания для изменения осужденной Анашкиной Г.А. категории преступления в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. Также кассационная судебная инстанция, учитывая установленные судом фактические обстоятельства дела, личность Анашкиной Г.А., добровольное и полное возмещение ею ущерба, свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нашла возможным освободить Анашкину Г.А. от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. В результате приговор и определения нижестоящих судебных инстанций в отношении осужденной изменены, снижена категория преступления с тяжкого на средней тяжести, Анашкина Г.А. освобождена от уголовной ответственности и ей назначен судебный штраф[138]. Тем самым Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ

[138] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2021 № 63-УД21-1-К3 // ЮИС «Легалакт». URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21092021-n-63-ud21-1-k3/ (дата обращения: 07.02.2024).

подтвердила правомерность применения положений ст. 76^2 УК РФ после судебной «трансформации» категории преступления.

Еще одной актуальной проблемой в рамках заявленной тематики является несоответствие процессуальной хронологии разрешения вопросов судом при постановлении приговора положениям ч. 6 ст. 15 УК РФ. Ранее отмечалось, что одним из условий понижения категории преступления выступает назначение осужденному наказания в определенных пределах для соответствующих категорий преступлений. В п. 8 Постановления «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» Пленум Верховного Суда РФ специально делает на этом акцент, подчеркивая, что изменение категории преступления судом «возможно только после того, как осужденному назначено наказание с учетом предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации правил назначения наказания, при условии, что вид и срок назначенного наказания отвечают требованиям части 6 статьи 15 УК РФ». Вместе с тем законодатель в уголовно-процессуальной норме, которая перечисляет вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора, отошел от первоначальной материально-правовой логики. Так, прежде всего суд обязан ответить на вопрос имеются ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую (п. 6^1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), а затем должен дать ответ на вопрос какое наказание должно быть назначено подсудимому (п. 7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). В результате такой последовательности разрешения судом вопросов при постановлении приговора на вопрос, предусмотренный п. 6^1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ всегда последует ответ «нет», т. к. отсутствует одно из обязательных условий реализации ч. 6 ст. 15 УК РФ. Имеется в виду назначение наказания в установленных пределах для соответствующих категорий преступлений.

На данную коллизию между нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства неоднократно обращалось внимание в науке

уголовного права[139], между тем законодатель до сих пор ее не устранил. На наш взгляд, именно действующий процессуальный порядок решения вопросов нуждается в корректировке. Сегодня он дает суду право при изменении категории преступления на менее общественно опасную применять уголовно-правовые последствия категоризации преступлений, предшествующие выводу суда о мере наказания. Например, рассмотреть возможность использования тех видов наказания, на которые виновный не мог рассчитывать, исходя из первоначальной категории преступлений. Подобное чрезмерное расширение диапазона уголовно-правовых последствий судебного понижения категории преступления вряд ли будет отвечать декларированным уголовным законодательством принципам справедливости и гуманизма.

Таким образом, представленная характеристика законодательного механизма судебного изменения категории преступления и практики его применения позволяет сделать ряд выводов.

1. Осознавая запрос правоприменителя на подробное разъяснение применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ 15 мая 2018 г. принял Постановление № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации». Данные рекомендации способствовали распространению единообразной практики и увеличению случаев изменения судами категорий преступлений. Вместе с тем, на страницах постановления осталась некоторая недосказанность, например, относительно правовых последствий изменения категории преступления, а также встречаются противоречия отдельных разъяснений действующему уголовному законодательству. Учитывая, что постановления Пленума Верховного Суда РФ адресованы формально судам, но в своей деятельности их активно используют юристы-практики, научное сообщество и студенты юридического профиля, то

[139] См., напр.: Крылова Н.Е., Костылева О.В. Изменение категории преступления на менее тяжкую: критический анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Закон. 2018. № 10. С. 105-113; Долотов Р.О. Уголовно-правовые последствия применения судом ч. 6 ст. 15 УК РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 4. 2015. С. 60-72; Скрипченко Н.Ю. Вопросы изменения категории преступлений в Постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. 2018. № 5. С. 60–63.

выявленные в работе неоднозначные моменты требуют дальнейшего осмысления и соответствующей реакции высшей судебной инстанции.

2. Поскольку право суда на изменение категории преступления выражается в корректировке правоприменителем в экстраординарной ситуации императивного законодательного решения о категоризации преступлений, постольку необходимо в ч. 6 ст. 15 УК РФ четко сформулировать основание изменения категории преступления. Под ним предлагается понимать наличие фактических обстоятельств преступления, свидетельствующих о том, что степень общественной опасности содеянного ниже типовой (усредненной) степени общественной опасности, отраженной в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ за деяния соответствующей категории преступлений.

3. В диссертации критически оценивается решение законодателя скоррелировать максимальные пределы наказания, соблюдение которых при наличии других условий позволяет суду рассмотреть вопрос о наличии/отсутствии основания для изменения категории преступления, с 3-мя, 5-ю и 7-ю годами лишения свободы соответственно. Аргументируется положение о том, что в ч. 6 ст. 15 УК РФ целесообразнее предусмотреть не конкретный размер лишения свободы для каждой из трех категорий преступлений, а объединенное условие для всех категорий преступлений, содержание которого могло бы звучать следующим образом: «при условии, что за совершение преступления осужденному назначен минимальный срок лишения свободы, предусмотренный конкретной статьей (частью статьи) настоящего Кодекса, или назначено более мягкое наказание».

4. В ходе рассмотрения положений п. 6^1 и п. 7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, а также практики их применения обосновывается вывод, во-первых, о том, что суд должен переходить к разрешению вопроса, предусмотренного п. 6^1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, при постановлении обвинительного приговора только в том случае, если соблюдены все условия для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, в противном случае данный вопрос не нуждается в разрешении; во-вторых, о том, что уголовно-процессуальная хронология разрешения вопросов судом при постановлении

обвинительного приговора в части изменения категории преступления на менее общественно опасную (п. 6^1 и п. 7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ) не соответствует положениям ч. 6 ст. 15 УК РФ и нуждается в предложенном автором совершенствовании.

5. Поскольку при реализации положений ч. 6 ст. 15 УК РФ суд должен отразить конкретные фактические обстоятельства преступления, уменьшающие степень его общественной опасности и дающие основание для изменения категории преступления, постольку, в случае если имеются все условия для изменения категории преступления, но суд не усматривает основания для реализации ч. 6 ст. 15 УК РФ, то такая позиция также нуждается в юридической аргументации. Подчеркивается, что конкретные фактические обстоятельства преступления не должны по своему содержанию совпадать со смягчающими наказание обстоятельствами, которые суд признал в качестве таковых и уже учел как одно из условий изменения категории преступления.

6. Отнесение общественно опасного деяния к той или иной категории преступлений влечет широкий диапазон правовых последствий. Между тем в случае реализации судом права на изменение категории преступления данный диапазон сужается. Указанное обосновывается моментом принятия решения о понижении категории преступления – после определения меры наказания. Следовательно, измененная судом категория преступления влияет на те нормативные установления, реализация которых возможна после назначения наказания за совершенное преступление.

7. На основе анализа положений ч. 6 ст. 15 УК РФ и практики их применения автор делает акцент на том, что рассматриваемые установления характеризуются чрезвычайным характером. В связи с этим поставлены под сомнение рекомендации отдельных правоприменителей и представителей научного сообщества, ориентирующие на более активное применение гуманитарных возможностей ч. 6 ст. 15 УК РФ.

§ 5. Значение категоризации преступлений для уголовного законодательства

Непосредственно категориям преступлений в уголовном законодательстве посвящена ст. 15 УК РФ, которая так и именуется «Категории преступлений». Данная норма включает в себя: основание деления преступлений на категории; исчерпывающее количество категорий преступлений и их наименования; определения понятий всех четырех категорий преступлений, служащие для правоприменителя формулами отнесения совершенного деяния к той или иной категории преступлений; правила изменения судом категории преступления на менее тяжкую. Помимо этого непосредственное упоминание о категориях преступлений можно встретить более чем в 30 статьях Общей части УК РФ и более чем в 10 статьях Особенной части УК РФ. Активное использование категорий преступлений в уголовном законодательстве закономерно порождает вопрос об их значении.

Уголовно-правовое значение категоризации преступлений представлено в специальной литературе широко. Так, рассматриваемое явление оценивается как «одно из средств дифференциации уголовной ответственности»[140], «предварительное условие, предпосылка дифференциации уголовной ответственности»[141], «основа дифференциации уголовной ответственности»[142], «форма дифференциации уголовной ответственности»[143], «средство оптимизации

---

[140] См., напр.: Кругликов Л.Л. Средства дифференциации ответственности в уголовном кодексе 1960 и 1996 годов // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 277; Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2019. 244 с.

[141] См., напр.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. М.: Норма, 2000. С. 160–161.

[142] См., напр.: Коробов П.В. Классификация преступлений, как основа дифференциация уголовной ответственности // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние: Сборник научных трудов / Под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Сателлит, 2004. С. 162; Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д–ра юрид. наук. М., 2014. С. 198.

[143] См., напр.: Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 9.

охраны личности, общества, государства, мира и безопасности человечества»[144] и пр.

Другие авторы, определяя значимость категоризации преступлений, не ограничивают себя какой-либо одной из перечисленных оценок. Например, С.Е. Кротов замечает, что категоризация преступлений является наиболее важной формой дифференциации уголовной ответственности. Далее в положении, выносимом на защиту, автор уже говорит о категоризации преступлений как о важнейшем средстве для дифференциации ответственности на законодательном уровне[145].

Т.В. Цатурян характеризует практическое значение классификации преступлений в зависимости от тяжести как предпосылку дальнейшего углубления дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Также автор в своей работе замечает, что такая классификация является определенным приемом законодательной техники[146].

Думается, спор о максимально верном определении роли категоризации преступлений в уголовном праве нередко носит терминологический, нежели содержательный характер. К тому же такая богатая оценка исследователями уголовно-правового значения категоризации преступлений еще раз подтверждает масштаб данного явления в отечественном уголовном законодательстве.

Следует согласиться с тем, что категоризация преступлений выступает фундаментом, на котором строятся важнейшие уголовно-правовые институты, нормы, положения уголовного законодательства. Таким образом, это высвечивает значение категоризации преступлений как основы дифференциации уголовной ответственности.

---

[144] См., напр.: Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2008. Т. 2. С. 145.

[145] См.: Кротов С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: автореф. дис. ... канд. юрид.наук. М., 2005. С. 3, 10.

[146] См.: Цатурян Т.В. Проблемы классификации преступлений в уголовном праве РФ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 28 с.

Одновременно с этим можно рассуждать о категоризации преступлений как о предпосылке дифференциации уголовной ответственности, поскольку конкретные категории преступлений фигурируют в тех уголовно-правовых положениях, которые обычно оцениваются уголовно-правовой наукой как средства дифференциации уголовной ответственности. Речь идет, в частности, о рецидиве, множественности преступлений, неоконченной преступной деятельности, освобождении от уголовной ответственности, в том числе несовершеннолетних и др.

В поддержку точки зрения, согласно которой категоризация преступлений рассматривается как средство оптимизации охраны личности, общества, государства, мира и безопасности человечества можно сказать следующее. Любые положения и нормы, содержащиеся в уголовном законодательстве, прямо или косвенно направлены на решение, провозглашенных в ст. 2 УК РФ задач. Категоризация преступлений в комплексе с иными уголовно-правовыми средствами решает задачи, стоящие перед уголовным законодательством, следовательно, она направлена на оптимизацию охраны провозглашенных уголовно-правовых ценностей.

К тому же нельзя не согласиться с тем, что категоризация преступлений позволяет наиболее сжато изложить положения уголовного законодательства. В конечном итоге это способствует единообразному пониманию и применению немалого числа положений, норм и институтов уголовного законодательства. Это позволяет оценить категоризацию преступлений как специфический прием юридической техники.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что категоризация преступлений, так или иначе, тесно связанна с дифференциацией уголовной ответственности. Поскольку, если говорить в общих чертах, то дифференциация уголовной ответственности призвана подчеркнуть различный объем возможной уголовной ответственности (которая отражается в уголовно-правовых последствиях) за деяния, относящиеся к различным категориям преступлений.

В Общей части УК РФ категоризация преступлений влияет на решение следующих вопросов: определение вида рецидива преступлений и назначение наказания при его наличии (ст. 18, 68 УК РФ); наказуемость или ненаказуемость приготовления к преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ); признание структурированной организованной группой или объединения организованных групп преступным сообществом (ч. 4 ст. 35 УК РФ); назначение определенных видов наказаний (ст. 48, ч. 2 ст. 53, 53^1, 56, 57, 59 УК РФ); назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ); установление обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание (п. «а» ч. 1 ст. 61, п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ); назначение наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ); назначение условного осуждения (п. «б», «в» ч. 1 ст. 73 УК РФ) и его отмену (ч. 5 ст. 74 УК РФ); действие положений об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ), с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ), с истечением сроков давности уголовного преследования (ст. 78 УК РФ); применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 3, 3^1, 5 ст. 79 УК РФ) и его отмену (п. «б», «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ); замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 2–3 ст. 80 УК РФ); условия освобождения от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80^1 УК РФ); применение отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ); действие института давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ); определение сроков погашения судимости (ч. 3 ст. 86 УК РФ); особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (ст. 88, 90, 92, 93–95 УК РФ).

1. Категоризация преступлений играет важную роль в вопросе рецидива. Заметим, что действующий УК РФ впервые по сравнению с прежним уголовным законодательством России предусмотрел понятие рецидива преступлений, а также выделил критерии для деления рецидива преступлений на виды. Вместо этого в УК РФСФСР 1960 г. существовало понятие «особо опасный рецидивист», а в ряде статей Особенной части УК РСФСР 1960 г. упоминалось также о судимости лица за определенное преступление как о квалифицирующем признаке состава

преступления (например, ч. 2 ст. 70; ч. 2 ст. 88; ч. 3 ст. 115; ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 130 УК РСФСР 1960 г.).

В действующем уголовном законодательстве в качестве критериев деления рецидива на виды выбраны категории преступлений, количество непогашенных или неснятых судимостей за умышленные преступления и вид наказания. Разные комбинации выделенных критериев образуют простой, опасный и особо опасный рецидив преступлений. При этом по замечанию законодателя судимости за деяния, соответствующие преступлениям небольшой тяжести, не принимают участие в формировании ни одного вида рецидива преступлений.

Весомый интерес представляют рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по применению с учетом категорий преступлений положений ст. 18 УК РФ. Так, в п. 44 Постановления «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» высшая судебная инстанция разъясняет, что наличие у лица, совершившего тяжкое преступление, судимости за преступление небольшой тяжести не образует рецидива преступлений. Вместе с тем совершение умышленного преступления небольшой тяжести лицом, имеющим судимость за преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое преступление, образует рецидив преступлений[147].

Напомним, что в соответствии с п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ судимости за умышленные преступления небольшой тяжести не учитываются при рецидиве преступлений. В связи с этим сложно согласиться с рекомендацией Пленума Верховного Суда РФ относительно того, что совершение преступления небольшой тяжести лицом, имеющим судимость за деяние, относящиеся к другой категории преступлений, образует рецидив преступлений.

Упомянутое разъяснение уже критически осмысливалось некоторыми исследователями при рассмотрении вопросов рецидива преступлений. По мнению Н.В. Заярной, исходя из буквального смысла законодательной нормы, следует,

---

[147] См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016 г. № 2.

что преступления небольшой тяжести в любом случае не учитываются при рецидиве преступлений, вне зависимости от времени и очередности их совершения, а также факта осуждения за них[148]. Н.Г. Кадников в ходе рассуждений также приходит к выводу о том, что данное толкование Пленума Верховного Суда РФ не соответствует букве закона[149].

Мы солидарны с представленными мнениями ученных в части того, что, вероятно, законодатель в п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ хотел подчеркнуть, что ни при каких обстоятельствах преступления небольшой тяжести не могут образовывать рецидив преступлений. При этом следует признать, что высшая судебная инстанция, давая соответствующее разъяснение, исходила из терминологии, используемой в законе. Так, в соответствии с буквой закона судимость за преступление небольшой тяжести не образует рецидив преступлений. В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ допускает образование рецидива преступлений, когда лицо имеет судимость за преступления средней тяжести, тяжкие или особо тяжкие и совершает преступление небольшой тяжести, за которое оно еще не осуждено.

Несмотря на то, что данный вывод правомерен, думается, что он все-таки не соответствует нормотворческой идее. Это можно объяснить следующим. Законодатель однозначно определил, что комбинация из преступления небольшой тяжести и преступления более общественно опасной категорий не образует рецидив преступлений. В данной ситуации мы видим нарастание общественной опасности деяний, которые совершает лицо. Логично, что комбинация из преступлений средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления с преступлением небольшой тяжести тем более не должна образовывать рецидив преступлений, поскольку в поведении лица наблюдается тенденция по снижению степени общественной опасности совершенных им деяний. В связи с этим

---

[148] Заярная Н.В. Некоторые проблемы законодательной регламентации назначения наказания в случае рецидива преступлений // Юристъ – Правоведъ. 2007. № 5. С. 104.

[149] Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2020. С. 150.

предлагается п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ изложить следующим образом: «а) умышленные преступления небольшой тяжести».

Следует сказать о том, что законодатель при характеристике опасного и особо опасного рецидива преступлений не перечислил все возможные комбинации категорий преступлений. В связи с этим, в том числе в правоприменительной деятельности возникают сложности в определении вида рецидива. Например, положения ст. 18 УК РФ не дают непосредственного ответа на вопрос – к какому виду рецидива преступлений относится ситуация, когда лицо совершило особо тяжкое преступление, если ранее оно имело судимость за тяжкое преступление? По данному вопросу выразил свою позицию Пленум Верховного Суда РФ. В соответствии с п. 46 постановления «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» совершение особо тяжкого преступления лицом, имеющим судимость за тяжкое преступление, за которое он отбывал лишение свободы, по смыслу ст. 18 УК РФ, образует опасный рецидив преступлений.

По данному вопросу примечательна также позиция Президиума Верховного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 20.01.2021 № 130-П20[150]. В надзорной жалобе осужденный оспаривал выводы судов первой инстанции, а также апелляционной инстанции о наличии в его действиях особо опасного рецидива преступлений, а также назначение отбывания лишения свободы в исправительной колонии особого режима. Надзорная инстанция обратила внимание на то, что на момент совершения осужденным особо тяжких преступлений у него имелась только одна непогашенная судимость за тяжкое преступление. Такая ситуация, по мнению Президиума Верховного Суда РФ, не давала оснований для признания в действиях виновного особо опасного рецидива преступлений. В результате надзорная инстанция изменила нижестоящие решения судов и вместо особо опасного рецидива преступлений признала в действиях осужденного в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 18 УК РФ опасный рецидив преступлений. Таким

[150] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20.01.2021 № 130-П20 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2024).

образом, Президиум Верховного Суда РФ не только подтвердил правильность выше изложенной позиции Пленума Верховного Суда РФ, но и развил ее, указав, что совершение двух особо тяжких преступлений, лицом имеющим судимость за одно тяжкое преступление должно оцениваться тоже как опасный рецидив преступлений.

На наш взгляд, такое решение, действительно, корреспондирует с законодательной логикой. Поскольку в ст. 18 УК РФ одним из критериев в определении вида рецидива преступлений выступает именно количество неснятых и непогашенных судимостей за преступления, а не количество совершенных преступлений виновным. Следовательно, совершение лицом особо тяжких преступлений, если ранее оно было осуждено за одно тяжкое преступление образует опасный рецидив преступлений. Вместе с тем совершение лицом особо тяжких преступлений, если ранее оно было осуждено за два тяжких преступления образует особо опасный рецидив преступлений.

2. Категоризация преступлений выполняет часть своей функции в институте неоконченных преступлений. В соответствии с законодательной позицией одним из условий признания уголовно наказуемым приготовления к преступлению является осуществление приготовления к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Несмотря на однозначную позицию законодателя по этому вопросу, в теории уголовно права можно встретить предложения предусмотреть уголовную ответственность также за приготовление к иным категориям преступлений.

А.И. Ситникова подчеркивает, что дифференциация приготовления к преступлению на наказуемое и ненаказуемое противоречит принципу неотвратимости ответственности; вносит путаницу в представления о наказуемости приготовительных действий и покушений; а также способствует пассивности лиц, призванных предупреждать преступления. В конечном итоге

автор предлагает предусмотреть уголовную ответственность за приготовление к преступлению независимо от категории преступлений[151].

Полагаем, сложно согласиться с представленным суждением. Так, стадии неоконченного преступления обычно рассматриваются в доктрине уголовного права как средство дифференциации уголовной ответственности. В связи с этим вряд ли на сегодняшний день есть острая необходимость отказываться от этого значимого инструмента, позволяющего в совокупности с другими средствами предусматривать различный объем возможных уголовно-правовых последствий за преступные посягательства.

Напомним также, что по УК РСФСР 1960 г. была предусмотрена уголовная ответственность за приготовление к любому умышленному преступлению. При этом, как отмечает ряд авторов, правоприменительной практики по данной норме фактически не существовало[152]. Вероятно такая ситуация была принята во внимание законодателем при конструировании нормы за приготовление к преступлению в современном уголовном законодательстве. К тому же представляется, что существование уголовной ответственности за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести приводило бы к признанию данных деяний малозначительными в силу отсутствия в них общественной опасности и оказывало бы чрезмерную нагрузку на правоохранительные органы.

3. Категоризация преступлений используется при конструировании норм об уголовном наказании (ст. 48; ч. 2 ст. 53; ч. 2 ст. 53^1; ч. 1 ст. 56; ч. 1 ст. 57; ч. 1 ст. 59 УК РФ).

В соответствии со ст. 48 УК РФ, в том числе при совершении виновным тяжкого или особо тяжкого преступления суд может лишить его специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

---

[151] См.: Ситникова А.И. Глава «Неоконченное преступление» УК РФ и ее законодательнотекстологическое обоснование // Lex Russica. 2015. № 11. С. 90–91.

[152] См., напр.: Бугаев В.А., Чайка А.В. Особенности уголовной ответственности за приготовление к преступлению // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 127; Чубарев В.М. Общественная опасность преступления и наказание. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. С. 72.

Нельзя не отметить, что в специальной литературе существуют оценки ст. 48 УК РФ как нелогичной и бесполезной нормы. О.Г. Пимакова также подчеркивает, что недопустимо лишать государственных наград человека, их заслужившего. К тому же, по мнению автора, суд не должен лишать специальных и почетных званий за совершение преступлений, не связанных со служебными и должностными обязанностями виновного[153].

Однако законодатель идет по пути расширения оснований для применения рассматриваемого дополнительного наказания. Федеральным законом от 14.02.2024 № 11-ФЗ[154] ст. 48 УК РФ была дополнена перечнем преступлений, за совершение которых допустимо лишать специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. На сегодняшний день суд может применить положения ст. 48 УК РФ не только при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, но и за совершение отдельных преступлений против безопасности государства, перечень которых приведен в соответствующей норме.

Такое наказание как лишение свободы на определенный срок также связано с категоризацией преступлений. Во-первых, согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ лишение свободы может назначаться за преступление небольшой тяжести, совершенное впервые, только при условии, что имеются отягчающие наказание обстоятельства (за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ), или если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Во-вторых, в ч. 2 ст. 56 УК РФ установлены минимальный и максимальный срок лишения свободы. Это говорит о том, что минимальный предел лишения свободы за преступления небольшой тяжести ограничен 2 месяцам, а максимальный предел за особо тяжкие преступления определен в 20 лет. Вместе с

---

[153] См.: Пимакова О.Г. Нелогичность и бесполезность ст. 48 Уголовного кодекса Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4 (15). С. 91–93.

[154] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14.02.2024 № 11-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 8. Ст. 1038.

тем в случае полного или частичного сложения сроков лишения свободы при назначении наказания по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может превышать 25 лет, а по совокупности приговоров – 30 лет. При этом следует помнить, что если виновный совершает одно из преступлений, перечисленных в ч. 5 ст. 56 УК РФ, то по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более 30 лет, а по совокупности приговоров – более 35 лет.

Н.Г. Кадников подчеркивает, что перечневый метод, используемый в ч. 5 ст. 56 УК РФ, приводит к преобладанию субъективных критериев признания деяния более или менее опасным, а также к игнорированию научно-разработанных основ категоризации преступлений[155].

Мы разделяем высказанные опасения исследователя. К тому же нельзя оправдать ситуацию, когда положения ч. 5 ст. 56 УК РФ одновременно с применением п. «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ приводят к тому, что лишение свободы на определенный срок по своим уголовно-правовым последствиям превращается в более строгое наказание, чем пожизненное лишение свободы. Так, виновный, которому окончательное наказание в виде лишения свободы по совокупности приговоров назначено сроком на 35 лет, может в определенных случаях (п. «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ) ходатайствовать об условно-досрочном освобождении только после фактического отбытия 4/5 назначенного срока наказания, т. е. по отбытии 28 лет. При этом согласно ч. 5 ст. 79 УК РФ осужденный, отбывающий пожизненное лишение свободы, может быть освобожден условно-досрочно, если фактически отбыл не менее 25 лет лишения свободы.

Такой вид наказания как пожизненное лишение свободы, в том числе основывается на категоризации преступлений. Лишение свободы на пожизненный срок устанавливается только за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на упомянутые в ч. 1 ст. 57 УК РФ объекты уголовно-правовой

[155] См.: Кадников Н.Г. Указ. соч. С. 170.

охраны. На данный момент этот вид наказания выступает самым суровым из тех, что фактически применяется на территории нашего государства.

При характеристике смертной казни законодатель также учитывает категоризацию преступлений. Согласно ч. 1 ст. 59 УК РФ эта исключительная мера может применяться только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь. Однако наше государство продолжает придерживаться моратория на применение смертной казни[156]. Таким образом, как подчеркивает Конституционный Суд РФ, в результате длительного моратория на назначение и исполнение смертной казни утвердились устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену этой исключительной меры наказания[157].

4. Определяя осужденным к лишению свободы вид исправительного учреждения, законодатель исходит из ряда критериев: формы вины, вида рецидива преступлений, разновидности лишения свободы, срока лишения свободы, половой принадлежности осужденного, возраста осужденного, факта отбывания ранее наказания в виде лишения свободы, перечней конкретных преступлений, а также категорий преступлений. Подчеркнем, что категории

---

[156] См.: О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы : Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 // СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2468; По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П // СЗ РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

[157] См.: О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.08.2024).

преступлений прямо или опосредованно присутствуют в формулах определения всех видов исправительных учреждений, перечисленных в ст. 58 УК РФ и предназначенных для отбывания лишения свободы совершеннолетними лицами.

Одной из категорий осужденных, отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях, выступают осужденные к лишению свободы за умышленные преступления небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшие лишение свободы. Обычно законодатель не предоставляет суду право усмотрения в решении вопроса о виде исправительного учреждения для отбывания виновным лишения свободы. Однако п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ гласит, что с учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить, перечисленным в данном нормативном положении лицам, отбывание наказания в исправительных колониях общего режима. В данном случае следует указать мотивы принятого решения.

В целях единообразного понимания лица, ранее не отбывавшего наказание Пленум Верховного Суда РФ сформулировал круг таких лиц в п. 12 Постановления «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»[158]. В п. 2 данного постановления Пленум Верховного Суда РФ отметил, что отбывание лишения свободы в колониях-поселениях назначается также лицу, ранее не отбывавшему лишение свободы, по совокупности преступлений или совокупности приговоров за умышленные преступления небольшой или средней тяжести, а также тяжкое преступление, за которое назначено наказание, не связанное с лишением свободы.

В п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ содержатся правила определения тех лиц, которые отбывают наказание в исправительных колониях общего режима. Данный вид исправительного учреждения назначается для отбывания лишения свободы: 1) мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы; 2) женщинам,

---

[158] О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 7.

осужденным к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива.

На настоящий момент между положениями п. «а» и п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ существует коллизия. Так, остается неясным – какой вид исправительного учреждения должен быть назначен виновному за совершение тяжкого неосторожного преступления? С одной стороны согласно п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности назначается отбывание наказания в колониях-поселениях. С другой стороны в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы; а также женщинам, осужденным за совершение тяжких преступлений, назначается отбывание наказания в исправительных колониях общего режима.

Представляется интересным обратиться к судебной практике и посмотреть, как суды преодолевают такую несогласованность законодательных положений. Судом первой инстанции Евсеенко А.Н. осужден по п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ к 7 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима. Судебная коллегия по уголовным делам Хабаровского краевого суда, рассматривая апелляционное представление о нарушении судом уголовного закона при избрании вида исправительного учреждения, приговор изменила. Апелляционная инстанция назначила Евсеенко А.Н. местом отбывания наказания колонию-поселение, указав, что суду при избрании вида исправительного учреждения следовало исходить из формы вины (неосторожной) совершенного преступления и применить положения п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев кассационное представление, согласилась с выводом суда апелляционной инстанции о том, что при определении вида исправительного учреждения, суд первой инстанции изначально неправильно определил вид исправительного учреждения, выбрав в качестве основного критерия, тяжесть совершенного преступления. Судебная коллегия пояснила, что при наличии коллизии правовых норм, сомнения должны толковаться в пользу осужденного. Следовательно, судом апелляционной

инстанции принято правильное решение об изменении приговора и направлении Евсеенко А.Н. на основании п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ для отбывания наказания в колонию-поселение[159].

Как представляется, на сегодняшний день это единственно возможный выход из обозначенной ситуации. Вместе с тем предпочтительнее, чтобы данная коллизия была разрешена на законодательном уровне.

Однако рассмотренный случай является неединственным противоречием между положениями п. «а» и п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ. Н.Н. Коротких обратил внимание на то, что в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ женщинам, совершившим умышленные преступления небольшой или средней тяжести, ранее отбывавшим лишение свободы, нельзя назначить исправительную колонию общего режима, т.к. совершенное преступление не относится к категории тяжких и особо тяжких. Между тем им нельзя назначить отбывание наказания и в колонии-поселении, поскольку этому препятствует факт отбывания ранее лишения свободы[160].

Полагаем, что при выборе исправительного учреждения в данной ситуации также необходимо руководствоваться постулатом, согласно которому все сомнения должны толковаться в пользу осужденного. Следовательно, такой категории осужденных женщин необходимо назначать отбывание лишения свободы в колонии-поселении. Вместе с тем отсутствие четкого законодательного решения по этому поводу приводит к негативному влиянию различных по степени общественной опасности категорий осужденных, а также затрудняет дифференциацию исполнения наказания.

В ч. 2 ст. 58 УК РФ содержится указание на круг осужденных мужчин, которым отбывание части срока лишения свободы может быть назначено в

---

[159] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2022 № 58-УДП22-4-К9 // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-30032022-n-58-udp22-4-k9/?ysclid=lzsb0jh8vv864752008 (дата обращения: 13.08.2024).

[160] См.: Коротких Н.Н. Вид исправительного учреждения и условия отбывания наказания в виде лишения свободы за множественность преступлений // Lex Russica. 2015. № 9. С. 23-24.

тюрьме. К таким категориям осужденных относятся: осужденные за совершение особо тяжких преступлений на срок свыше пяти лет; осужденные при особо опасном рецидиве; осужденные за совершение преступлений, перечисленных в данной норме.

Категория осужденных мужчин, которой отбывание части срока лишения свободы в любом случае назначается в тюрьме, выделяется в ч. 2^1 ст. 58 УК РФ. Осужденный мужчина, совершивший хотя бы одно из преступлений, перечисленных в данной норме, обязан отбывать наказание в тюрьме. Суд в этом случае вправе определить только срок его содержания в этом исправительном учреждении.

При сопоставлении ч. 2 с ч. 2^1 ст. 58 УК РФ можно констатировать, что данные нормы сформулированы небезупречно. С одной стороны, в соответствии с ч. 2 ст. 58 УК РФ при осуждении мужчины по ч. 2 ст. 205^4 УК РФ суд по-своему усмотрению может назначить, а может и отказаться от назначения отбывания наказания осужденному в тюрьме. С другой стороны, согласно ч. 2^1 ст. 58 УК РФ суд в этом случае обязан назначить отбывание части срока лишения свободы в тюрьме, поскольку в данном положении упоминается полностью ст. 205^4 УК РФ без каких либо исключений ее составных частей. Отмеченный недочет не должен оставаться без внимания законодателя.

В связи с этим приведем пример из судебной практики. По приговору суда первой инстанции Бояршинов Ю.Н. осужден к лишению свободы: по ч. 2 ст. 205^4 УК РФ на срок 5 лет; по ч. 1 ст. 222^1 УК РФ на срок 1 год с применением ст. 64 УК РФ без штрафа, а по совокупности преступлений в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ – на срок 5 лет 6 месяцев в исправительной колонии общего режима; Филинков В.С. осужден к лишению свободы по ч. 2 ст. 205^4 УК РФ на срок 7 лет в исправительной колонии общего режима. В ходе рассмотрения апелляционного определения Апелляционный военный суд снизил срок лишения свободы Бояршинову Ю.Н. до 5 лет 3 месяцев с отбыванием данного наказания в исправительной колонии общего режима. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, рассматривая кассационные жалобы на

решения судов оставила приговор суда и апелляционное определение без изменения[161].

Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день суды руководствуются своим усмотрением в вопросе назначения/неназначения отбывания части лишения свободы в тюрьме мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205^4 УК РФ. Приведенный пример высвечивает проблему применения перечневого метода в уголовном законодательстве и обесценивает категории преступлений как один из критериев определения осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения.

5. Категоризация преступлений участвует также в смягчении наказания при его назначении. Так, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ смягчающим обстоятельством признано совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств. При этом в первоначальной редакции УК РФ в данном положении упоминалась только одна категория преступлений – небольшой тяжести. В 2011 г. в целях дальнейшей гуманизации уголовного законодательства РФ в п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ введено указание также на преступления средней тяжести[162].

Отметим, что в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ перечень смягчающих обстоятельств не является исчерпывающим. Таким образом, закон не ограничивает возможность признания судом в качестве смягчающего обстоятельства в определенных случаях совершение впервые преступления любой категории.

---

[161] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2021 № 222-УД21-52-А6 // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21122021-n-222-ud21-52-a6/?ysclid=lzsdcab59b179715671 (дата обращения: 13.08.2024).

[162] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

6. Категоризация преступлений значима в случае усилении наказания при его назначении. Уголовно-правовое значение имеет факт совершения преступления не в первый раз в форме рецидива. При этом рецидив преступлений, как было рассмотрено выше, основывается, в том числе на разных вариациях категорий преступлений.

При назначении наказания по совокупности преступлений используются два правила – поглощение менее строгого наказания более строгим и частичное или полное сложение назначенных наказаний. Выбор правила, которым следует руководствоваться в конкретном случае, зависит от категории преступлений, образующих совокупность. Если все преступления, образующие совокупность, относятся к категории небольшой или средней тяжести; либо являются приготовлением к тяжкому или особо тяжкому преступлению; либо являются покушением на тяжкое или особо тяжкое преступление, то окончательное наказание может назначаться путем применения любого из правил (ч. 2 ст. 69 УК РФ). Если хотя бы одно из преступлений, совершенных по совокупности, относится к категории тяжкого или особо тяжкого преступления, то окончательное наказание назначается только путем частичного или полного сложения наказаний (ч. 3 ст. 69 УК РФ).

Невзирая на то, что в ст. 69 УК РФ достаточно четко изложены правила назначения наказания по совокупности преступления, судебная практика не обходится без ошибок. Иногда суды неверно определяют принцип назначения окончательного наказания по совокупности преступлений. Так, Логвинец К.И. приговором Свердловского областного суда осужден к лишению свободы по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ; ч. 3 ст. 30, п. п. "а", "г" ч. 4 ст. 228.1 УК РФ; ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ и ч. 3 ст. 30 п. п. "а", "г" ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. По совокупности преступлений в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний, окончательно Логвинцу К.И. назначено наказание в виде лишения свободы на срок 9 лет. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев апелляционные жалобы, указала, что при назначении Логвинцу К.И. наказания по совокупности преступлений неправильно

применен уголовный закон – ч. 3 ст. 69 УК РФ, несмотря на то, что все преступления, за которые он осужден, являются неоконченными преступлениями. Приговор Свердловского областного суда в отношении Логвинца К.И. изменен, по совокупности преступлений ему назначено наказание на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний в виде лишения свободы сроком на восемь лет десять месяцев[163].

В данном примере суд первой инстанции неправильно сослался на часть статьи, которую применил при определении окончательно наказания. При этом Судебная коллегия Верховного Суда РФ, исправив данную неточность, оставила без изменения способ определения окончательного наказания (путем частичного сложения наказаний) и незначительно сократила окончательный срок лишения свободы, уменьшив его на 2 месяца.

В правоприменении встречаются примеры, когда суд правильно сославшись на положения ч. 3 ст. 69 УК РФ и определив необходимость частичного сложения наказаний, тем не менее фактически назначил окончательное наказание путем полного их сложения. В результате Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ решения нижестоящих судов изменила и на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначила осужденному окончательное наказание, применив принцип частичного сложения наказаний[164].

Обратим внимание на то, что, исходя из содержания положений ч. 2 и ч. 3 ст. 69 УК РФ остается до конца неопределенным вопрос – каким правилом следует руководствоваться при назначении наказания по совокупности преступлений, в котором наиболее общественно опасным деянием выступает тяжкое неосторожное преступление? На наш взгляд, разумным в такой ситуации

---

[163] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.04.2017 № 45-АПУ17-5 // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06042017-n-45-apu17-5/?ysclid=lzy1tm7j7b792868018 (дата обращения: 17.08.2024).

[164] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.04.2019 № 20-УД19-1 // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-04042019-n-20-ud19-1/?ysclid=lzy0ont91u555266152 (дата обращения: 17.08.2024).

будет предоставить суду возможность назначать окончательное наказание, используя в частности принцип поглощения наказаний. Следовательно, в ч. 2 ст. 69 УК РФ уместно предусмотреть также указание на тяжкие преступления, совершенные по неосторожности.

Отметим, что судебная практика идет по пути применения в данном случае правил назначения наказаний, предусмотренных ч. 2 ст. 69 УК РФ. Например, действия Намозова А.Х. квалифицированы по ч. 1 ст. 241 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 264 УК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено наказание в виде 4 лет лишения свободы с лишением на 3 года права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами. Суд апелляционной инстанции при рассмотрении апелляционного представления оставил приговор суда первой инстанции без изменения в части определения правил окончательного назначения наказания (ч. 2 ст. 69 УК РФ)[165].

В ч. 1 ст. 73 УК РФ содержится ряд ограничений по назначению условного осуждения. Часть таких ограничений сформулирована с использованием категоризации преступлений. Так, условное осуждение не назначается лицу при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, если оно совершено: 1) в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления; 2) в течение неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении. К тому же условное осуждение не применяется при опасном или особо опасном рецидиве. Помимо категорий преступлений, запрет на применение условного осуждения также увязывается со специальными перечнями преступлений (п. «а» – «$а^1$» ч. 1 ст. 73 УК РФ).

В специальной литературе отмечается, что изложение запрета на назначение условного осуждения с использованием перечневого критерия затрудняет

---

[165] Апелляционное постановление № 22-1364/2023 от 6 июля 2023 г. по делу № 1-92/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/EnmB0XZHR5dR/?ysclid=m0robzhxsf862290101 (дата обращения: 30.08.2024).

применение законодательного материала. Исследователи поясняют, что целесообразнее устанавливать такой запрет только с использованием категоризации преступлений. Одни авторы предлагают ограничить применение условного осуждения за совершение тяжких и особо тяжких насильственных преступлений[166]; вторые – совершением деяний, относящихся к тяжким и особо тяжким категориям преступлений[167]; третьи – совершением деяний, относящихся только к особо тяжкой категории преступлений[168].

Условное осуждение играет важную роль при реализации принципов справедливости, гуманизма и экономии уголовной репрессии. В связи с этим, на наш взгляд, выглядят неоправданными, по крайнее мере, предложения запретить применять условное осуждение к лицам совершим тяжкие преступления. Следует учитывать, что запрет, основанный только на категориях преступлений, повлечет в частности невозможность назначения условного осуждения за тяжкие неосторожные преступления. Как представляется, при решении вопроса о допустимости/недопустимости применения судами условного осуждения к лицам, совершившим тяжкие преступления, следует руководствоваться разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР, содержащимися в п. 2 Постановления «О судебной практике по применению условного осуждения»[169]. По замечанию высшей судебной инстанции СССР условное осуждение, как правило, не должно применяться к лицам, виновным в совершении тяжких преступлений. Однако к отдельным участникам таких преступлений условное осуждение может применяться в тех случаях, когда установлена второстепенная роль этих лиц, а

---

[166] См., напр.: Кадников Н.Г. Указ. соч. С. 184.

[167] См., напр.: Вакарина Е.А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения: Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 23 с.; Улезько С.И., Коновалов Д.И. К вопросу об эффективности условного осуждения за коррупционные преступления // Вестник КРУ МВД России. 2018. № 2 (40). С. 12–15.

[168] См.: Орешкина Т.Ю. Категории преступлений. Изменения последних лет // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 186-187.

[169] См.: О судебной практике по применению условного осуждения : Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1961 № 1 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977. Ч. 2.

также если данные, характеризующие виновного, и обстоятельства произошедшего свидетельствуют о нецелесообразности изоляции осужденного от общества.

Категории преступлений используются также для дифференциации последствий при совершении преступлений осужденными в период испытательного срока условного осуждения. Так, если осужденный в отмеченный период совершает неосторожное преступление либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, то вопрос об отмене или сохранении условного осуждения решается судом (ч. 4 ст. 74 УК РФ). Если же совершенное преступление, относится к категории умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления, то условное осуждение отменяется (ч. 5 ст. 74 УК РФ).

Закономерен вопрос – каким правилом должен руководствоваться суд при совершении лицом в период испытательного срока условного осуждения тяжкого неосторожного преступления? Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя вопросы отмены условного осуждения или продления испытательного срока, не оставил без внимания это обстоятельство. По мнению высшей судебной инстанции, суд принимает решение о возможности отмены или сохранения условного осуждения в отношении лица, совершившего в период испытательного срока новое преступление по неосторожности, в том числе относящееся к категории тяжких преступлений[170].

7. Категоризация преступлений оказала влияние на конструирование ряда норм в главе 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности». Применение трех видов освобождения от уголовной ответственности из шести, предусмотренных данной главой, связано с совершением преступлений, относящихся к категории небольшой или средней тяжести. Речь идет о таких видах освобождения от уголовной ответственности как: в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК

[170] О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 18 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 8.

РФ), в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ). Отметим, что ст. 75 УК РФ предполагает освобождение от уголовной ответственности не только за совершение двух наименее тяжких категорий преступлений, но и за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 75 УК РФ и соответствующие примечания к статьям Особенной части УК РФ). Оставшиеся виды освобождения от уголовной ответственности, изложенные в рассматриваемой главе УК РФ, распространяются на все категории преступлений, в том числе и на преступления небольшой и средней тяжести.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, в отличие от перечисленных видов освобождения от уголовной ответственности, ориентировано на лиц, совершивших конкретное преступление, перечень которых содержится в ст. 76^1 УК РФ. Несмотря на отсутствие указания в данной норме на категории преступлений, фактически упомянутые законодателем преступления соответствуют категории небольшой и средней тяжести. В специальной литературе встречаются мнения, что данная норма выступает специальной нормой по отношению к ст. 75 УК РФ. В связи с этим высказывается предложения о том, что в ст. 76^1 УК РФ следует прямо указать на такое условие освобождения, как совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые, и расположить данную норму сразу после ст. 75 УК РФ[171].

Связь перечисленных видов освобождения от уголовной ответственности с двумя наименее опасными категориями преступлений, наталкивает на мысль о том, что в большей степени институт освобождения от уголовной ответственности предназначен для противодействия преступлениям небольшой и средней тяжести. Во многом это оправдано, поскольку за последние пять лет

[171] См.: Балафендиев А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. С. 11.

удельный вес преступлений небольшой и средней тяжести в структуре преступности находится в диапазоне от 70 до 75 %[172].

8. Категоризация преступлений имеет весомое значение в главе 12 УК РФ «Освобождение от наказания». Несмотря на официальное наименование, по справедливому замечанию И.Э. Звечаровского, фактически в этой главе идет речь не только об освобождении от наказания, но также об освобождении от отбывания наказания, дальнейшего отбывания наказания и даже – замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания[173]. Перечисленные формулировки обладают не только своеобразными терминологическими оттенками, но также принципиально различаются по уголовно-правовым последствиям, т. к. согласно ч. 2 ст. 86 УК РФ несудимым считается только то лицо, которое освобождено от наказания.

За весь период существования в рамках действующего УК РФ норма об условно-досрочном освобождении неоднократно претерпевала изменения. В ранней редакции сроки фактического отбытия осужденным наказания были выше, чем в настоящее время, а также отсутствовал перечневый метод выделения тех преступлений, за которые в настоящий момент устанавливаются самостоятельные сроки фактического отбытия наказания. За совершение преступления небольшой или средней тяжести срок фактического отбытия наказания составлял не менее 1/2 срока наказания; за совершение тяжкого преступления – не менее 2/3 срока наказания; за совершение особо тяжкого преступления – не менее 3/4 срока наказания; в случае, если ранее условно-досрочное освобождение отменялось по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 79 УК РФ – не менее 3/4 срока.

В действующей редакции УК РФ перечисленные сроки заметно снизились, а также норму дополнили положения, в которых срок фактического отбытия

---

[172] См.: Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 – 2020 // МВД РФ: официальный сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/ (дата обращения: 18.08.2025).

[173] Звечаровский И.Э. Уголовное право России: курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной: учебник. М., 2024. С.434.

наказания зависит не от категорий преступлений, а от конкретных преступлений, перечень которых находится в пп. «г» – «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ.

Стремление законодателя в ч. 3 ст. 79 УК РФ скоррелировать срок фактического отбытия наказания дополнительно с перечнями преступлений вряд ли выглядит целесообразным. Так, каждая категория преступлений отражает приблизительно одинаковую степень общественной опасности. В связи с этим закон обосновано определяет в зависимости от категоризации преступлений необходимый минимум срока, по истечении которого возможно разрешение вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. При этом, очевидно, что преступления, выделенные в пп. «г» – «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ имеют высокую степень общественной опасности. Вместе с тем степень общественной опасности на уровне совершенного преступления отражается в назначенных судом сроках лишения свободы. Из этого можно заключить, что конкретный срок фактического отбытия наказания зависит не только от категории преступлений, но также от срока назначенного судом наказания. В связи с этим оптимальным решением, на наш взгляд, является установление зависимости сроков, определенных в ч. 3 ст. 79 УК РФ, только от категорий преступлений.

В 2014 г. Президиум Верховного Суда РФ составил обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, в котором констатировал, что неоднократные изменения, в том числе ч. 3 ст. 79 УК РФ вызывают у судов сложности в применении данных положений. Некоторые суды ошибочно полагают, что применению подлежит новый, ухудшающий положение осужденного закон. Однако в связи с изменениями, внесенными в указанную норму в 2012 году, следует руководствоваться общими правилами о действии уголовного закона во времени, предусмотренными ст. 10 УК РФ[174].

Схожая мысль высказана также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания

[174] См.: Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.04.2014 // Верховный Суд РФ: официальный сайт. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/15135/?ysclid=m013iu5894810749644 (дата обращения: 19.08.2024).

наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»[175]. Высшая судебная инстанция пояснила, что новый уголовный закон, увеличивающий срок фактического отбытия наказания подлежит применению только в отношении лица, осужденного за преступление, совершенное после вступления в силу нового уголовного закона.

Вопреки имеющимся рекомендациям, некоторые суды продолжают нарушать уголовное законодательство в рассматриваемой части. Так, постановлением Сарапульского городского суда Удмуртской Республики осужденному Ш.Р.И. отказано в принятии ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Такое решение мотивировано тем, что в соответствии с п. «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ осужденный не обладает субъективным правом на обращение с ходатайством, поскольку не отбыл 4/5 срока наказания. Суд апелляционной инстанции отменил судебное решение, указав, что из материалов дела следует, что Ш.Р.И. осужден за преступления, предусмотренные п. «б» ч. 2 ст. 132, п. «а» ч. 2 ст. 132, ч. 1 ст. 119 УК РФ, которые совершены в мае и июне 2010 г. Наказание отбывается с учетом срока содержания под стражей с 23.07. 2010 г., а п. "д" ч. 3 ст. 79 УК РФ введен федеральным законом от 29.02.2012. Следовательно, в указанный в приговоре период субъективное право на условно-досрочное освобождение возникало у лиц, осужденных за особо тяжкое преступление, независимо от того, было ли деяние направлено против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, при отбытии не менее 2/3 срока назначенного наказания, согласно п. «в» ч. 3 ст. 79 УК РФ[176].

За преступления небольшой тяжести в ч. 3^1 ст. 79 УК РФ установлен пониженный (не менее 1/4 срока назначенного наказания) по сравнению с общим

---

[175] См.: О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 25.06.2024) // Российская газета. 2009. № 75.

[176] См.: Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от наказания, за 2020 год и первое полугодие 2021 года // Верховный Суд Удмуртской республики: официальный сайт. URL: https://vs.udm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=560 (дата обращения: 19.08.2024).

правилом срок фактического отбытия наказания. Данные положения распространяются в отношении беременных женщин или женщин, имеющих ребенка в возрасте до 14 лет, находящегося в доме ребенка исправительного учреждения.

По поводу данной новеллы заметим, что в п. «а» ч. 3 ст. 79 УК РФ законодателем предусмотрен единый срок фактического отбытия наказания для двух разных по степени общественной опасности категорий преступлений. При чем, такую ситуацию нельзя рассматривать как ошибку законодателя, поскольку, обратившись к предыдущим редакциям данного положения, несложно заметить, что это устойчивая официальная позиция по отношению к категориям преступлений небольшой и средней тяжести. В связи с эти не совсем понятно, почему в ч. 3^1 ст. 79 УК РФ не упоминается также о категории преступлений средней тяжести. Считаем, что такое решение не в полной мере соответствует системности уголовного законодательства.

Категоризация преступлений участвует также в формировании положений о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Даже при беглом рассмотрении положений ст. 79 и ст. 80 УК РФ нетрудно заметить, что данные нормы сближает не только их принадлежность к одной главе УК РФ, но и значительная схожесть при изложении правового материала, в частности при установлении сроков фактического отбытия наказания. Однако возникает вполне логичный вопрос. Почему в п. 4 ч. 2 ст. 80 УК РФ законодатель упомянул только о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также о ст. 210 УК РФ, в то время как в п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ говорится также о тяжких и особо тяжких преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также о ряде преступлений террористической направленности?

Считаем, что подобный законодательный подход наносит вред системности уголовного законодательства и может провоцировать ошибки в правоприменении. Выход из данной ситуации видится в отказе от тенденции по выделению специальных сроков фактического отбытия наказания для отдельных тяжких и

особо тяжких преступлений и возвращению к единственному критерию определения срока минимального отбытия наказания – категоризации преступлений.

Категории преступлений учитываются законодателем и при конструировании нормы об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80^1 УК РФ). Так, данный вид освобождения от наказания распространяется только на преступления, отнесенные к категории небольшой и средней тяжести. Однако в связи с тем, что в действующем уголовном законодательстве неосторожные преступления охватываются также категорией тяжких преступлений, то, считаем, оправданным ограничить применение данной нормы только в связи с совершением умышленных тяжких и особо тяжких преступлений.

В ч. 1 ст. 82 УК РФ законодатель также опирается на категории преступлений. Отсрочка отбывания наказания для категорий лиц, перечисленных в данной норме, не может, в том числе применяться в отношении осужденных к лишению свободы на срок свыше 5 лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности. В теории уголовного права и правоприменительной практике отсутствует единство мнений по вопросу – что понимать под тяжкими и особо тяжкими преступлениями против личности для целей рассматриваемой нормы? Некоторые авторы убеждены, что по смыслу ст. 82 УК РФ к упомянутым преступлениям относятся не только те, что расположены в разделе VII УК РФ, но также деяния, где личность выступает дополнительным объектом посягательства (ст. 162, ст. 205, ст. 277 УК РФ)[177]. Судья Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики В.М. Мидов в справке по результатам ознакомления с практикой применения судами ст. 82 УК РФ также поясняет, что под преступлениями против личности в рассматриваемом случае понимаются преступные деяния, в которых

[177] См., напр.: Красильникова М.С. Некоторые вопросы уголовно-правового регулирования отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) // СибСкрипт. 2013. № 4 (56). С. 274.

личность выступает в качестве основного или дополнительного объекта посягательства[178].

Однако Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания»[179] выразил противоположное мнение. В п. 7 названного акта толкования права рекомендовано под тяжкими или особо тяжкими преступлениями против личности для целей ст. 82 УК РФ понимать относящиеся к данным категориям умышленные преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями раздела VII Особенной части УК РФ.

Думается, что буквальное толкование данного положения является более предпочтительным. При этом обратим внимание, что высшая судебная инстанция определила также форму вины данных посягательств – только умышленные преступления. По поводу применения положений ст. 82 УК РФ Пленумом Верховного Суда РФ в выше названном постановлении высказана еще значимая рекомендация. Так, если в совокупность преступлений или приговоров входит одно или несколько умышленных тяжких или особо тяжких преступлений против личности, за которые назначено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше 5 лет, то назначение окончательного наказания на срок свыше 5 лет лишения свободы не препятствует применению ст. 82 УК РФ.

9. Важным институтом уголовного законодательства, имеющим как уголовно-правовые, так и общеправовые последствия выступает судимость. Прекращение правового состояния судимости закон связывает с тремя обстоятельствами: освобождением от наказания; погашением судимости и снятием судимости.

---

[178] См.: Справка по результатам ознакомления с практикой применения судами Кабардино-Балкарской Республики отсрочки отбывания наказания в соответствии со ст.82 УК РФ в 2021 году и первом полугодии 2022 года // Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики: официальный сайт. URL: https://vs.kbr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2220 (дата обращения: 20.08.2024).

[179] О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.

Категоризация преступлений обусловила сроки погашения судимости осужденным к наказанию в виде лишения свободы (ч. 3 ст. 86 УК РФ). Заметим, что законодатель снова проявил последовательность, определив для двух наименее общественно опасных категорий преступлений, идентичный срок погашения судимости (3 года). За тяжкие преступления судимость сохраняется на протяжении 8 лет; а за особо тяжкие – 10 лет. Обозначенные сроки начинают течь со дня отбытия осужденным наказания.

Однако идея использования категоризации преступлений в данном законоположении критикуется в специальной литературе. В. Питецкий моделирует ситуацию, когда осужденным за деяния, относящиеся к разным категориям преступлений, назначается одинаковые наказания. При этом судимость таких лиц будет погашаться в разное время. Автор приходит к выводу, что возникшая ситуация противоречит уголовно-правовому принципу справедливости[180].

На наш взгляд, вряд ли данную позицию можно признать обоснованной. Во-первых, возможность правоприменителя назначить одинаковые сроки лишения свободы за деяния, относящиеся к разным категориям преступлений, высвечивает проблему установления санкций в статьях Особенной части УК РФ. Так, категории преступлений представляют собой четко обособленные уровни, которые взаимно исключают друг друга, следовательно, исключается и возможность назначения одинаковых наказаний за разные категории преступлений. Во-вторых, сущность категоризации преступлений заключается в том, что она устанавливает разный объем правовых последствий в зависимости от принадлежности преступлений к той или иной категории преступлений. В одну категорию преступления объединены деяния, примерно совпадающие по степени общественной опасности. Если совершенное деяние характеризуется степенью общественной опасности, которая не достигает типового уровня, то в таком случае можно задействовать положения ч. 6 ст. 15 УК РФ. В случае изменения

[180] Питецкий В. Судимость в уголовном праве // Законность. 2006. № 4 (858). С. 50.

судом категории преступления подсчет срока погашения судимости будет осуществлен с учетом измененной категории преступлений.

Такой способ прекращения состояния судимости как ее снятие связан в законе с безупречным поведением виновного, а также возмещением им причиненного преступлением вреда. Минимальный срок, по истечению которого осужденный может направить в суд ходатайство о снятии судимости, закон не установил. Главное, чтобы такое ходатайство было подано до истечения срока погашения судимости. Пленум Верховного Суда РФ также не комментирует данный вопрос. При этом высшая судебная инстанция подчеркнула, что суды не вправе отказать в снятии судимости по основаниям, не указанным в законе, таким, например, как тяжесть преступления, образовавшего данную судимость[181].

В уголовно-правовой литературе отмечается, что на практике досрочное снятие судимости производится по истечении как минимум половины установленного в ст. 86 УК РФ срока[182]. Хотя в правоприменении встречаются случаи, когда снятие судимости происходит ранее этого срока.

Так, Чиркин В.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 90 000 рублей. Постановлением суда от 19.02.2016 по ходатайству осужденного Чиркина В.В. с него снята судимость до истечения срока ее погашения. Судами апелляционной и кассационной инстанций указанное решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Вместе с тем, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ пришла к выводу, что принимая решение о досрочном снятии судимости с Чиркина В.В. менее чем через два месяца после вступления в законную силу приговора, гарнизонный военный суд формально оценил лишь факты уплаты осужденным штрафа, возмещения им процессуальных издержек, а также наличие положительных

---

[181] См.: О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.06.2022 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 8.

[182] См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., проф. А.В. Бриллиантова). М.: Проспект. 2021. С. 233.

характеристик. Судебная коллегия отменила решения нижестоящих судов, объяснив это в частности краткосрочностью периода (менее двух месяцев), за который судом оценивалась безупречность поведения осужденного после вступления приговора в законную силу за совершение тяжкого преступления[183].

Снятие судимости также предусмотрено в отношении условно осужденных. В ч. 1 ст. 74 УК РФ установлены три требования, соблюдение которых обязательно для отмены условного осуждения и снятия с осужденного судимости: осужденный своим поведением доказал свое исправление; полностью или частично возместил вред, причиненный преступлением, размер которого определен судом; не менее чем на половину истек установленный испытательный срок.

В п. 3 Постановления «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока», комментируя условие о необходимости отбытия не менее половины испытательного срока, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что если осужденному назначен дополнительный вид наказания, то отмена условного осуждения и снятие с осужденного судимости возможны лишь после отбытия им дополнительного наказания[184].

Полагаем, что было бы логичным установить в законе также и минимальный срок, необходимый для снятия судимости в порядке применения ч. 5 ст. 86 УК РФ. Минимальный срок после отбытия наказания для снятия судимости логично поставить в зависимость от категорий преступлений. При определении конкретных сроков, на наш взгляд, следует ориентироваться на сроки фактического отбытия наказания, установленные с учетом категорий преступлений и дающие право на условно-досрочное освобождение (ч. 3 ст. 79 УК РФ).

---

[183] См.: Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 08.11.2016 № 201-УДП16-18 // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08112016-n-201-udp16-18/ (дата обращения: 24.08.2024).

[184] О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 18 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 8.

10. В действующем уголовном законодательстве предусмотрен специальный раздел, посвященный особенностям уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. В нем законодатель предусмотрел некоторые корректировки в общих уголовно-правовых правилах, которые соизмеримы с особенностями личности несовершеннолетних. Создать «льготный» режим уголовной ответственности для данной категории граждан стало возможным, в том числе благодаря активному использованию в соответствующих положениях категоризации преступлений (ч. 6–6^2 ст. 88; пп. «б», «г» ч. 2 ст. 90; ч. 1–2 ст. 92; ст. 93; пп. «б»–«в» ч. 1 ст. 95 УК РФ).

Как видно, категоризация преступлений широко распространена в Общей части УК РФ, при этом нельзя не отметить, что она фигурируют также и в Особенной части УК РФ.

Первое, в самом широком смысле категории преступлений отражаются во всех санкциях статей Особенной части УК РФ, поскольку установленное за преступление наказание это своего рода стандарт оценки со стороны государства степени общественной опасности преступлений, которая охватывается четырьмя категориями преступлений. В зависимости от отнесения преступления к более тяжким или менее тяжким категориям преступлений устанавливаются, соответственно более строгие или менее строгие вид и объем уголовно-правовых последствий. Заметим, что в данном случае значение категоризации преступлений, также как и в Общей части УК РФ, связывается с дифференциацией уголовной ответственности.

Традиционным для уголовного законодательства является конструирование санкций Особенной части УК РФ как альтернативных по видам наказаний и относительно определенных по их размерам. При этом является вполне логичной та ситуация, когда особенно за наиболее тяжкие категории преступлений устанавливаются как верхние, так и нижние границы наказуемости. Такой подход можно было наблюдать в отечественном уголовном законодательстве до 2011 г.

Однако с принятием Федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ[185] и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ[186] законодательная позиция по данному вопросу кардинально изменилась. После нововведений упразднен нижний предел санкции в виде лишения свободы за подавляющее большинство преступлений (в том числе тяжкие и особо тяжкие преступления). Это привело к тому, что минимальный срок лишения свободы за некоторые тяжкие и особо тяжкие преступления стал равен в соответствии с ч. 2 ст. 56 УК РФ 2 месяцам. Так, к примеру, в ч. 1 и ч. 2 ст. 164 УК РФ законодатель исключил нижнюю границу лишения свободы, равную 6 и 8 годам соответственно. По действующему уголовному законодательству по ч. 1 ст. 164 УК РФ может быть назначено наказание до 10 лет лишения свободы, а по ч. 2 ст. 164 УК РФ – до 15 лет лишения свободы. Еще более показательны примеры с отсутствием минимальных размеров санкций за тяжкие и особо тяжкие преступления, посягающие на важнейшие права человека, в том числе право на жизнь (например, ч. 4 ст. 111 УК РФ; ч. 3 ст. 122 УК РФ). В связи с этим неслучайно, что в специальной литературе решение законодателя об устранении нижних пределов санкций получило в большинстве своем негативную оценку[187].

Можно заключить, что если отсутствие нижних границ санкций статей Особенной части УК РФ за преступления небольшой тяжести выглядит вполне логичным, то отсутствие таких минимальных пределов за преступления средней тяжести, а уж тем более за тяжкие или особо тяжкие преступления, оправдать сложно. В результате сложившаяся ситуация нивелирует разницу между

---

[185] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 11. Ст. 1495.

[186] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

[187] См., напр.: Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Об эффективности уголовно-правовых санкций в системе наказаний в современной уголовной политике государства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2 (109). С. 82-96; Татарников В.Г. Санкция уголовно-правовой нормы как показатель характера и степени общественной опасности преступления против личности // Вестник ИрГТУ. 2014. № 1 (84). С. 256–260; Кибальник А.Г. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства // Законность. 2011. № 9. С. 22–25; Наумов А. О серьезной уязвимости одного из последних законопроектов о внесении поправок в УК РФ // Уголовное право. 2011. № 1. С. 38–39.

различными категориями преступлений, а тем самым ставит под сомнение положения ст. 15 УК РФ. Высказанные соображения свидетельствуют о разумности установления законодателем, где это необходимо, нижних пределов наказания в виде лишения свободы в санкциях статей Особенной части УК РФ. Ориентиром в этом вопросе должна служить категоризация преступлений. Считаем, что низший предел наказания за конкретную категорию преступлений должен определяться с учетом высшего предела предыдущей категории преступлений. Например, санкция, установленная в статье (части статьи) Особенной части УК РФ за деяние, относящееся к категории тяжких преступлений должна находиться в пределах от 5 до 10 лет лишения свободы.

Специалисты в теории уголовного права уже не раз предлагали определить нижние границы категорий преступлений, руководствуясь различными критериями[188]. При этом обосновываются такие предложения обычно указанием на то, что действующая категоризация преступлений не соответствует классификационному правилу, заключающемуся в том, что классификационные группы должны представлять четкие и точные уровни, взаимоисключающие друг друга. Полагаем, что в угоду «формальной стройности» нормы, не должна игнорироваться ее практическая полезность. Можно согласиться с тем, что существующая на сегодняшний день категоризация преступлений не в полной мере отвечает положениям общих основ теории классификации, однако в первую очередь подчеркнем, что пересечение между собой категорий преступлений, отражается на качестве и авторитете уголовного законодательства. Во-первых, назначение одинакового наказания за разные категории преступлений создает впечатление непредсказуемости правосудия, в связи с чем наказание уже не способно оказать должного превентивного эффекта на граждан. Во-вторых, ситуация, когда виновным назначается одно и то же наказание за неодинаковые

[188] См. напр.: Иванчин А.В., Кулева Л.О. Регламентация в Уголовном кодексе Российской Федерации формального основания категоризации преступлений и перспективы ее совершенствования // Пенитенциарная наука. 2019. № 2. С. 163.; Михаль О.А. О некоторых проблемах классификации преступлений // Российский юридический журнал. 2013. № 2 (89). С. 138; и др.

категории преступлений противоречит принципу справедливости, поскольку не позволяет объяснить различия в уголовно-правовых и межотраслевых последствиях категорий преступлений, возникающих в отношении таких осужденных.

Второе, категории преступлений фигурируют в качестве признаков как основного состава преступления (ч. 1 ст. 210 УК РФ; ст. 316 УК РФ; ч. 1 ст. 325^1 УК РФ), так и квалифицированного (ч. 5 ст. 128^1 УК РФ; п. «в» ч. 5 ст. 131 УК РФ; п. «в» ч. 5 ст. 132 УК РФ; п. «в» ч. 4 ст. 150 УК РФ; ч. 3 ст. 298^1 УК РФ; ч. 2 ст. 299 УК РФ; ч. 3 ст. 303 УК РФ; ч. 2 ст. 306 УК РФ; ч. 2 ст. 307 УК РФ; ч. 2 ст. 316 УК РФ). Категории преступлений также встречаются в примечании 1 к ст. 210 УК РФ.

В перечисленных нормах законодатель прибегает к использованию только двух категорий преступлений – тяжких и особо тяжких. В большинстве случаев признак, указывающий на тяжкую или особо тяжкую категории преступлений, характеризует объективную сторону преступления, а именно общественно опасное деяние. В нескольких случаях формулировка «тяжкое или особо тяжкое преступление» выступает признаком субъективной стороны преступлений, а именно характеризует такой ее признак как цель (ч. 1 ст. 210 УК РФ; примечание 1 к ст. 210 УК РФ; ч. 1 ст. 325^1 УК РФ).

Как правило, последствия отнесения деяний к двум наиболее тяжким категориям преступлений унифицированы. Вместе с тем имеется случай, когда производится градация уголовной ответственности в зависимости от принадлежности преступления к определенной категории преступлений. Так, заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 316 УК РФ) относится к более квалифицированному составу преступления, нежели заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 316 УК РФ).

Сделаем акцент на том, что до 2022 г. ст. 316 УК РФ предусматривала уголовную ответственность только за заранее не обещанное укрывательство

особо тяжких преступлений. Однако в целях совершенствования механизмов борьбы с преступлениями сексуального характера в отношении детей, по замечанию авторов законопроекта[189], введена уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении лиц, не достигших 14 лет[190]. Таким образом, данное законодательное установление в первую очередь было рассчитано на противодействие тяжким преступлениям, предусмотренным гл. 18 УК РФ и совершенным в отношении несовершеннолетних, не достигших 14 лет. При этом в ч. 1 ст. 316 УК РФ законодатель все-таки не стал конкретизировать объект преступного посягательства.

На наш взгляд представляется оптимальным ч. 1 ст. 316 УК РФ сконструировать только с использованием категории тяжких преступлений, без указания на возрастную характеристику потерпевшего от тяжкого преступления. Это можно обосновать следующим. Во-первых, в других составах преступлений, использующих категоризацию преступлений, особо тяжкая категория преступлений всегда дополняется также тяжкой категорией преступлений. При чем, категориям преступлений не сопутствуют другие критерии (исключения составляют только п. «в» ч. 5 ст. 131 УК РФ и п. «в» ч. 5 ст. 132 УК РФ). Во-вторых, несмотря на то, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 316 УК РФ можно охарактеризовать как высоко латентное, судебная практика располагает случаями привлечения виновных к уголовной ответственности. Статистика свидетельствует о том, что в первый год действия данной новеллы количество осужденных по ч. 1 ст. 316 УК РФ значительно превосходит число осужденных по ч. 2 ст. 316 УК РФ. При том, что ч. 1 ст. 316 УК РФ действовала неполный

---

[189] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних : паспорт проекта Федерального закона № 388776-7 // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7?ysclid=m0num9az5w165001702 (дата обращения: 03.09.2024).

[190] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1395.

отчетный год. Так, за 2022 г. по ч. 1 ст. 316 УК РФ осуждено 95 человек, а по ч. 2 ст. 316 УК РФ – 18 человек. За 2023 г. по ч. 1 ст. 316 УК РФ осуждено 32 человека, а по ч. 2 ст. 316 УК РФ – 79 человек[191]. Приведенные соображения наталкивают на мысль о целесообразности расширения сферы действия положений ч. 1 ст. 316 УК РФ путем использования только тяжкой категории преступлений.

Еще одной нормой с признаками прикосновенности к преступлению в Особенной части УК РФ выступает ст. 205^6 УК РФ. Данное законоположение предусматривает ответственность за несообщение о преступлениях террористической и диверсионной направленности, перечень которых сформулирован в данной норме. Указанная статья в отличие от ранее исследованной уже не упоминает о конкретных категориях преступлений. При этом, если все-таки проанализировать категорийность перечисленных в ст. 205^6 УК РФ посягательств, то окажется, что в перечне присутствуют нормы, представляющие все четыре категории преступлений. Такое обстоятельство, на наш взгляд, не может не порождать сомнения в обоснованности данного нормотворческого решения. Получается, законодатель, в том числе установил уголовную ответственность за несообщение о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении небольшой тяжести (ч. 1 ст. 220 УК РФ) и средней тяжести (ч. 1 ст. 205^2 УК РФ; ч. 2 ст. 220 УК РФ; ч. 1 ст. 221 УК РФ и др.). При этом нарушается логика и системность уголовного законодательства, поскольку согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ приготовление уголовно наказуемо только к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Учитывая конституционное положение о том, что личность является высшей ценностью в нашем государстве, также выглядит неоправданной ситуация, когда несообщение о преступлении небольшой тяжести против общественной безопасности наказуемо (ч. 1 ст. 220 УК РФ), а

[191] Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации № 10-а за 2022–2023 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649 (дата обращения: 03.09.2024).

несообщение о тяжких и особо тяжких преступлениях, в которых попираются естественные права человека не попадает в орбиту уголовного законодательства.

Полагаем, что для более точной дифференциации уголовной ответственности, предпочтительнее в случае криминологической обоснованности предусмотреть уголовную ответственность за несообщение о преступлениях, определенных с помощью категорий преступлений. Данную норму по аналогии со ст. 316 УК РФ есть резон расположить в главе 31 «Преступления против правосудия», поскольку несообщение о преступлении препятствует привлечению лица к уголовной ответственности и назначению ему справедливого наказания.

В рамках заявленной тематики примечательно также обратить внимание на преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ. В данной норме законодатель установил ответственность за организацию или участие в преступном сообществе (преступной организации). Цель создания данной структурированной организации сформулировала с использованием категоризации преступлений, а именно такая организация создается для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений (ч. 1 ст. 210 УК РФ). Вместе с тем данная цель не в полной мере соответствует цели создания преступного сообщества, определенной в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Данная норма Общей части УК РФ рассматривает выше названную цель во взаимосвязи с получением прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» обратил внимание, в частности, что преступное сообщество (преступная организация) отличается наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды[192].

---

[192] О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

Думается, благодаря такой рекомендации правоприменитель не должен испытывать сомнения в содержании цели создания преступного сообщества ввиду рассогласованности формулировок ч. 4 ст. 35 УК РФ и ч. 1 ст. 210 УК РФ. Однако предпочтительнее было бы устранить отмеченное противоречие на законодательном уровне[193].

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили сформулировать ряд выводов.

1. Категоризация преступлений учитывается при построении немалого числа положений, норм, институтов Общей и Особенной частей УК РФ. Следует признать, что уголовно-правовое значение категоризации преступлений тесно связано с дифференциацией уголовной ответственности. Эта связь проявляется в том, что дифференциация уголовной ответственности, в том числе призвана подчеркнуть различный объем возможной уголовной ответственности за деяния, относящиеся к разным категориям преступлений.

2. В работе в целом не поддерживается стремление законодателя дифференцировать уголовную ответственность или межотраслевые последствия за совершение преступлений с использованием перечней составов преступлений, сформированных по тем или иным субъективным критериям. Применительно к ч. 5 ст. 56 УК РФ дефектность выбранного законодателем подхода проявляется в том, что одновременное применении данных положений и п. «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ приводит к тому, что лишение свободы на определенный срок по своим уголовно-правовым последствиям становится более строгим наказанием, чем пожизненное лишение свободы. В работе также обосновываются выводы о нецелесообразности использования отдельных перечней преступлений в п. «а»-«$а^1$» ч. 1 ст. 73; пп. «г»-«д» ч. 3 ст. 79; пп. 4–5 ч. 2 ст. 80 УК РФ и др. Аргументировано положение о том, что ст. 205^6 УК РФ (Несообщение о преступлении) нарушает логику и системность уголовного законодательства.

---

[193] См. подробнее: Мозина Е.В. Значение категоризации преступлений в Особенной части УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2026. № 1. Москва: Издательство Проспект, 2026. С. 124–131.

3. Критически оценивается решение законодателя об отнесении неосторожных деяний к категории тяжких преступлений, поскольку в таком случае значительно отличающиеся по социально-правовым характеристикам неосторожные и умышленные преступления уравниваются законодателем в правовом значении в трех из четырех категорий преступлений, тем самым искусственно завышается степень общественной опасности неосторожных деяний. Кроме того, в результате исследования положений уголовного законодательства, содержание которых обусловлено категоризацией преступлений (п. «а» и п. «б» ч. 1 ст. 58; ч. 2 и ч. 3 ст. 69; ч. 4 и ч. 5 ст. 74 УК РФ и др.), автор приходит к выводу, что отечественное законодательство до сих пор не до конца адаптировано под тяжкие неосторожные преступления. В связи с этим при наличии коллизии правовых норм, до тех пор пока она не будет устранена законодательным путем, все сомнения должны толковаться судом в пользу осужденного.

4. Согласно ч. 5 ст. 86 УК РФ снятие судимости связывается с оценочными категориями: безупречное поведение осужденного и возмещение им вреда, причиненного преступлением. В работе аргументируется положение о дополнении двух названных критериев также указанием на минимальный срок прошедший после отбытия наказания, аналогично тому, как это имеет место при снятии судимости условно осужденных (ч. 1 ст. 74 УК РФ). При установлении минимальных сроков, необходимых для обращения с ходатайством о снятии судимости, следует ориентироваться на сроки фактического отбытия наказания, установленные с учетом категорий преступлений и дающие право на условно-досрочное освобождение (ч. 3 ст. 79 УК РФ).

5. Обосновывается положение о необходимости установления нижних пределов наказуемости, учитывающих потенциальные колебания степени общественной опасности преступлений. Ориентиром для законодателя в данном вопросе должны стать категории преступлений, имеющие как верхние, так и логично определимые нижние пределы наказания в виде лишения свободы. В связи с этим предлагается в ст. 15 УК РФ предусмотреть часть 5^1, примерная

редакция которой могла бы звучать следующим образом: «Минимальный предел наказания для каждой категории преступлений определяется с учетом максимального предела наказания в предшествующей категории преступлений».

Глава 2. Межотраслевое значение категоризации преступлений

До настоящей главы в работе, по сути, обосновывалась идея о категоризации преступлений как краеугольной составляющей архитектуры уголовного законодательства. Большинство заключений по этому вопросу позволяют убедиться в том, что категоризация преступлений характеризуется уголовно-правовой природой. Можно предположить, что рассматриваемый феномен зарождался в уголовном законодательстве как инструмент, призванный «обслуживать» интересы данной отрасли и соответственно имеющий значение в известных границах. До сих пор в диссертации было представлено значение категоризации преступлений в традиционном понимании. Как правило, ни один учебник по Общей части уголовного права[194] не обходится без освещения этого вопроса под таким углом зрения, а именно фактически исследуется значение категорий преступлений в пределах отрасли уголовного законодательства.

Имеющийся в доктрине уровень разработанности уголовно-правового значения категоризации преступлений позволяет по-новому посмотреть на данную проблему и оценить масштабы последствий категоризации преступлений за пределами уголовного законодательства. В настоящей главе автором изложено межотраслевое значение категоризации преступлений, которое заключается во влиянии категорий преступлений на смежные и несмежные с уголовным законодательством отрасли.

§ 1. Значение категоризации преступлений для уголовно-процессуального законодательства

Категоризация преступлений, находясь в «генетической» связи с другими инструментами уголовного законодательства, в итоге направлена на

---

[194] См., напр.: *Звечаровский И.Э.* Российское уголовное право: закон, преступление, ответственность: учебник. М.: Проспект, 2022. С. 99–106; Уголовное право России. Учебник для вузов: в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: Норма, 2008. Т. 1. Общая часть. С. 44–45; Уголовное право в 2 т. Общая часть: учебник для вузов / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М.: Издательство Юрайт, 2023. Т. 1. С. 61–63.

формирование среди правоисполнителей убежденности в недопустимости удовлетворения потребностей криминальным путем. Строго говоря, это социальный результат, ожидаемый от уголовного права в целом, достичь который удается благодаря «работе» всех составляющих единого уголовно-правового механизма. Торжеству этого идеала служит в числе прочего и уголовно-процессуальное законодательство, выступающее единственно возможной формой реализации уголовного законодательства на уровне правоприменения.

Соотношение уголовного права с уголовно-процессуальным представляет классический пример разделения права на материальное и процессуальное. В свою очередь соотношение материи и процесса подчинено диалектике взаимосвязи содержания и формы. Уголовное законодательство претворяется в жизнь исключительно в уголовно-процессуальной форме. Аксиоматично и встречное этому утверждение, что уголовной процесс специально создан для реализации уголовно-правового существа. Уголовно-процессуальное законодательство полагается на достижения материальной отрасли и в известных случаях пользуется выработанным ей инструментарием. Категоризация преступлений, выступающая уголовно-правовым институтом, как раз является таким примером.

Категоризация преступлений оказала принципиальное влияние на отдельные положения уголовно-процессуального законодательства. Наиболее ярко она представлена в таких главах УПК РФ, как «Основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования», «Суд», «Меры пресечения», «Иные меры процессуального принуждения», «Общие условия предварительного расследования», «Обыск. Выемка. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления. Контроль и запись переговоров. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», «Общий порядок подготовки к судебному заседанию», «Предварительное слушание», «Общие условия судебного разбирательства», «Особый порядок принятия судебного решения при согласии

обвиняемого с предъявленным ему обвинением», «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних».

В результате проведенного анализа нормативных предписаний, сделан вывод о том, что значение категоризации преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве представлено в двух направлениях в зависимости от ее роли. Первое, уголовно-правовое значение категоризации преступлений в уголовно-процессуальных установлениях, содержание которых напрямую обусловлено отдельными нормами УК РФ. Призванная разъяснить применение конкретных уголовно-правовых положений, норм, институтов, категоризация преступлений не обретает самостоятельное уголовно-процессуальное значение и продолжает решать задачи уголовного законодательства. Второе, собственно уголовно-процессуальное значение категоризации преступлений. Данное значение проявляется в тех случаях, когда категоризация преступлений непосредственно служит достижению назначения уголовного судопроизводства. В первом случае категоризация преступлений обладает только юридико-техническим характером, во втором случае она приобретает сущностное значение. Представляется, что данное деление высвечивает сущность значения категоризации преступлений для уголовно-процессуального законодательства, является наиболее важным как для теории, так и для практики противодействия преступности, а также применимо для иных смежных с уголовным законодательством отраслей.

Для того чтобы определиться со значением категоризации преступлений в той или иной процессуальной норме, достаточно попытаться изъять конкретную категорию преступлений из текста закона. Если заложенная нормотворческая идея осталась доступной для понимания и соответственно применения, значит, категоризация преступлений сохраняет свое уголовно-правовое значение, если же норма утрачивает свой смысл, то категоризация преступлений характеризуется уголовно-процессуальным значением. Например, ст. 25 УПК РФ можно изложить без указания на преступления небольшой и средней тяжести, при этом смысл нормы сохранится. Так, «Суд, а также следователь с согласия руководителя

следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело, если подозреваемый или обвиняемый примирился с потерпевшим и загладил причиненный ему вред, в случаях предусмотренных статей 76 Уголовного Кодекса РФ». Подобное значение категоризации преступлений встречается также в иных положениях института альтернатив уголовному преследованию (п. 3 ч. 1 ст. 24, ч. 1 ст. 25^1, ч. 1 ст. 28 УПК РФ). Отмеченные основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования непосредственно основаны на ч. 1 ст. 78, ст. 76, 76^2, 75 УК РФ соответственно. Логично, что в условиях прекращения уголовного дела или уголовного преследования законодатель опирается на те же категории преступлений, что и при регламентации соответствующих оснований освобождения от уголовной ответственности.

В науке встречаются критические замечания о том, что ст. 25 УПК РФ практически полностью копирует содержание ст. 76 УК РФ, а ч. 1 ст. 28 УПК РФ во многом повторяет положения ч. 1 ст. 75 УК РФ. В связи с этим на законодательном уровне должна быть более четко проведена демаркационная линия между уголовным правом и процессом[195].

На наш взгляд, нормы о прекращении уголовного дела и преследования (ст. 25, 25.1, 28 УПК РФ) не ограничиваются простым переносом информации из уголовно-правовой нормы, а обогащают ее необходимыми для правоприменителя процессуальными нюансами. Так, например, из ст. 25 УПК РФ следует, что примирение сторон влечет прекращение уголовного дела; такое процессуальное решение может быть принято судом или следователем, дознавателем с согласия соответствующих руководителей; обязательно требуется волеизъявление потерпевшего (законного представителя), обращающегося к органам расследования с заявлением; данная норма применима на этапе, когда лицо выступает подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу и т.д.

---

[195] См.: Кулев А.Г., Кулева Л.О. Категоризация преступлений при конструировании уголовно-процессуальных норм // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 131.

Еще одним примером уголовно-правового значения категоризации преступлений выступают положения, регламентирующие применение мер воспитательного воздействия в случае освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности (ст. 431 УПК РФ) и наказания (ст. 432 УПК РФ). Названные процессуальные нормы напрямую зависят от содержания ст. 90 и ст. 92 УК РФ соответственно. Приведенные случаи свидетельствуют о том, что категории преступлений продолжают выполнять свое уголовно-правовое значение в уголовно-процессуальном законодательстве и «работают» в первую очередь на решение уголовно-правовых задач. Такая ситуация позволяет сделать вывод, что уголовно-процессуальные нормы, непосредственно обслуживающие интересы уголовного законодательства, в материальной части должны четко соответствовать норме уголовного законодательства, раскрывая лишь необходимые процессуальные особенности ее применения.

Примеров уголовно-процессуального значения категоризации преступлений значительно больше. Законодатель, опираясь на категории преступлений в уголовно-процессуальных установлениях, использует различные выражения. К первой группе относятся положения, в которых непосредственно фигурируют наименования категорий преступлений. Вторую группу составляют нормативные установления, в которых фактически используется категоризация преступлений, но формально это выраженно либо громоздкими конструкциями, например, «преступления, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы» (ч. 1 ст. 31 УПК РФ), «преступления, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет» (п. 5 ч. 1 ст. 51 УПК РФ); либо термином «тяжесть» (ст. 32, 99, 152, 237, 338, 339, 389^{18}, 389^{26}, 401^{16}, 413, 414 УПК РФ и др.). Думается, наиболее приемлемым вариантом в юридико-техническом смысле является все-таки использование в положениях УПК РФ наименований категорий преступлений, а не формул отнесения деяний к ним. Присутствие в нормативных установлениях наименований категорий преступлений упрощает понимание того или иного

законоположения правоприменителями и правоисполнителями, а также экономит текст уголовно-процессуального законодательства.

Известно, что УПК РФ не притязает на роль единственного источника норм, регламентирующих порядок уголовного судопроизводства. К дополнительным источникам уголовно-процессуального права относятся положения законов, которые затрагивают вопросы уголовного судопроизводства. Наиболее интересны среди таких некодифицированных нормативно-правовых актов те, что при построении уголовно-процессуальных норм используют категоризацию преступлений. В связи с этим уголовно-процессуальное значение категоризации преступлений отражается как в УПК РФ, так и в иных источниках уголовно-процессуального права. Последние подразделяются в зависимости от юридической силы на федеральные конституционные законы (далее – ФКЗ), принимаемые по вопросам, перечень которых предусмотрен Конституцией РФ и на федеральные законы (далее – ФЗ). Категоризация преступлений повлияла, в том числе и на формулирование отдельных положений федеральных законов, которые не являются в «чистом» виде уголовно-процессуальными, однако создают необходимую основу для плодотворной реализации назначения уголовно-процессуального права. Имеются ввиду отдельные нормы уголовно-процессуальной направленности в ФЗ «О федеральной службе безопасности» (ч. 12 ст. 9), «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 8), «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ч. 3 ст. 6).

Анализ правовых предписаний, в которых представлено уголовно-процессуальное значение категоризации преступлений, позволил разделить их в зависимости от содержания правового материала на группы, каждая из которых, решая частные задачи, в конечном счете, содействуют успешному функционированию уголовного судопроизводства.

1. Категоризация преступлений направлена на оптимизацию защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В частности, реализация системы мер, направленных на защиту жизни, здоровья и

имущества участников уголовного судопроизводства в определенных случаях увязывается с категориями преступлений (ч. 2 ст. 241[1] УПК РФ; ч. 3 ст. 6 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства).

2. Между категориями преступлений лежит существенная разница, которая адекватно отражается на определении подследственности и подсудности, выступающими двумя важнейшими институтами уголовного процесса (п. 2 ч. 3 и п. 1 ч. 4 ст. 30; ч. 1 ст. 31; ч. 3 ст. 32; п. 1-2 ч. 3 ст. 150; пп. «г» п. 1 ч. 2 ст. 151; ч. 3 ст. 152 УПК РФ).

В уголовном процессе дела могут рассматриваться в единоличном и коллегиальном составах суда. Законодатель, опираясь на две категории преступлений, установил, что суды уровня субъектов РФ, выступающие апелляционной инстанцией, единолично рассматривают уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести (п. 2 ч. 3 ст. 30 УПК РФ). Рассмотрение уголовных дел в кассационном порядке осуществляется судьей единолично только в исключительных случаях. В частности к ним относится рассмотрение уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести (п. 1 ч. 4 ст. 30 УПК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ дал значимое разъяснение относительно определения состава суда для рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции. Так, выбор суда основывается «на категории преступления, по обвинению лица в котором уголовное дело поступило в суд первой инстанции». В частности Пленум Верховного Суда РФ распространил это и на случаи, когда судом первой инстанции действия лица были переквалифицированы с особо тяжкого или тяжкого преступления на преступление небольшой или средней тяжести либо на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ изменена категория преступления[196].

---

[196] См.: О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.

Категоризация преступлений повлияла на вторую досудебную стадию уголовного процесса, именуемую предварительным расследованием. Предварительное следствие и дознание, выступающие формами предварительного расследования, образуют вместе единую стадию. Основной формой предварительно расследования является предварительное следствие, дознание же производится в качестве исключения. Такие случаи прямо определенны в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Указанная норма обладает внушительным размером, поскольку перечисляет более 100 составов преступлений. Все они относятся к категориям преступлений небольшой и средней тяжести. Кроме того, прокурор вправе дать письменное указание о производстве дознания по уголовным делам об иных преступлениях небольшой и средней тяжести (п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ).

Предпринятый подход при формулировании уголовно-процессуального положения вряд ли можно признать безупречным. Создается впечатление, что в ст. 150 УПК РФ отсутствует четкое основание для классификации предварительного расследования на формы. Нельзя не обратить внимания и на то, что количество федеральных законов, вносящих изменения в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, уже превышает 50. Отмеченное свидетельствует о непосредственной зависимости уголовно-процессуального положения от вносимых корректировок в уголовное законодательство. Одним из возможных выходов из данной ситуации может стать признание преступлений небольшой и средней тяжести в качестве критерия дифференциации предварительного расследования на формы[197]. Ранее по этому поводу высказывался А.Н. Качур, который предложил в законе в подобных случаях указывать на то, что в форме дознания устанавливаются фактические и юридические обстоятельства преступлений небольшой тяжести и

[197] См. подробнее: Мозина, Е.В. Значение категоризации преступлений для институтов подследственности и подсудности // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5 (162). С. 129–136.

средней тяжести, а в форме предварительного следствия – тяжких и особо тяжких преступлений[198].

3. Категоризация преступлений реализует часть своего значения при конструировании отдельных мер пресечения (ч. 10 ст. 105^1; ч. 3 ст. 106; ч. 1-2 ст. 108; ч. 2-3 ст. 109 УПК РФ; п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении») и иных мер процессуального принуждения (ч. 5 ст. 114 УПК РФ).

Запрет определенных действий входит в число мер пресечения, на которые оказала воздействие категоризация преступлений. Суть указанной меры пресечения заключается в обязанности подозреваемого или обвиняемого своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или суда, а также соблюдать один или несколько возложенных запретов. Одним из таких запретов, перечисленных в п. 1 ч. 6 ст. 105^1 УПК РФ является запрет на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором лицо проживает. Предельный срок данного ограничения разнится в зависимости от категории преступлений. Так, по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести он составляет 12 месяцев; по уголовным делам о тяжких преступлениях – 24 месяца; по уголовным делам об особо тяжких преступлениях – 36 месяцев.

Такое нормотворческое решение в части максимальных сроков рассматриваемого ограничения порождает вполне логичный вопрос. Почему предельные сроки запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый или обвиняемый обобщены для преступлений небольшой и средней тяжести, но разделены для тяжких и особо тяжких преступлений?

Считаем, что дифференциация правовых последствий в данной норме для тяжких и особо тяжких преступлений не имеет веских оснований. Это можно объяснить следующим. Известно, что каждая категория преступлений обладает определенной степенью общественной опасности, которая выражена

---

[198] Качур А.Н. Влияние уголовно-правовых классификаций преступлений на уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 80.

соответствующей мерой наказания. При этом нередко и вполне справедливо законодатель предусматривает одни правовые последствия для преступлений небольшой и средней тяжести, и другие – для тяжких и особо тяжких преступлений. Обосновать такое формальное сближение двух категорий преступлений, на наш взгляд, можно тем, что имеются существенные различия между деяниями, соответствующими первым двум и вторым двум категориям преступлений.

Во-первых, если преступления небольшой и средней тяжести свидетельствует скорее о нормально развивающемся обществе и степень их общественного осуждения относительно невысокая, то тяжкие и особо тяжкие преступления разрушают социально значимые отношения и вызывают резкую нетерпимость среди граждан.

Во-вторых, в период действия настоящего УК РФ 1996 г. имелся случай изменения границы наказания между категориями преступлений небольшой и средней тяжести. Речь идет об увеличении максимального срока лишения свободы за категорию преступлений небольшой тяжести[199], способствующего гуманизации уголовного законодательства. Отмеченное свидетельствует о подвижности границ между двумя наименее общественно опасными категориями преступлений. Между тем границы между преступлениями средней тяжести, тяжкими и особо тяжкими, если рассматривать умышленную форму вины, оставались всегда незыблемыми.

В-третьих, более восемнадцати лет в УК РФ деяния, совершенные по неосторожности достигали только уровней небольшой и средней тяжести. Такая законодательная позиция, на наш взгляд, обоснована и свидетельствует о существенном отличии между преступлениями небольшой и средней тяжести, с одной стороны, и тяжкими и особо тяжкими, с дугой стороны. Так, неосторожные преступления в отличие от умышленных обладают меньшей степенью

---

[199] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер.закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011 г. № 50. Ст. 7362.

общественной опасности, а значит, нахождение рядом с ними в двух категориях преступлений умышленных преступлений свидетельствует о том, что данные умышленные преступления также обладают относительно невысокой степенью общественной опасности, поскольку категории преступлений образуются из примерно одинаково оцениваемых мерой наказания деяний. В свою очередь размер наказания, отражающий степень общественной опасности тяжких и особо тяжких преступлений в разы превышает размер наказания за две предшествующие категорий преступлений. Действующее же решение законодателя о распространении неосторожных преступлений, в том числе и на тяжкую категорию преступлений представляет собой искусственное завышение степени общественной опасности неосторожных преступлений. Это подтверждается тем, что в обоих видах неосторожности виновное лицо не осознает общественной опасности своего деяния, а в случае с небрежностью виновный даже не предвидит возможность наступления общественно опасных последствий. В связи с этим считаем, не соответствует принципу справедливости наказуемость неосторожных преступлений лишением свободы до пятнадцати лет и их распределением по трем категориям преступлений. Таким образом, объединение правовых последствий для двух категорий преступлений, ставшее уже традиционным для отечественного законодательства, позволяет сохранить баланс между двумя блоками преступлений и выработать специфику противодействия им.

Руководствуясь такой логикой, будет правильным в ч. 10 ст. 105^1 УПК РФ обобщить последствия для тяжких и особо тяжких преступлений. Думается, только в особых случаях, когда на кон поставлена эффективность решения уголовно-процессуальных задач, предпочтительнее концентрировать внимание на одной категории преступлений. Например, как это имеет место в ч. 3 ст. 109 УПК РФ, закрепляющей, что в исключительных случаях срок содержания под стражей в отношении обвиняемых в особо тяжких преступлениях может быть увеличен с 12 месяцев до 18 месяцев. В отмеченном случае совершенно оправдано стремление законодателя в ч. 3 ст. 109 УПК РФ сделать акцент на категорию

особо тяжких преступлений. Так, заключение под стражу представляет собой серьезный комплекс правоограничений в конституционном статусе лица, которое только предполагается, что виновно в совершении преступного посягательства. Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство должно «работать» на быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона. Соблюсти баланс между умалением определенных прав и свобод человека и решением уголовно-процессуальных задач позволяет порядок, предусмотренный в качестве исключения в ч. 3 ст. 109 УПК РФ и рассчитанный только для специфических случаев[200].

4. С помощью категоризации преступлений изложены некоторые особенности судебного разбирательства (ч. 2 ст. 229; ч. 4-5 ст. 247; ч. 1 ст. 314 УПК РФ).

Конституция РФ декларирует, что заочное разбирательство уголовных дел в судах не допускается, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом (ч. 2 ст. 123). Уголовно-процессуальному законодательству знакомо два исключения из этого правила, оба из которых связываются с определенной парой категорий преступлений: 1) если подсудимый ходатайствует о проведении судебного разбирательства в его отсутствие по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести (ч. 4 ст. 247 УПК РФ); 2) если подсудимый уклоняется от явки в суд по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. При этом он находится за пределами территории России и не привлечен к ответственности по данному уголовному делу на территории иностранного государства (ч. 5 ст. 247 УПК РФ).

Представляет познавательный интерес, существующая в специальной литературе позиция Н.В. Ильютченко, предлагающей считать классическим вариантом заочного разбирательства только случай, регламентированный в ч. 5 ст. 247 УПК РФ. По мнению автора, исключительно данная норма сегодня

---

[200] Мозина Е.В. Значение категоризации преступлений для института мер пресечения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 1. Москва: Издательство Проспект, 2024. С. 172–176.

соответствует «всем каноническим теоретическим критериям заочного производства»[201]. В случае преодоления препятствий, в результате которых подсудимый отсутствовал в судебном разбирательстве, по ходатайству уже осужденного или его защитника приговор или определение суда подлежат отмене. Судебное разбирательство в таком случае проводится в обычном порядке (ч. 7 ст. 247 УПК РФ). В отличие от этого приговор, который был постановлен в порядке ч. 4 ст. 247 УПК РФ не может быть отменен в связи с ходатайством осужденного об очном рассмотрении дела.

В свете рассматриваемого вопроса обратимся к Постановлению Конституционного Суда РФ, который проверил конституционность ч. 5 ст. 247 УПК РФ. В Конституционный Суд РФ с соответствующим запросом обратился Курганский городской суд Курганской области, в производстве которого находились уголовные дела по обвинению Л. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а также по обвинению Е. в совершении трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ, и пяти преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ. Все перечисленные преступления соответствуют категории преступлений средней тяжести, подсудимые по данным уголовным делам находятся в розыске. В своих запросах Курганский городской суд Курганской области просит признать ч. 5 ст. 247 УПК РФ противоречащей Конституции РФ, в той мере, в какой она не позволяет в исключительных случаях проводить судебное разбирательство по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести в отсутствие подсудимого, который уклоняется от явки в суд и не был привлечен к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу. Конституционный Суд РФ, рассмотрев поступивший запрос, пришел к выводу о том, что поскольку отсутствует неопределенность в вопросе о том, соответствует

[201] См.: Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. М.: Статут, 2021. С. 924.

ли Конституции РФ ч. 5 ст. 247 УПК РФ, запросы Курганского городского суда Курганской области не могут быть приняты к рассмотрению[202].

Категоризация преступлений отразилась также на одном из оснований применения особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Так, материально-правовым основанием для реализации особого порядка принятия судебного решения является – совершение обвиняемым преступления небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 314 УПК РФ).

В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве остается до конца нерешенным вопрос – можно ли в отношении несовершеннолетнего, совершившего деяния соответствующих категорий преступлений, использовать особый порядок принятия судебного решения или нет? В уголовно-процессуальной доктрине имеются как положительные[203], так и отрицательные[204] ответы на поставленный вопрос. Вместе с тем высшая судебная инстанция выразила однозначную позицию по данному поводу. Не менее чем в трех постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющих те или иные уголовные и уголовно-процессуальные установления, сформулировано мнение о том, что закон не предусматривает применение особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого[205].

---

[202] См.: По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2016 № 1002-О // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-12052016-n-1002-o/?ysclid=m2es966lwl115352536 (дата обращения: 18.10.2023).

[203] См., напр.: Днепровская М.А. О применении особого порядка судебного разбирательства к несовершеннолетним обвиняемым // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 1 (15). С. 34; Любишкин Д.Е. Уголовно-правовая характеристика преступлений, рассматриваемых в порядке главы 40 УПК РФ // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2006. № 3. С. 230; Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. М: Юрлитинформ, 2004. С. 19.

[204] См., напр.: Бирюков Н. Проблемы практики применения особого порядка принятия судебного решения // Российский судья. 2005. № 4. С. 21; Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших // Российская юстиция. 2005. № 1. С. 38.

[205] См., напр.: О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного

Данную позицию поддержала и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ. Рассматривая кассационное представление прокурора на постановление Верховного суда Республики Марий Эл, Судебная коллегия по уголовным делам пришла к выводу, что уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности применения особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего. В силу ч. 2 ст. 420 УПК РФ производство по делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется в общем порядке, установленном частями второй и третьей УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными главой 50 УПК РФ[206].

Представляется, необходимо поддержать позицию Верховного Суда РФ и на поставленный вопрос ответить отрицательно, в связи с тем, что судебное производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних должно осуществляться с соблюдением всех гарантий их прав, что не согласуется с упрощенной процедурой судебного разбирательства.

5. Категоризация преступлений оказала влияние на предписания, касающиеся обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (п. 5 ч. 1 ст. 51; п. 6 ч. 1 и пп. 1-2 ч. 1^2 ст. 237 УПК РФ);

В судебном разбирательстве не допускается переквалификация общественно опасного деяния в негативную для подсудимого сторону. Отдельные обстоятельства, свидетельствующие об ухудшении положения подсудимого, сформулированы с использованием выражения «более тяжкое преступление» (п. 6 ч. 1; п. 1 ч. 1^2; п. 2 ч. 1^2 ст. 237 УПК РФ). Фактически, законодатель использует фразу «более тяжкое преступление» для того, чтобы сделать акцент на том, что: 1)

Суда РФ. 2011. № 4; О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2; О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

[206] Особый порядок принятия судебного решения не применяется в отношении несовершеннолетнего обвиняемого : Определение Верховного Суда РФ от 12.01.2011 № 12-О10-11 (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

содеянное следовало квалифицировать как преступление, относящееся к более общественно опасной категории преступлений; либо 2) содеянное соответствует преступлению, относящемуся к той же категории преступлений, но за него предусмотрено более строгое наказание.

6. Процедура выдвижения обвинения Президента РФ регламентируется с использованием категоризации преступлений (ч. 1 ст. 93 Конституции РФ; п. 5 ч. 1 ст. 3 и глава XV ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; п. 3 ч. 7 ст. 2 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»).

Согласно ч. 1 ст. 93 Конституции РФ при соблюдении необходимой процедуры Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности, а Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, лишен неприкосновенности на основании выдвинутого обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. Аналогичное положение присутствует в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (п. 5 ч. 1 ст. 3; ст. 72 и др.) [207]; ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (ст. 2) [208] и ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (ст. 3)[209]. Обратим внимание на то, что законодатель в перечисленных нормах использует формулировку «в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления».

Грамматическое толкование сформулированного словосочетания наводит на мысль о несовершенстве указанного выражения. Во-первых, создается впечатление, что такой состав преступления как государственная измена относится к категории тяжких преступлений. Однако это не соответствует действительности. Государственная измена (ст. 275 УК РФ) наказывается

---

[207] О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конст. закон от 21.07. 1994 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[208] О Верховном Суде Российской Федерации : федер. конст. закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

[209] О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи : федер. закон от 12.02.2001 № 12-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 617.

лишением свободы на срок от 12 до 20 лет, следовательно, соответствует категории особо тяжких преступлений. Во-вторых, в этом свете уместен вопрос, к примеру, почему Президент не может быть отрешен от должности на основании выдвинутого обвинения в совершении особо тяжкого преступления? Думается, что такие неточности не должны оставаться без внимания представительной ветви власти. Предлагается в соответствующих нормах взамен «в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления» использовать указание на две категории преступлений «в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления».

По итогам проведенного исследования обобщим выводы относительно значения категоризации преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве:

1. Анализ правовых предписаний, в которых представлено значение категоризации преступлений для уголовно-процессуального законодательства, позволил распределить их по группам в зависимости от содержания правового материала:

1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ч. 2 ст. 241^1 УПК РФ; ч. 3 ст. 6 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»);

2) альтернативы уголовному преследованию (п. 3 ч. 1 ст. 24; ст. 25; ч. 1 ст. 25^1; ч. 2^2 ст. 27; ч. 1 ст. 28 УПК РФ);

3) подследственность и подсудность (п. 2 ч. 3 и п. 1 ч. 4 ст. 30; ч. 1 ст. 31; ч. 3 ст. 32; п. 1-2 ч. 3 ст. 150; пп. «г» п. 1 ч. 2 ст. 151; ч. 3 ст. 152 УПК РФ);

4) меры пресечения (ч. 10 ст. 105^1; ч. 3 ст. 106; ч. 1 ст. 108; ч. 2-3 ст. 109 УПК РФ; п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении») и иные меры процессуального принуждения (ч. 5 ст. 114 УПК РФ);

5) производство следственных действий (ч. 1 ст. 186 УПК РФ);

6) особенности судебного разбирательства (ч. 2 ст. 229; ч. 4-5 ст. 247; ч. 1 ст. 314 УПК РФ);

7) обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (п. 5 ч. 1 ст. 51; п. 6 ч. 1 и пп. 1-2 ч. 12 ст. 237 УПК РФ);

8) особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (ч. 2 ст. 108; ч. 3 ст. 421; ч. 1 ст. 427; ч. 1 ст. 431; ст. 423 УПК РФ);

9) контрразведывательная и оперативно-розыскная деятельность, результаты которой могут быть использованы в уголовном судопроизводстве (ч. 12 ст. 9 ФЗ «О федеральной службе безопасности»; ст. 8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»);

10) процедура выдвижения обвинения Президенту РФ (п. 5 ч. 1 ст. 3 и гл. XV ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; п. 3 ч. 7 ст. 2 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»).

2. Значение категоризации преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве подразделяется на два вида в зависимости от ее роли: 1) уголовно-правовое значение категоризации преступлений в уголовно-процессуальных установлениях, содержание которых напрямую обусловлено отдельными нормами УК РФ. Призванная разъяснить применение конкретных уголовно-правовых положений категоризация преступлений не обретает самостоятельное уголовно-процессуальное значение и продолжает решать задачи уголовного законодательства; 2) собственно уголовно-процессуальное значение категоризации преступлений. Данное значение проявляется в тех случаях, когда категоризация преступлений непосредственно служит достижению назначения уголовного судопроизводства.

3. В работе констатируется, что категоризация преступлений проявляется в уголовно-процессуальных положениях не только путем указания на наименование конкретной категории преступлений, но и на формулу отнесения деяний к той или иной категории преступлений (например, преступления, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы (ч. 1 ст. 31 УПК РФ)) или на тяжесть преступления (ст. 32, 99, 152, 237, 338 УПК РФ и др.). Предлагается в уголовно-процессуальных установлениях

вместо указания на формулы отнесения деяний к той или иной категории преступлений (ч. 1 ст. 31; п. 5 ч. 1 ст. 51 УПК РФ и др.) использовать конкретные наименования категорий преступлений, что будет упрощать понимание того или иного нормативного положения, а также экономить текст уголовно-процессуального законодательства.

4. Рассмотрев законодательную практику отражения правовых последствий категоризации преступлений в отечественном законодательстве, автор обосновывает вывод о необходимости (там, где это уместно) объединять одни правовые последствия для преступлений небольшой и средней тяжести, и другие – для тяжких и особо тяжких преступлений. В частности, предлагается установить единый предельный срок запрета, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105^1 УПК РФ, для тяжких и особо тяжких преступлений (ч. 10 ст. 105^1 УПК РФ).

5. Проанализировав положения законодательства, регламентирующего процедуру выдвижения обвинения Президента РФ с использованием категоризации преступлений (ч. 1 ст. 93 Конституции РФ; п. 5 ч. 1 ст. 3 и глава XV ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; п. 3 ч. 7 ст. 2 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»), предлагается в соответствующих нормах вместо фразы «в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления» использовать указание на две категории преступлений «в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления».

§ 2. Значение категоризации преступлений для уголовно-исполнительного законодательства

С принятием в 1996 г. УИК РФ в юридической доктрине потеряли свою актуальность рассуждения о статусе уголовно-исполнительного права. Сегодня данной отрасли присущ ряд отличительных черт характерных для самостоятельной отрасли права: собственный предмет и метод правового регулирования, а также обособленная система юридических предписаний. При

этом уголовно-исполнительное право, зародившись в недрах уголовного права, сохранило с ним генетическую взаимозависимость.

Крепкая межотраслевая связь уголовного и уголовно-исполнительного права может быть примерно выражена в нескольких направлениях. Прежде всего, она раскрывается, по сути, в едином для данных отраслей социальном результате, заключающемся в формировании у правоисполнителей убежденности в недопустимости удовлетворения своих интересов криминальным путем. Индикатором достижения этого состояния у лица выступает его удержание от совершения преступления. На уровне уголовного права социально полезный результат связывается с решением задач, поставленных перед данной отраслью законодательства. В уголовно-исполнительном праве социальная результативность обеспечивается достижением заявленных на нормативном уровне целей. При этом задачи уголовного законодательства и цели уголовного наказания пересекаются с целями уголовно-исполнительного законодательства. Следующее направление можно обозначить как развитие уголовно-исполнительным законодательством положений уголовной отрасли. Классическим примером такой связи может служить регламентация в УИК РФ порядка и условий исполнения тех или иных наказаний, система которых представлена в уголовном законодательстве. Третье направление взаимодействия «родственных» отраслей права проявляется в смежности ряда их правовых институтов, понятийно-категориального аппарата и др. Ярким примером тому служит категоризация преступлений, которая выступая ключевым уголовно-правовым явлением, представляет также весомую ценность для уголовно-исполнительного права.

Категоризация преступлений на уровне основного кодифицированного источника участвует в решении следующих вопросов: определении вида исправительных учреждений (ч. 3–7 ст. 74 УИК РФ); изменении вида исправительного учреждения (п. «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ); установлении условий и порядка передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения (ч. 2 ст. 96 УИК РФ); определении возможности или

невозможности выездов осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений (чч. 3, 6 ст. 97 УИК РФ); регламентации отбывания наказаний в колониях-поселениях (п. «б» ч. 1; ч. 2 ст. 128 УИК РФ); установлении административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы (ч. 1–2 ст. 173^1 УИК РФ) и др. На категоризацию преступлений опираются также отдельные положения ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (п. 1 ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 3)[210], регламентирующие, в том числе отдельные уголовно-исполнительные правоотношения.

Значение категоризации преступлений в уголовно-исполнительном законодательстве представлено в двух направлениях в зависимости от обусловленности уголовно-исполнительных норм уголовно-правовыми. К первой группе относится уголовно-правовое значение категоризации преступлений в уголовно-исполнительных установлениях, содержание которых напрямую обусловлено корреспондирующими нормами УК РФ. Второе, собственно уголовно-исполнительное значение категоризации преступлений. Данное значение проявляется в тех случаях, когда категории преступлений непосредственно использованы в интересах уголовно-исполнительного законодательства и не имеют схожих уголовно-правовых норм.

Уголовно-правовое значение категоризации преступлений проявляется при регламентации вопроса о назначении вида исправительного учреждения и отбывания в нем осужденными лишения свободы. В настоящий момент ст. 74 УИК РФ, обусловленная содержанием ст. 58 УК РФ, регламентирует систему исправительных учреждений и определяет группы осужденных, которые содержатся в том или ином виде исправительного учреждения. Назначения вида исправительного учреждения и отбывания в нем осужденными лишения свободы находится на стыке уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Сказанное свидетельствует о том, что смежные отрасли друг с другом

[210] Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : федер. закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // СЗ РФ. 2011 г. № 15. Ст. 2037.

органически связаны, следовательно, их «родственные» установления должны быть в высокой степени согласованы. Вместе с тем анализ положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, определяющих осужденным к лишению свободы вид исправительного учреждения с учетом категоризации преступлений показывает, что между их нормами встречается коллизионность.

В ч. 3 ст. 74 УИК РФ, так же как и в уголовно-правовой норме при определении круга осужденных, которые отбывают лишение свободы в колониях-поселениях, используются, в том числе категории преступлений. Одной из категорий осужденных, отбывающих лишение свободы в данном пенитенциарном учреждении, выступают осужденные к лишению свободы за умышленные преступления небольшой и средней тяжести. При этом в п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ содержится еще одно условие для назначения осужденному отбывания лишения свободы в колониях-поселениях – осужденные, совершившие умышленные преступления названных категорий, ранее не должны были отбывать лишение свободы. Однако в анализируемой норме уголовно-исполнительного законодательства данное требование не указано. Тем самым уголовно-исполнительное законодательство расширило перечень осужденных, которые отбывают наказание в виде лишения свободы в колониях-поселениях.

Представляется интересным обратиться к судебной практике по данному вопросу. По приговору суда К. осуждён по п. «а» ч. 2 ст. 116 УК РФ к 1 году 10 месяцам лишения свободы. В соответствии со ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение по приговору от 31 мая 2011 г. и окончательно по совокупности приговоров на основании ст. 70 УК РФ назначено 3 года лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор изменила, исключила указание о признании рецидива преступлений отягчающим наказание обстоятельством. При таких обстоятельствах Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осуждённого, пришел к выводу, что вид исправительного учреждения К., осуждённому за совершение умышленного преступления небольшой тяжести, следует назначить в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ.

Учитывая личность К., который ранее отбывал лишение свободы, Президиум Верховного Суда РФ назначил отбывание наказания в исправительной колонии общего режима[211].

Таким образом, следует заметить, что вид исправительного учреждения при осуждении лица к лишению свободы избирается в рамках уголовно-правовых отношений и, следовательно, в соответствии с требованиями уголовного законодательства (ст. 58 УК РФ). В связи с этим при разрешении выявленной коллизии приоритет должен быть отдан уголовно-правовому установлению, а ч. 3 ст. 74 УИК РФ нуждается в дополнении словами «ранее не отбывавшим лишение свободы», следующими после упоминания об умышленных преступлениях небольшой и средней тяжести.

Статью 128 УИК РФ можно обозначить как уточняющую правовую норму, призванную детализировать информацию об осужденных отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях, а также об условиях отбывания лишения свободы в этом пенитенциарном учреждении. В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 128 УИК РФ в колониях-поселениях отбывают лишение свободы лица, впервые осужденные за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести. Если ч. 3 ст. 74 УИК РФ по сравнению с уголовным законодательством увеличила число осужденных, которые могут претендовать на содержание в колониях-поселениях, то комментируемая норма напротив уменьшила их количество. О чем свидетельствует словосочетание «впервые осужденный». Несовпадение данной формулировки с фразой «ранее не отбывавший лишение свободы» очевидно. К примеру, лицу, совершившему умышленное преступление средней тяжести и ранее осужденному к лишению свободы, но фактически не отбывавшему это наказание в исправительном учреждении по причине издания актов амнистии или помилования, в соответствии с уголовным законодательством назначается отбывание лишения свободы в колонии-поселении. Вместе с тем

---

[211] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвёртый квартал 2013 года : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04.06. 2014 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.05.2024).

согласно п. «б» ч. 1 ст. 128 УИК РФ такое лицо не может находиться в данном виде исправительного учреждения, поскольку не первый раз осуждено к лишению свободы. Пленум Верховного Суда РФ в пп. 11 и 12 Постановления от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»[212] подробно изложил вопрос о том, кто относится к ранее отбывавшим лишение свободы, а кто не может рассматриваться в таком качестве.

В пп. «а» – «г» ч. 1 ст. 128 УИК РФ перечислены все те же категории осужденных, что и в ч. 3 ст. 74 УИК РФ. Вместе с тем формулировки этих норм текстуально не совпадают. Например, законодатель разграничил осужденных, совершивших преступления по неосторожности, на ранее не отбывавших (п. «а» ч. 1 ст. 128 УИК РФ) и отбывавших лишение свободы (п. «в» ч. 1 ст. 128 УИК РФ). Скорее всего, такой прием юридической техники можно объяснить стремлением законодателя сэкономить нормативное пространство. Ведь в ч. 2 ст. 128 УИК РФ говорится, что «Лица, указанные в пунктах «а» и «б» части первой настоящей статьи, отбывают лишение свободы отдельно от лиц, указанных в пунктах «в» и «г» части первой настоящей статьи». Однако возникают закономерные вопросы. Во-первых, насколько оптимально законодатель распоряжается текстом УИК РФ, дублируя одни и те же положения из ч. 3 ст. 74 УИК РФ в ч. 1 ст. 128 УИК РФ? Во-вторых, оправдано ли нахождение в чч. 2 и 3 ст. 128 УИК РФ положений, фактически регламентирующих условия отбывания наказания, за рамками нормы, специально посвященной условиям отбывания лишения свободы в колониях-поселениях (ст. 129 УИК РФ)?

Анализ ч. 3 ст. 74, ст. 128 и ст. 129 УИК РФ позволил нам сделать вывод, что было бы более целесообразным отказаться от ч. 1 ст. 128 УИК РФ, а положения чч. 2 и 3 ст. 128 УИК РФ перенести в специальную норму, посвященную условиям содержания в колониях-поселениях (ст. 129 УИК РФ). Второе предложение действующей ч. 2 ст. 128 УИК РФ могло бы звучать

---

[212] О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 7.

примерно следующим образом: «Лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности и ранее не отбывавшие лишение свободы, а также лица, осужденные к лишению свободы за умышленные преступления небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшие лишение свободы отбывают лишение свободы отдельно от лиц, осужденных за преступления, совершенные по неосторожности и ранее отбывавших лишение свободы, а также положительно характеризующихся осужденных, переведенных из колоний общего и строгого режима».

В ч. 4 ст. 74 УИК РФ содержатся правила определения тех лиц, которые отбывают наказание в исправительных колониях общего режима. Буквальное толкование указанного положения наводит на мысль о том, что в рассматриваемом виде пенитенциарного учреждения содержатся все осужденные женщины, а также все осужденные мужчины, за исключением тех, что отбывают лишение свободы в исправительных колониях строгого режима, особого режима и тюрьмах. Такой вывод сложился из-за неточности нормативных формулировок. Во-первых, в законе не указан вид наказания, которое назначено виновному, а только говорится об осужденных мужчинах или осужденных женщинах. Следовательно, может сложиться впечатление, что в колониях общего режима осужденные отбывают наказание, например, в виде обязательных работ. Во-вторых, при перечислении осужденных, которые не должны отбывать наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях общего режима, не упоминается об осужденных мужчинах и женщинах, отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях. Соответсвенно, в исправительных колониях общего режима, в том числе содержатся те же категории осужденных, что и в колониях-поселениях. В связи с выявленными недочетами, на наш взгляд, оптимальным было бы сформировать группы осужденных в ч. 4 ст. 74 УИК РФ аналогично п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ, оперирующему двумя категориями преступлений – тяжкими и особо тяжкими, а также указывающему на любой вид рецидива.

В исправительных колониях строгого режима отбывают лишение свободы осужденные мужчины двух категорий. Первая категория согласно ч. 5 ст. 74 УИК РФ – это мужчины, впервые осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений. Законодатель так же, как и в п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ основывается на категории особо тяжких преступлений. Вместе с тем в уголовно-исполнительной норме идет речь о «впервые осужденных к лишению свободы», а в уголовном законодательстве о «ранее не отбывавших лишение свободы». О несовпадении содержания указанных формулировок говорилось выше при рассмотрении вопроса отбывания лишения свободы в колониях-поселениях. Думается, что в ч. 5 ст. 74 УИК РФ уместно исключить слово «впервые», а после фразы «за совершение особо тяжких преступлений» использовать словосочетание «если осужденный ранее не отбывал лишение свободы».

Формулировка ч. 5 ст. 74 УИК РФ, указывающая на вторую группу осужденных, которые отбывают лишение свободы в исправительной колонии строго режима, текстуально совпадает с соответствующим положением уголовного законодательства. Так, в данном исправительном учреждении отбывают лишение свободы осужденные мужчины при рецидиве преступлений и опасном рецидиве преступлений, если ранее они отбывали лишение свободы. Опосредованно категоризация присутствует и в приведенном установлении, поскольку опасный рецидив преступлений раскрывается в уголовном законодательстве через три категории преступлений – средней тяжести, тяжких и особо тяжких.

Согласно ч. 6 ст. 74 УИК РФ в исправительных колониях особого режима отбывают наказание три группы осужденных. Первая – осужденные мужчины при особо опасном рецидиве преступлений. Вторая – осужденные к пожизненному лишению свободы. Третья – осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы на определенный срок или пожизненным лишением свободы. Все эти группы в той или иной мере основываются на категориях преступлений. Так, особо опасный рецидив предполагает комбинации тяжкого преступления с тяжкими преступлениями либо

особо тяжкого преступления с тяжкими преступлениями или особо тяжким преступлением. Одним из условий назначения пожизненного лишения свободы является совершение преступлений, относящихся к особо тяжкой категории преступлений. Смертная казнь устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь. Отметим, что данные положения во многом совпадают с уголовным законодательством и не вызывают вопросов.

Часть 7 ст. 74 УИК РФ содержит указание на четыре категории осужденных, которые отбывают наказание в тюрьме. 1. Осужденные к лишению свободы на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжких преступлений. 2. Осужденные к лишению свободы за совершение определенных преступлений, которые в самом общем виде можно охарактеризовать как преступления террористической направленности. 3. Осужденные, которые отбывают наказание при особо опасном рецидиве преступлений. 4. Осужденные, являющиеся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, переведенные из исправительных колоний. Из перечисленного видно, что две из четырех групп осужденных сформированы, в числе прочего с помощью категорий преступлений. Имеется в виду – указание на особо тяжкую категорию преступлений и особо опасный рецидив преступлений.

В рассматриваемом установлении обращают на себя внимание несколько нюансов.

1. Говоря о категориях осужденных, которые отбывают наказание в тюрьме, законодатель не упомянул о половой принадлежности таких лиц, ограничившись только фразой «осужденные». В связи с этим И.А. Янчук делает вывод, что ч. 7 ст. 74 УИК РФ предполагает содержание женщин в тюрьме, либо, по крайней мере, данное положение не дает однозначного представления, могут ли они там содержаться или нет. Автор также поясняет, что «В предыдущих частях данной статьи имеется четкое указание на пол осужденного, а если такое указание отсутствует, то норма распространяется на оба пола»[213].

[213] См.: Янчук И.А. О совершенствовании статьи 74 уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2017. № 2 (38). С. 19.

Как известно положения уголовного законодательства, а также ч. 1 ст. 130 УИК РФ препятствуют назначать и соответственно отбывать осужденным женщинам наказание в виде лишения свободы в тюрьмах. Вместе с тем, анализируя рассматриваемое нормативное установление, складывается впечатление, что оно распространяется как на мужчин, так и на женщин. Считаем, что уголовно-исполнительное законодательство должно быть последовательным в своих выражениях. В связи с этим целесообразно в ч. 7 ст. 74 УИК РФ уточнить, что только осужденные мужчины отбывают наказание в тюрьмах.

2. В списке преступлений, которые влекут отбывание части срока лишения свободы в тюрьме, отсутствует упоминание о преступлениях, предусмотренных ст. 281^1 – ч. 1 ст. 281^3 УК РФ. Хотя в соответствии с ч. 2^1 ст. 58 УК РФ совершение данных деяний также влечет назначение отбывания лишения свободы в тюрьме. Такой разнобой в двух отраслях законодательства, вероятно, можно объяснить тем, что упомянутые нормы введены в уголовное законодательство относительно недавно[214]. К тому же перечень составов преступлений в ч. 2^1 ст. 58 УК РФ они пополнили после внесения изменений в УК РФ Федеральным законом от 28.04.2023 № 157-ФЗ[215]. Полагаем, что уголовно-исполнительное законодательство еще не успело отреагировать на коррективы, внесенные в уголовное законодательство. Однако планомерно проводимый нашим государством курс на укрепление обороноспособности и недопущение разрушения национальной экономики не может сочетаться с выявленными дефектами в законодательстве и требует соответствующих действий со стороны представительной ветви власти.

3. Часть 7 ст. 74 УИК РФ предполагает, что все перечисленные в ней категории осужденных при любых обстоятельствах должны содержаться в тюрьме. Такой вывод следует из используемой в данной норме фразы «в тюрьмах

---

[214] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2022 № 586-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. 1). Ст. 33.

[215] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 28.04.2023 № 157-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3234.

отбывают наказание…». Вместе с тем уголовное законодательство различает категории осужденных, которые могут отбывать и должны отбывать часть лишения свободы в тюрьме. Согласно ч. 2 ст. 58 УК РФ может быть назначено отбывание части наказания в тюрьме мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений на срок свыше пяти лет; мужчинам при особо опасном рецидиве преступлений; мужчинам совершившим преступления, предусмотренные ст. 205.2, ч. 2 ст. 205.4, ч. 1 ст. 206, ч. 1 ст. 211, ст. 220, ст. 221, ст. 360 УК РФ. Более того в Постановлении «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» Пленум Верховного Суда РФ поясняет, что суду необходимо мотивировать в приговоре решение о необходимости отбытия осужденным мужчиной определенного срока в тюрьме. Таким образом, мы снова сталкиваемся с несогласованностью уголовно-исполнительного законодательства с уголовным.

В целях устранения выявленных неточностей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, полагаем, необходимо ч. 7 ст. 74 УИК РФ разделить на две самостоятельные части. В одной из них аналогично ч. 2 ст. 58 УК РФ перечислить категории осужденных, которые по усмотрению суда направляются в тюрьму, а в другой так же как в ч. 2^1 ст. 58 УК РФ – категории осужденных, которые должны отбывать часть лишения свободы в тюрьме.

Характеризуя группы осужденных, которым отбывание наказания назначается или может быть назначено в тюрьме следует упомянуть о ст. 130 УИК РФ. Данная норма, призванная отразить подробности содержания осужденных мужчин в тюрьме, содержит ряд непримиримых противоречий, в том числе с вышерассмотренной ст. 74 УИК РФ. Во-первых, в соответствии с ч. 1 ст. 130 УИК РФ в данном пенитенциарном учреждении содержатся мужчины, осужденные к лишению свободы на срок свыше пяти лет. Законодатель предпочел не уточнять к какой категории должно относиться совершенное преступление. В связи с этим можно предположить, что в тюрьмах могут отбывать наказание мужчины, осужденные к лишению свободы на срок свыше пяти лет за преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Однако такое

заключение идет вразрез не только с уголовным (ч. 2 ст. 58 УК РФ) и уголовно-исполнительным (ч. 7 ст. 74 УИК РФ) законодательством, но и со здравым смыслом. Поскольку общеизвестно, что данный вид исправительного учреждения предназначен для отбывания лишения свободы осужденными, являющимися носителями самой высокой общественной опасности. Разумеется, рассматриваемое положение должно быть сформулировано с использованием особо тяжкой категории преступлений.

Во-вторых, в ч. 1 ст. 130 УИК РФ присутствует тот же недочет, что и в ч. 7 ст. 74 УИК при характеристике двух групп осужденных мужчин – тех, чье наказание превышает 5 лет, а также тех, что совершили преступления террористической направленности. А именно игнорируется разница между теми случаями, когда осужденный мужчина может содержаться в тюрьме и теми, кода он должен там содержаться.

В-третьих, остается только догадываться, почему в ч. 1 ст. 130 УИК РФ отсутствует такая категория как осужденные мужчины при особо опасном рецидиве преступлений. Хотя из ранее проанализированных нормативных установлений явно следует, что это одна из групп осужденных мужчин, которым отбывание лишения свободы может быть назначено в тюрьме.

В-четвертых, по справедливому замечанию И.А. Янчука есть сомнения относительно утверждения законодателя о том, что в тюрьмы переводятся осужденные из исправительных колоний общего, строгого и особого режимов за нарушение установленного порядка отбывания наказания[216]. Это можно объяснить тем, что ч. 7 ст. 74 УИК РФ ориентирует на то, что в тюрьмах отбывают лишение свободы осужденные, переведенные в это пенитенциарное учреждение только за злостное нарушение режима. Под злостным нарушением понимается повторное нарушение установленного порядка отбывания лишения свободы, а равно совершение хотя бы одного действия или бездействия, перечисленных в ч. 1 ст. 116 УИК РФ. В ч. 1 ст. 115 УИК РФ установлен

[216] См.: Янчук И.А. Указ. соч. С. 20.

исчерпывающий перечень мер взыскания для осужденных за нарушение установленного порядка отбывания лишения свободы. К ним относятся выговор; дисциплинарный штраф в установленных пределах; выдворение в штрафной изолятор на срок до 15 суток. Этот список не предусматривает такой меры взыскания как перевод совершеннолетних осужденных мужского пола из исправительной колонии в тюрьму. Из чего можно заключить, что данная мера уголовно-исполнительного воздействия возможна только за злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы.

Отмеченные уязвимые моменты в ч. 1 ст. 130 УИК РФ нуждаются, на наш взгляд, в законодательном корректировании. Более рациональным было бы отказаться от переноса одной и той же информации из ч. 7 ст. 74 УИК РФ в ч. 1 ст. 130 УИК РФ о лицах, которые содержатся или могут содержаться в тюрьме. Думается, что ч. 7 ст. 74 УИК РФ необходимо после слова «переведенные» дополнить «на срок до трех лет», а ч. 1 ст. 130 УИК РФ начать следующим образом: «Срок, назначенный по приговору суда для отбывания в тюрьме…». Считаем, излишним в ч. 1 ст. 130 УИК РФ упоминать о том, что в тюрьмах могут отбывать лишение свободы совершеннолетние лица мужского пола, оставленные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Данный случай является исключением из правила и подробно урегулирован самостоятельной нормой уголовно-исполнительного законодательства (ст. 77 УИК РФ)[217].

Другие случаи использования категоризации преступлений в УИК РФ отражают ее уголовно-исполнительное значение, поскольку категории преступлений фигурируют в нормах и институтах, характеризующихся уголовно-исполнительной природой и предназначенных для непосредственного достижения цели и решения задач, стоящих перед УИК РФ.

Исправление осужденного, как известно, является одной из целей применения уголовного наказания. Применение наказания охватывает не только

---

[217] См. подробнее: Мозина Е.В. Определение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения с учетом категоризации преступлений // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2025. № 1. Москва: Издательство Проспект, 2025. С. 59–68.

конкретный вид и размер наказания, но и соответствующие порядок и условия его исполнения. Изменение антисоциальных установок лица и формирование у него мотивации к законопослушному поведению могут происходить более действенно благодаря корректированию порядка и условий отбываемого осужденным наказания. Данной идее подчинена уголовно-исполнительная норма, посвященная изменению вида исправительного учреждения (ст. 78 УИК РФ). Изменение вида исправительного учреждения осуществляется как в сторону улучшения условий отбывания лишения свободы и правового положения осужденного, так и в противоположную сторону.

Общим основанием для принятия соответствующего решения выступает поведение осужденного в период отбывания лишения свободы. Например, в соответствии с п. «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ положительно характеризующиеся осужденные за совершение особо тяжких преступлений могут быть переведены по отбытии не менее половины срока наказания из исправительных колоний строгого режима в колонию-поселение. В данной норме также обозначены случаи, когда осужденные за особо тяжкие преступления могут претендовать на перевод из исправительной колонии строгого режима в колонию-поселение только по отбытии не менее двух третей срока наказания. К таким случаям относятся совершение особо тяжких преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также связанных с незаконным оборотом наркотических средств и их прекурсоров; с террористической деятельностью или организацией преступного сообщества (преступной организации) или участием в нем (в ней); с хищением, вымогательством и незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; с дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. В итоге получается перечень свыше 50 составов преступлений.

Однако до недавних изменений, произошедших в связи с принятием Федерального закона от 24.06.2023 № 285-ФЗ[218], п. «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ не выделялся по объему от других пунктов рассматриваемой части статьи. В предыдущей редакции УИК РФ содержалось единое требование для всех осужденных за совершение особо тяжких преступлений. Они могли претендовать на перевод в колонию-поселение из исправительных колоний строгого режима по отбытии не менее двух третей срока наказания. В пояснительной записке, еще на тот момент к законопроекту о внесении изменений в ст. 78 УИК РФ, авторы законодательной инициативы объясняли, что предлагаемое новшество будет способствовать тому, что осужденные за особо тяжкие преступления сперва смогут претендовать на изменение вида исправительного учреждения, а позднее у них будет возникать право на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания либо замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания[219].

В связи с приведенной нормотворческой позицией нельзя не отметить следующее.

1. Основанием условно-досрочного освобождения от отбывания наказания является заключение суда о том, что для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также полное или частичное возмещение им вреда, причиненного деянием, в размере, определенном решением суда. Первый компонент основания условно-досрочного освобождения проявляется в снижении степени общественной опасности лица. Достижение осужденным этого состояния делает нецелесообразным его нахождение в пенитенциарном учреждении до полного исправления. В тоже время вряд ли будет правильным говорить о том, что основанием изменения вида исправительного учреждения выступает утрата хотя бы части общественной

[218] О внесении изменения в статью 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 24.06.2023 № 285-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4693.

[219] См.: О внесении изменения в статью 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : паспорт проекта Федерального закона № 160039-8 // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/160039-8?ysclid=lwm2lg4pqj232990772 (дата обращения 25.05.2024).

опасности лица. Речь во втором случае идет только о наметившейся динамике в сторону исправления. В связи с этим рассматриваемые правовые институты не являются конкурирующими. К тому же перевод в колонию-поселение осужденного за особо тяжкое преступление по отбытии половины срока наказания еще не означает, что по отбытии двух третей наказания такое лицо будет условно-досрочно освобождено. Равно как и возможность условно-досрочного освобождения от наказания законодатель не связывает с предшествующим изменением исправительного учреждения.

2. Из анализа содержания пп. «в», «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ следует, что при совершении преступлений, связанных, например, с хищением, вымогательством и незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также с дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества условно-досрочное освобождение от наказания возможно после отбытия не менее двух третей лишения свободы. Согласно п. «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ по отбытии того же срока осужденным за перечисленные преступные посягательства можно изменить исправительную колонию строго режима на колонию-поселение. Как видим, если следовать логике авторов законопроекта, то нарушено поэтапное открытие возможностей сначала для смены исправительного учреждения, а затем для условно-досрочного освобождения.

Нельзя также упустить из виду непоследовательность содержания п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ и п. 4 ч. 2 ст. 80 УК РФ. Даже при беглом анализе ст. 79 и ст. 80 УК РФ можно заметить, что законодатель стремится придерживаться единообразия в минимальных сроках фактического отбытия лишения свободы, категориях и видах преступлений. При этом в п. 4 ч. 2 ст. 80 УК РФ упоминается только о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних и ст. 210 УК РФ. В то время как в п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ перечисляется еще целый ряд составов преступлений. В связи с этим примеров с одновременным возникновением возможностей для изменения вида исправительного учреждения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания будет еще больше, чем при условно-досрочном освобождении от наказания.

В связи со сказанным, можно заметить, что реализованная законодателем инициатива по размежеванию сроков отбытия лишения свободы для изменения вида исправительного учреждения и условно-досрочного освобождения от наказания, а также замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания привела к непоследовательности положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. В результате этого преследуемая представительным органом власти цель, заключающаяся в более успешной подготовке осужденных за совершение особо тяжких преступлений к возвращению в социум после освобождения из пенитенциарных учреждений, оказалась недостижима.

Более того в упомянутой ранее пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» инициаторами изменений не приведена какая-либо информация, обосновывающая необходимость и допустимость сокращения в п. «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ срока фактически отбытого наказания (с двух третей до половины) осужденными за преступления, соответствующие самому высокому уровню общественной опасности. Думается, было бы более правильным вернуться к предыдущей редакции нормы, регламентирующей изменение исправительных колоний строгого режима на колонию-поселение, и предусмотреть для осужденных, отбывающих лишение свободы за особо тяжкие преступления унифицированный срок для смены исправительного учреждения – по отбытии не менее двух третей срока наказания.

Законодатель, попытавшись устранить проанализированный «недочет», обошел вниманием действительные несовершенства, присутствующие в ч. 2 ст. 78 УИК РФ. Как видно из анализируемого нормативного установления перевод осужденных, совершивших особо тяжкие преступления из одного пенитенциарного учреждения в другое, как в прочем и перевод всех остальных осужденных к лишению свободы, возможен, если осужденные характеризуются положительно. Высший судебный орган страны в целях единообразного понимания правоприменителями фразы «положительно характеризующийся

осужденный» сделал попытку перечислить в Постановлении Пленума «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»[220] наиболее общие и распространенные черты, которые могли бы характеризовать такое лицо. Сформулированный Пленумом Верховного Суда РФ список положительных черт осужденного заканчивается упоминанием о переводе такого лица на облегченные условия содержания. Несмотря на то, что нахождение осужденного на облегченных условиях содержания замыкает этот перечень, такая характеристика личности осужденного принципиально важна. Сказанное подтверждается, в том числе на законодательном уровне. Так, в п. «в» ч. 2 ст. 78 УИК РФ условие в виде отбытия осужденным определенного срока наказания, позволяющее претендовать ему на изменение вида пенитенциарного учреждения, дополняется как раз необходимостью нахождения такого лица на облегченных условиях.

На этом этапе возникает следующий вопрос. Почему при переводе из исправительных колоний общего режима в колонию-поселение нахождение осужденного на облегченных условиях законодательно важно, а при переводе из исправительных колоний строгого режима в колонию-поселение эта характеристика утрачивает свою юридическую ценность? Тот же вопрос относится и к переводу осужденного из исправительной колонии особого режима в исправительную колонию строгого режима; и при переводе из тюрьмы в исправительную колонию, только с учетом того нюанса, что в тюрьме режимы отбывания наказания ограничиваются только двумя видами (общий и строгий).

В теории уголовного права существуют два диаметрально противоположных подхода к решению обнаруженной проблемы. Например, Н.А. Тюфяков считает, что зависимость изменения вида исправительного учреждения от дополнительного требования приводит к чрезмерной дифференциации осужденных, а также не соответствует принципам справедливости и равенства

---

[220] О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 7.

перед законом. В связи с этим при переводе из исправительной колонии общего режима в колонию-поселение, по мнению автора, необходимо отказаться от требования о нахождении осужденного на облегченных условиях отбывания наказания[221].

Наиболее предпочтителен такой выход из сложившейся ситуации и для О.А. Алфимовой, которая предлагает из п. «в» ч. 2 ст. 78 УИК РФ исключить формулировку «осужденными, находящимися в облегченных условиях содержания»[222].

С.Л. Бабаян подчеркивает, что расхождение критериев перевода из исправительных колоний общего, строго и особого режимов противоречит принципам последовательности применения мер поощрения. Автор, основываясь на результатах проведенного им опроса среди сотрудников исправительных колоний, пришел к выводу о необходимости изменять исправительную колонию особого режима и исправительную колонию строгого режима на другой вид исправительного учреждения только, если осужденные отбывают там лишение свободы в облегченных условиях[223].

Считаем, что позицию С.Л. Бабаяна в этой части следует поддержать. Вместе с тем устранение непоследовательности уголовно-исполнительного законодательства при регламентации изменения вида исправительного учреждения должно происходить также путем ввода дополнительного условия в положения, регулирующие перевод осужденного из тюрьмы в исправительную колонию. Таким образом, в пп. «б» и «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ дополнительным критерием должно выступать указание на облегченные условия содержания, а в п. «а» ч. 2 ст. 78 УИК РФ – указание на обычные условия содержания. Из пп. «а» и

---

[221] Тюфяков Н.А. Изменение вида исправительного учреждения для осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... кандид. юрид. наук. Омск, 2018. С. 10.

[222] Алфимова О.А. Вопросы совершенствования правовой регламентации, связанные с изменением вида исправительного учреждения и изменением осужденному условий содержания // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 12.

[223] Бабаян С.Л. Совершенствование правового регулирования поощрительных институтов изменения условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2. С. 48–49.

«б» ч. 2 ст. 78 УИК РФ необходимо исключить соответственно слова «в тюрьме» и «в исправительной колонии особого режима», поскольку это является излишней уточняющей информацией о виде исправительного учреждения.

Думается, что указание в соответствующих нормах на облегченные условия содержания, а для осужденных, находящихся в тюрьме – на обычные условия содержания будет выступать в роли некого «фильтра», допускающего или недопускающего осужденных к процедуре перевода из одного исправительного учреждения в другое. Так, если осужденный находится в облегченных условиях содержания (либо в обычных условиях содержания в тюрьме), то это значит, что ранее администрация исправительного учреждения уже констатировала соблюдение ряда обязательных требований, которые демонстрируют, что осужденный встал на путь исправления.

В арсенале уголовно-исполнительного законодательства имеется ряд нормативных установлений, которые преследуя определенные цели, допускают послабления в изоляции осужденных к лишению свободы. В качестве примеров таких норм можно назвать передвижение осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения (ст. 96 УИК РФ), а также выезды осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений (ст. 97 УИК РФ). Обе эти нормы напрямую или опосредованно опираются на категоризацию преступлений.

Положительно характеризующимся осужденным, отбывающим лишение свободы не менее шести месяцев, может быть разрешено передвижение без конвоя или сопровождения за пределами пенитенциарного учреждения, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы. В ч. 2 ст. 96 УИК РФ указаны категории осужденных к лишению свободы, в отношении которых не допускается реализация положений об их передвижении без конвоя или сопровождения. В перечне этих исключений, в том числе встречаются осужденные, совершившие особо тяжкие преступления; осужденные при особо опасном рецидиве преступлений; осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы и осужденные к пожизненному

лишению свободы. Изъятие данных лиц из числа тех осужденных, которые могут претендовать на бесконвойное передвижение, вероятно, можно объяснить стремлением государства не допустить наступление негативных последствий, могущих возникнуть при расконвоировании осужденных, выступающих носителями чрезвычайно высокой общественной опасности, а также обеспечить состояние спокойствия среди населения. Ведь особо тяжкие преступления соответствуют наивысшему уровню общественной опасности преступных посягательств; особо опасный рецидив предполагает комбинации тяжкого с тяжкими преступлениями либо особо тяжкого с тяжкими преступлениями или особо тяжким преступлением; смертная казнь устанавливается за особо тяжкие преступления против жизни; одним из условий назначения пожизненного лишения свободы является совершение преступлений, относящихся к особо тяжкой категории.

В специальной литературе Н.В. Черёминым и А.В. Забродиным высказано мнение о нецелесообразности предоставления права на передвижение без конвоя осужденным за тяжкие преступления. Поскольку уровень общественной опасности данных лиц, по словам авторов, тесно сравним с уровнем общественной опасности осужденных за особо тяжкие преступления[224].

Согласно данным официальной отчетности ФСИН РФ среднесписочная численность осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя в 2022 г. равнялась 647; в 2021 г. – 665; в 2020 г. – 360; в 2019 г. – 1183; в 2018 г. – 557. При этом лишены данного права за нарушение установленного порядка отбывания наказания в 2022 г. – 47 осужденных; в 2021 г. – 26 осужденных; в 2020 г. – 19 осужденных; в 2019 г. – 55 осужденных; в 2018 г. – 22 осужденных[225]. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что нарушения установленного порядка отбывания лишения свободы среди расконвоированных

[224] Черёмин Н.В., Забродин А.В. Организационно-правовые вопросы предоставления осуждённым к лишению свободы права передвижения без конвоя или сопровождения // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 86–87.

[225] См.: Саламова С.Я. Сравнительный анализ преступлений, совершаемых осужденными, пользующимися правом бесконвойного передвижения, и преступлений, совершаемых иными осужденными к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 18 (3). С. 329.

осужденных далеко не являются исключительными случаями. К сожалению, приведенные данные не отображают подробности относительно того каким категориям преступлений соответствуют деяния осужденных нарушителей. При этом имеющаяся статистика может свидетельствовать о двух обстоятельствах:

Первое, процедура отбора лиц, которым предоставлено право на передвижение без конвоя или сопровождения недостаточно тщательна. Однако это предположение не соответствует действительности. Все претенденты на передвижение без конвоя или сопровождения проходят комиссионную проверку. Комиссия состоит из начальника отряда, психолога, представителя отдела режима (безопасности). Утверждает каждую кандидатуру на бесконвойное передвижение лично начальник исправительного учреждения, предварительно согласовав кандидатуру в территориальном органе ФСИН России[226].

Второе, в законодательстве излишне расширен круг лиц, которым может быть предоставлено право на бесконвойное передвижение. Неоднократные случаи правонарушений среди расконвоированных осужденных, подтвержденные ведомственной статистикой, наталкивают на мысль об обоснованности установления запрета на передвижение без конвоя или сопровождения осужденных за тяжкие преступления. Известно, что у таких лиц высокий уровень нравственной запущенности и соответственно большая склонность по сравнению с другими осужденными, обладающими таким правом, к удовлетворению своих потребностей неправомерным путем. В связи с этим было бы уместным поддержать позицию авторов предлагающих исключить передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения осужденных за тяжкие преступления и внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 96 УИК РФ.

Для осужденных к лишению свободы, которым могут быть разрешены выезды за пределы исправительных учреждений, предусмотрены похожие ограничения, что и в ч. 2 ст. 96 УИК РФ. Так, в ч. 3 ст. 97 УИК РФ встречается

---

[226] Черемин Н.В. Условия, способствующие совершению правонарушений осужденными, которым предоставлено право передвижения без конвоя // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XXI Всерос. науч.-практ. конф. Новокузнецк, 20-21 окт. 2021 г.: Кузбасский институт ФСИН России, 2021. С. 283.

запрет на выезд, в том числе осужденным при особо опасном рецидиве преступлений; осужденным, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы и осужденным к пожизненному лишению свободы. Вместе с тем в данной норме отсутствует указание на осужденных, совершивших особо тяжкие преступления.

И.Н. Пяткевич выступил с предложением установить выезды за пределы исправительных учреждений только для осужденных, совершивших преступления небольшой тяжести и преступления средней тяжести[227]. Высказанное автором предложение, на наш взгляд, следует поддержать. Полагаем, что нахождение осужденных, отбывающих лишение свободы за деяния, относящиеся к наиболее общественно опасным категориям преступлений, за пределами исправительных учреждений подрывает состояние безопасности в обществе, особенно потерпевших от конкретных преступлений.

Нельзя не отметить, что Федеральным законом от 26.07.2017 № 200-ФЗ[228] в ч. 3 ст. 97 УИК РФ введен дополнительный перечень изъятий из круга осужденных мужчин и женщин, которым не предоставляются дополнительные выезды за пределы исправительного учреждения для поддержания семейных связей с детьми и обеспечения надлежащей заботы о них. В этом перечне в числе прочего содержится ряд преступлений, соответствующих всем четырем категориям преступлений и связанных с осуществлением террористической деятельности, а также с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров; растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры; частей растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и др. Обращает на себя внимание наличие в данном списке составов преступлений, соответствующих категории преступлений небольшой

---

[227] См.: Пяткевич И.Н. Выезды осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений : Правовые и орг. вопр. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 25 с.

[228] О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав детей, родители которых отбывают наказание в виде лишения свободы : федер. закон от 26.07.2017 № 200-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4749.

тяжести. Например, при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228.3 УК РФ (которое наказуемо в частности лишением свободы до 2 лет) осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний, запрещается выезжать за пределы исправительного учреждения в целях устройства детей у родственников либо в детском доме. Подобное ограничение контактов осужденных со своими детьми вряд ли в полной мере отвечает принципам гуманизма и стимулирования правопослушного поведения лиц, отбывающих лишение свободы. К тому же Европейские пенитенциарные правила ориентируют на то, что отпуска заключенных играют весомую роль в укреплении связей с семьей и облегчении социальной реинтеграции таких лиц. В числе прочего они способствуют созданию атмосферы гуманности в местах лишения свободы и должны как можно активнее применяться в исправительных учреждениях как открытого, так и закрытого типа[229]. К тому же есть вероятность, что родительские чувства способны притупить криминальные моменты в личности осужденного и эффективнее запустить процесс исправления. В связи с этим, обоснован вопрос об ограничении выездов за пределы пенитенциарного учреждения в ч. 3 ст. 97 УИК РФ только тем лицам, которые осуждены за деяния, относящиеся к наиболее общественно опасным категориям преступлений.

Стремление государства к повышению эффективности предупреждения преступлений среди лиц, имеющих криминальный опыт, привело к возрождению в современном законодательстве механизма воздействия на них. Федеральным законом от 06.04.2011 № 66-ФЗ[230] в уголовно-исполнительное законодательство введена ст. 173^1 УИК РФ, регламентирующая установление административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы.

---

[229] Европейские Пенитенциарные правила от 12.02.1987 // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/901732870?ysclid=lvnt8kr0rc22671855&section=text (дата обращения: 01.05.2024).

[230] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» : федер. закон от 06.04.2011 г. № 66-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2039.

Одновременно с этой новеллой принят Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»[231].

Законодатель, опираясь на категоризацию преступлений, сформулировал круг лиц, в отношении которых организуется такой постпенитенциарный надзор. Согласно ч. 2 ст. 173^1 УИК РФ административный надзор по общему правилу устанавливается, в частности в отношении совершеннолетнего осужденного, освобождаемого из мест лишения свободы и отбывавшего наказание за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления при любом виде рецидиве преступления. При этом данный правовой институт применяется не ко всем освобождаемым осужденным названных категорий, а только к тем, которые признавались злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. По всей видимости, такое законодательное решение обусловлено тем, что отбытие наказания за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо при рецидиве преступления, сопряженное с отрицательным посткриминальным поведением в местах лишения свободы дает основание опасаться возобновления противозаконной деятельности этих лиц. Установление постпенитенциарного надзора в данном случае выглядит вполне обоснованным.

В ч. 1 ст. 173^1 УИК РФ предусмотрены специальные случаи установления административного надзора, которые не зависят от наличия основания (злостное нарушение осужденным установленного порядка отбывания лишения свободы). Так, административный надзор устанавливается независимо от признания освобождаемого совершеннолетнего лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, если оно отбывало наказание, в том числе за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений; тяжкого или особо тяжкого преступления, перечень которых предусмотрен в соответствующей норме.

---

[231] Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : федер. закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // СЗ РФ. 2011 г. № 15. Ст. 2037.

Аналогичные категории осужденных, в отношении которых обязателен административный надзор, несмотря на поведение в период отбывания наказания перечислены и в ч. 2 ст. 3 ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». При этом в данной норме в отличие от ч. 1 ст. 173^1 УИК РФ говорится не только о лицах, освобождаемых из мест лишения свободы, но и об освобожденных. Полагаем, что упоминание об освобожденных осужденных выглядит сомнительным, т. к. в ч. 3 ст. 173^1 УИК РФ предусмотрена обязанность администрации исправительного учреждения при наличии к тому оснований подать в суд заявление об установлении административного надзора не позднее, чем за два месяца до истечения определенного приговором суда срока отбывания осужденным наказания. Из этого следует, что в отношении перечисленных в ч. 2 ст. 3 ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» категорий освобождаемых осужденных всегда планомерно следует установление административного надзора. В связи с этим уместно в данном законодательном положении исключить упоминание об освобожденных осужденных.

Подводя итог изложенному в части значения категоризации преступлений для уголовно-исполнительного законодательства, сформулируем несколько выводов.

1. В зависимости от содержания уголовно-исполнительные положения, обусловленные категоризацией преступлений, можно подразделить на положения, которые способствуют: дифференциации и индивидуализации исполнения лишения свободы (ч. 3–7 ст. 74, п. «г» ч. 2 ст. 78, ч. 2 ст. 96, ч. 6 ст. 97, п. «б» ч. 1, ч. 2 ст. 128 УИК РФ); дифференциации условий содержания осужденных в колониях-поселениях (ч. 2 ст. 128 УИК РФ); недопущению отрицательного воздействия разных категорий осужденных друг на друга (ч. 3–7 ст. 74 УИК РФ); стимулированию правопослушного поведения (п. «г» ч. 2 ст. 78, ч. 2 ст. 96, ч. 6 ст. 97 УИК РФ); обеспечению пенитенциарной безопасности (ч. 3–7 ст. 74, п. «б» ч. 1, ч. 2 ст. 128 УИК РФ); обеспечению нормальной

хозяйственной деятельности исправительного учреждения (ч. 2 ст. 96 УИК РФ); предупреждению совершения освобождаемыми и освобожденными осужденными преступлений и правонарушений (ч. 1–2 ст. 173^1 УИК РФ, ч. 2 ст. 3 ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»).

2. Значение категоризации преступлений в уголовно-исполнительном законодательстве подразделяется на два вида: 1) собственно уголовно-исполнительное значение категоризации преступлений (п. «г» ч. 2 ст. 78, ч. 2 ст. 96, ч. 6 ст. 97; ч. 1–2 ст. 1731 УИК РФ; п. 1 ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 3 ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и др.); 2) уголовно-правовое значение категоризации преступлений в уголовно-исполнительных положениях, содержание которых обусловлено корреспондирующими нормами уголовного законодательства (ч. 3–7 ст. 74; п. «б» ч. 1 ст. 128 УИК РФ и др.).

3. В результате анализа норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующего определение осужденным к лишению свободы вид исправительного учреждения с учетом категоризации преступлений, обращено внимание на ряд противоречий между данными отраслями (ч. 3 ст. 74, п. «б» ч. 1 ст. 128 УИК РФ и п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ; ч. 4 ст. 74 УИК РФ и п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ; ч. 7 ст. 74, ч. 1 ст. 130 УИК РФ и чч. 2-21 ст. 58 УК РФ и др.). Обосновывается вывод, что положения уголовно-исполнительного законодательства о категоризации преступлений не должны противоречить соответствующим уголовно-правовым установлениям. В работе высказаны конкретные предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства в этом направлении.

4. В диссертации критически оцениваются законодательные изменения, в результате которых был раздвоен срок фактического отбытия лишения свободы за особо тяжкие преступления, учет которого необходим для изменения исправительной колонии строгого режима на колонию-поселение (п. «г» ч. 2 ст.

78 УИК РФ)[232]. Обосновывается вывод о необходимости установления унифицированного срока (по отбытии не менее двух третей срока наказания) для изменения исправительного учреждения всем осужденным за особо тяжкие преступления.

5. Выявлена законодательная непоследовательность в изложении критериев перевода из исправительных колоний общего, строго и особого режимов (ст. 78 УИК РФ). На основе анализа содержания действующего уголовно-исполнительного законодательства, разъяснительной практики Верховного Суда РФ и имеющихся научных разработок по данному вопросу, предлагается предусмотреть возможность изменения исправительной колонии особого режима (п. «б» ч. 2 ст. 78 УИК РФ) и исправительной колонии строгого режима (п. «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ) на другой вид исправительного учреждения, если осужденные отбывают там лишение свободы в облегченных условиях.

6. Несмотря на то, что приоритетной целью нормы, регламентирующей передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения, является обеспечение нормальной хозяйственной деятельности исправительного учреждения, в то же время ее можно рассматривать как поощрительную. Между тем официальная статистика ФСИН свидетельствует о том, что осужденные, пользующиеся предусмотренными ст. 96 УИК РФ послаблениями в изоляции, нередко совершают правонарушения. В целях повышения гарантий, исключающих возможность передвижения без конвоя или сопровождения, осужденных, не достигших необходимой степени исправления, предлагается в ч. 2 ст. 96 УИК РФ предусмотреть запрет на расконвоирование, в том числе для осужденных за тяжкие преступления.

7. В перечне преступлений, совершение которых делает невозможным выезд осужденных к лишению свободы за пределы исправительного учреждения по основаниям, связанным с поддержанием семейных связей с детьми и обеспечением надлежащей заботы о них (ч. 3 ст. 97 УИК РФ), присутствуют

---

[232] О внесении изменения в статью 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 24.06.2023 № 285-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4693.

деяния, соответствующие всем четырем категориям преступлений. Обосновывается предложение об ограничении выездов за пределы пенитенциарного учреждения в ч. 3 ст. 97 УИК РФ только тем лицам, которые осуждены за тяжкие и особо тяжкие преступления.

§ 3. Значение категоризации преступлений для иных отраслей законодательства

Известно, что категоризация преступлений предназначена дифференцировать правовые последствия для лиц совершивших деяния, относящиеся к одной из четырех категорий преступлений. При этом значение категоризации преступлений не ограничивается только пределами уголовного законодательства и «родственных» ему отраслей (уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство). Она выполняет также часть своей функции при конструировании положений и норм отраслей законодательства, непосредственно не связанных с противодействием преступности.

В результате проведенного анализа отраслевых законоположений, сформулированных с использованием категорий преступлений, выявлено, что категоризация преступлений в них преследует обычно одну из двух целей:

1) Регламентирует правоограничения осужденных или лиц, подвергающихся либо подвергавшихся уголовному преследованию.

В зависимости от отраслевой принадлежности таких правоограничений выделяются правоограничения в конституционном (ч. 2 ст. 20, ч. 1 ст. 93 Конституции РФ), избирательном (подп. «а^1», «а^2» п. 3^2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; пп. 1^1, 1^2 ч. 5^2 ст. 3 ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»; пп. 2, 3 ч. 8 ст. 4 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»), трудовом (абз. 4 ч. 2, ч. 3 ст. 331 ТК РФ; ч. 3 ст. 351^1 ТК РФ), семейном (подп. 10–11 п. 1 ст. 127 СК РФ; абз. 4 п. 1 ст. 146 СК РФ), предпринимательском (абз. 2–3

п. 4 ст. 22^1 и абз. 1–2 п. 5 ст. 22^2 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей») и др.

В зависимости от сферы реализации правоограничения могут быть в политических правах (пп. 2, 3 ч. 8 ст. 4 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и др.); экономических правах, обеспечивающих свободу предпринимательской (абз. 1–2 п. 5 ст. 22^2 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и др.) и трудовой деятельности (ч. 3 ст. 351^1 ТК РФ и др.); социальных правах, касающихся защиты и благополучия детей (абз. 4 п. 1 ст. 146 СК РФ и др.) и др.

В зависимости от временной продолжительности правоограничения делятся на бессрочные (безусловные), например, в подп. 11 п. 1 ст. 127 СК РФ; п. 3^1 ч. 20 ст. 13 ФЗ «Об оружии» и др., и лимитированные по времени (условные), например, в ч. 3 ст. 331 ТК РФ. Последние в свою очередь подразделяются на правоограничения, действующие в пределах срока судимости (п. 1 ч. 1 ст. 328^1 ТК РФ и др.) и правоограничения, которые продолжают действовать определенный промежуток времени и после аннулирования судимости (подп. «$а^1$», «$а^2$» п. 3^2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и др.).

2) Регламентирует полномочия представителей органов государственной власти в отношении подозреваемых, обвиняемых или осужденных (п. «г» ч. 1 ст. 14^3 ФЗ «О федеральной службе безопасности»; п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции»; п. 4 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»; п. 3 ч. 1 ст. 16 ФЗ «О ведомственной охране» и др.).

Перейдем сначала к рассмотрению отдельных положений-правоограничений, использующих категории преступлений:

1. До изменений, внесенных в 2014 г.[233] в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской

[233] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 21.02.2014 № 19-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 739.

Федерации»[234], в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления, действовал нелимитированный по времени запрет на реализацию пассивного избирательного права. Конституционный Суд РФ, рассмотрев дело о проверке конституционности данного законоположения, пришел к выводу, что утрата навсегда гражданином, осужденным к лишению свободы за тяжкие или особо тяжкие преступления, пассивного избирательного права способна подорвать демократическую действенность законодательной власти[235].

В целях восстановления конституционного баланса публичных и частных интересов федеральный законодатель ввел нововведения в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В действующей редакции данного закона последствия для лица, претендующего на замещение выборной публичной должности и осужденного к лишению свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление, дифференцированы в зависимости от конкретных категорий преступлений и от того снята или погашена судимость либо нет.

В соответствии с подп. «а» – «$а^2$» п. 3^2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не имеют право быть избранными: осужденные к лишению свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, если они имеют неснятую и непогашенную судимость; осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения 10 лет со дня снятия или погашения судимости; осужденные к лишению свободы за

---

[234] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

[235] См.: По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова : Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст.5622.

совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения 15 лет со дня снятия или погашения судимости.

В п. 3^4 и 3^5 ст. 4 указанного закона содержится два правила, которые значимы для правопименительной деятельности. Во-первых, если деяние, совершенное осужденным, в соответствии с новым уголовным законом не признается тяжким или особо тяжким преступлением, то действие вышерассмотренных ограничений пассивного избирательного права прекращается со дня вступления в силу этого уголовного закона. Во-вторых, если тяжкое преступление, совершенное осужденным, в новом уголовном законе относится к категории особо тяжких преступлений или если особо тяжкое преступление, совершенное осужденным, в новом уголовном законе относится к категории тяжких преступлений, то ограничения пассивного избирательного права действуют до истечения 10 лет со дня снятия или погашения судимости.

Аналогичные ограничения избирательных прав предусмотрены для кандидатов в Президенты РФ и депутаты Государственной Думы РФ соответственно в пп. 1, 1^1, 1^2 ч. 5^2 ст. 3 ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»[236] и в пп. 1, 2, 3 ч. 8 ст. 4 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»[237]. Указанные положения по своему смысловому содержанию совпадают с установлениями закона, регламентирующего вопросы выборов в органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также референдум.

Проанализировав изложенные ограничения права граждан на участие в управлении делами государства, можно заключить следующее. На сегодняшний день осужденные за тяжкие или особо тяжкие преступления, претендующие на занятие выборной публичной должности, в том числе планирующие избираться Президентом РФ и депутатом Государственной Думы РФ, не лишены на пожизненный срок своего пассивного избирательного права. Вместе с тем данное

[236] О выборах Президента Российской Федерации : федер. закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.
[237] О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

право ограничено для них совокупностью трех периодов: отбытия наказания, погашения или снятия судимости, истечения определенного срока после аннулирования судимости.

Следует отметить, что в специальной литературе высказаны критические замечания по поводу таких продолжительных ограничений политических прав. Н.Г. Осадчая и Ю.И. Блохин отмечают, что сроки судимости за тяжкие и особо тяжкие преступления длительны сами по себе и их вполне достаточно для подвергания осужденного карательному воздействию последствий наказания. Сроки ограничения пассивного избирательного права, берущие отсчет со дня аннулирования судимости, по мнению авторов, являются необоснованными и противоречащими как Конституции РФ, так и уголовному законодательству[238].

В том же русле высказываются А.А. Кондрашев и Н.А. Сидорова, подчеркивая, что избирательные правоограничения на такой длительный срок свидетельствуют о «двойной» ответственности за одно и то же преступное посягательство. Ведь гражданин уже отбыл наказание, назначенное по приговору суда, и получает еще «поражение» в конституционном праве[239].

Знаменательно, что в Особом мнении к Определению Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 797-О-О судья А.Л. Кононов подчеркнул, что ст. 32 Конституции РФ предусматривает исчерпывающий перечень случаев, когда избирательные права не могут быть реализованы гражданами: если они признаны недееспособными либо содержатся в местах лишения свободы. Так же судья поясняет, что ограничения в избирательных правах не связываются с упречностью гражданского статуса осужденного, а обусловлены режимом отбывания лишения свободы[240].

---

[238] См.: Осадчая Н.Г., Блохин Ю.И. Правовое состояние судимости в России: временная мера или пожизненное клеймо? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 108–113.

[239] См.: Кондрашев А.А., Сидорова Н.А. Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права на выборах в России // Правоприменение. 2022. № 4. С. 59–74.

[240] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О // СЗ РФ. 2007. № 52. Ст. 6533.

Представленные мнения авторов, а также судьи Конституционного Суда РФ, на наш взгляд, заслуживают в известной мере поддержки. Во-первых, предусмотренный в избирательном законодательстве срок ограничения пассивного избирательного права для осужденных к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления, настолько продолжителен по времени, что, по сути, гарантированное Конституцией РФ право участвовать в управлении делами государства теряет свое реальное содержание.

Во-вторых, подп. 2^1 ст. 33 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предписывает баллотирующимся кандидатам представлять сведения о своей судимости, а если судимость снята или погашена, то также сведения о дате снятия или погашения судимости. В связи с этим такой криминальный след в биографии граждан, претендующих на выборную должность, не останется незамеченным для электората, который являясь единственным источником власти, сам должен решить – оправдано ли допускать к управлению делами государства гражданина с такой небезупречной репутацией?

Опираясь на высказанные соображения, считаем, целесообразным исключить подп. «$а^1$», «$а^2$» из п. 3^2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пп. 1^1, 1^2 из ч. 5^2 ст. 3 ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» и пп. 2, 3 из ч. 8 ст. 4 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а при решении вопроса о допуске гражданина к осуществлению пассивного избирательного права руководствоваться общим правилом, что осужденные к лишению свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, не могут быть избраны, если имеют на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные категории преступлений.

2. С 1 марта 2023 вступил в силу Федеральный закон от 11.06.2022 № 155-ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации»[241]. Данная новелла ввела определенные ограничения для граждан РФ, а также граждан иностранных государств–членов ЕАЭС на занятие трудовой деятельностью, непосредственно связанной с управлением легковыми такси, автобусами, трамваями, троллейбусами и подвижным составом внеуличного транспорта при осуществлении перевозок пассажиров и багажа.

Так, в п. 1 ч. 1 ст. 328^1 ТК РФ предусмотрен запрет на управление легковыми такси при осуществлении перевозок пассажиров и багажа, если граждане имеют неснятую или непогашенную судимость либо подвергаются уголовному преследованию за убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека, грабеж, разбой и иные преступления, перечень которых сформулирован путем указания на объекты посягательств и принадлежность к трем категориям преступлений – средней тяжести, тяжким и особо тяжким.

В п. 1 ч. 2 ст. 328^1 ТК РФ идет речь об ограничениях для граждан на занятие трудовой деятельностью, непосредственно связанной с управлением автобусами, трамваями, троллейбусами и подвижным составом внеуличного транспорта при осуществлении перевозок пассажиров и багажа. Законодатель в отличие от предыдущего установления не стал указывать конкретные преступления, а ограничился только упоминанием о нескольких объектах уголовно-правовой охраны и о двух категориях преступлений – тяжких и особо тяжких.

Сделаем акцент на том обстоятельстве, что в первоначальной редакции законопроекта существовало единое требование по категориям преступлений. Вне зависимости от вида транспортного средства, которым управляет работник при осуществлении перевозок пассажиров и багажа, совершение им преступления из определенного законом перечня делает невозможным занятие соответствующей деятельностью, если такое деяние относится к тяжкой либо особо тяжкой

[241] О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 11.06.2022 № 155-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 3915.

категории преступлений. К тому же в пояснительной записке авторами законопроекта отмечалось, что перечень преступлений подготовлен на основе рекомендаций правоохранительных органов с учетом степени общественной опасности, статистической информации о количестве осужденных лиц и рецидивах преступлений и др[242].

Вместе с тем законопроект принят в редакции, предполагающей различия в категориях преступлений для лиц, управляющих легковым такси и лиц, управляющих автобусами, трамваями, троллейбусами и подвижным составом внеуличного транспорта. К тому же возникает логичный вопрос, что побудило законодателя дополнить категории преступлений конкретными составами преступлений или указанием на объекты уголовно-правовой охраны, ведь согласно официальной позиции характер общественной опасности заложен в основание категоризации преступлений? Представляется, что было бы более последовательным и обоснованным в п. 1 ч. 1 ст. 328^1 ТК РФ ограничиться указанием на тяжкие и особо тяжкие преступления.

3. В трудовом законодательстве присутствуют ограничения, препятствующие лицу заниматься педагогической деятельностью (чч. 2 и 3 ст. 331 ТК РФ), а также трудовой деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних (ст. 351^1 ТК РФ). Рассмотрим те ограничения, которые сконструированы с использованием категоризации преступлений.

Безусловный запрет на занятие педагогической деятельностью действует в отношении лиц, имеющих судимость за преступления небольшой и средней тяжести и посягающих на объекты, перечисленные в абз. 3 ч. 2 ст. 331 ТК РФ; имеющих и имевших судимость, а также подвергавшихся уголовному

---

[242] См.: О внесении изменения в главу 51 Трудового кодекса российской федерации : паспорт проекта Федерального закона № 1256989-7 // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1256989-7?ysclid=lwru8vx9j5850815641 (дата обращения: 29.05.2024).

преследованию (которое прекращено по нереабилитирующим основаниям) за тяжкие и особо тяжкие преступления, которые посягают на объекты, перечисленные в абз. 3 ч. 2 ст. 331 ТК РФ; имеющих неснятую или непогашенную судимость за иные умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления.

В соответствии с ч. 3 ст. 331 ТК РФ лица, имевшие судимость за преступления небольшой и средней тяжести, объекты посягательств которых перечислены в абз. 3 ч. 2 ст. 331 ТК РФ (за исключением преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности), а также лица, уголовное преследование в отношении которых по обвинению в совершении этих преступлений прекращено по нереабилитирующим основаниям, могут быть допущены к осуществлению педагогической деятельности. Решение о допуске таких лиц к занятию педагогической деятельностью принимается комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, созданной высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ.

В приведенных законоположениях несколько обстоятельств заслуживают внимания. Во-первых, в специальной литературе отмечается, что выделенный в законе список преступлений, который ограничивает доступ к педагогической деятельности, чрезмерен[243], а также есть необходимость в дифференциации данного перечня преступлений в зависимости от контингента лиц, с которыми приходится работать педагогу[244]. Как правило, свою позицию авторы аргументируют тем, что в данном списке преступлений встречаются деяния, объект и объективная сторона которых не свидетельствует даже о малой угрозе несовершеннолетнему. Конституционный Суд РФ также сделал акцент на том, что не каждое преступление из широкого перечня видов преступлений, указанных

[243] См., напр.: Карамурзова Ж.З. Ограничения на занятие педагогической деятельностью // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1 (74). С. 159–165.

[244] См., напр.: Аверьянова М.И. Особенности правового регулирования труда педагогических работников государственных и муниципальных общеобразовательных организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 28 с.

в абз. 3 ч. 2 ст. 331 ТК РФ может быть содержательно увязано с невозможностью осуществления лицами их совершившими педагогической деятельности[245].

Думается, законодатель, определивший именно такой круг преступлений, исходил не только из желания уберечь детей от вероятности рецидива преступлений со стороны педагогов, но и осознавал тот факт, что преподаватели формируют мировоззрение, правила нравственного поведения у лиц, в силу их возраста эмоционально и интеллектуально незрелых. В связи с этим к духовно-нравственным аспектам личности преподавателя и к его репутации предъявляются повышенные требования. Виды объектов преступных посягательств, на которых законодатель сделал акцент в абз. 3 ч. 2 ст. 331 ТК РФ являются минимумом, сократить который без ущерба для морально-нравственной составляющей личности ребенка, на наш взгляд, не представляется возможным. В связи с этим, считаем, неоправданными утверждения о том, что перечень видов преступлений характеризуется излишней обширностью и недостаточно тщательно выверен.

Во-вторых, учитывая тот факт, что законодатель при формировании списка объектов преступлений в рассматриваемой норме ориентировался, прежде всего, на защиту жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних, выглядит сомнительным то обстоятельство, что из преступлений против свободы, чести и достоинства личности исключены деяния, предусмотренные ст. 128 УК РФ и ст. 128^1 УК РФ. Почему из всего многообразия преступлений, предусмотренных абз. 3 ч. 2 ст. 331 ТК РФ, законодатель выбрал именно эти деяния, как не представляющие угрозу для несовершеннолетних, объяснить сложно. При чем, относительно данных составов преступлений нормотворческая позиция последовательна, поскольку данные статьи упоминаются и в ч. 3 ст. 351^1 ТК РФ, и подп. 9 и 10 п. 1 ст. 127 СК РФ, и абз. 3 п. 1 ст. 146 СК РФ. Исходя из смысла этих

[245] По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. II). Ст.4190.

положений, следует, что лица, имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию за преступления, предусмотренные ст. 128 и ст. 128^1 УК РФ, могут заниматься трудовой деятельностью сопряженной с непосредственными и регулярными контактами с несовершеннолетними, быть усыновителями, а также опекунами (попечителями).

Считаем, такую позицию законодателя необоснованной, т. к. указанные посягательства могли быть направлены против несовершеннолетних и в связи с этим есть опасность их повторения в отношении ребенка. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо в абз. 3 ч. 2 ст. 331 и ч. 3 ст. 351^1 ТК РФ, подп. 9 и 10 п. 1 ст. 127 и абз. 3 п. 1 ст. 146 СК РФ исключить упоминание о преступлениях, предусмотренных ст. 128 и ст. 128^1 УК РФ. Нельзя не отметить также, что абз. 3 п. 1 ст. 146 СК РФ не приведен в соответствие с действующей редакцией УК РФ, поскольку в данных положениях фигурирует недействующее наименование ст. 128 УК РФ, а также упоминается о таком преступлении как оскорбление, которое декриминализовано еще в 2011 г.

В-третьих, заострим внимание на том, что в ст. 331 ТК РФ осталась неурегулированной ситуация, когда педагог в период выполнения своих профессиональных обязанностей подвергается уголовному преследованию. Думаем, что данный вопрос должен решаться по аналогии с ч. 2 ст. 351^1 ТК РФ, устанавливающей, что работодатель отстраняет от работы (не допускает к работе) работника на весь период производства по уголовному делу до его прекращения либо до вступления в силу приговора суда.

В-третьих, с точки зрения юридической техники более правильным было бы перечислить объекты посягательств в рассмотренных статьях в той последовательности, в которой они расположены в уголовном законодательстве.

4. Стремясь минимизировать риски для жизни, физического и психического здоровья усыновляемых детей законодатель ограничил определенным категориям лиц возможность быть усыновителями. Согласно подп. 10 п. 1 ст. 127 СК РФ в качестве усыновителей детей не могут выступать лица, имевшие судимость либо

подвергавшиеся уголовному преследованию за преступления небольшой и средней тяжести, относящиеся к объектам посягательства обозначенным в данной норме, в случае если судом будет признано, что такие лица представляют опасность для жизни, здоровья и нравственности усыновляемого ребенка.

Таким образом, совершение перечисленных в данной норме деяний, относящихся к преступлениям небольшой или средней тяжести, не может рассматриваться как безусловный запрет на усыновление ребенка. В конечном итоге вопрос о возможности/невозможности усыновления такими гражданами решается с учетом изложенных в данном законоположении обстоятельств, характеризующих преступление и личность преступника, и позволяющих определить сможет или нет такое лицо обеспечить полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие ребенка без риска для его жизни и здоровья.

Исходя из смысла подп. 11 п. 1 ст. 127 СК РФ, безусловный запрет на усыновление распространяется в отношении лиц, имеющих судимость за преступления, соответствующие категориям тяжких и особо тяжких преступлений. Данное императивное ограничение выглядит справедливым, в связи с тем, что общественная опасность таких преступлений, значительно повышает риски для жизни и нравственности наиболее беззащитной и уязвимой категории граждан.

Еще одной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является опека (попечительство). Исходя из содержания подп. 2 п. 1 ст. 146 СК РФ, следует, что безусловный запрет на право быть опекуном (попечителем) установлен для лиц, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением случаев, когда уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям) за деяния, объектом посягательства которых выступают обозначенные в данном положении правовые блага. Таким образом, в отличие от усыновителей опекунами (попечителями) не могут ни при каких обстоятельствах быть лица, совершившие преступления небольшой и средней тяжести и посягающие на

объекты, перечень которых идентичен как для усыновления (подп. 9 п. 1 ст. 127 СК РФ), так и для опеки (подп. 2 п. 1 ст. 146 СК РФ).

В 2014 г. Конституционный Суд РФ рассмотрел дело о проверке конституционности абз. 10 п. 1 ст. 127 СК РФ[246]. В результате рассмотрения жалобы гражданина высший суд конституционного контроля, заключил, что не соответствует Конституции РФ запрет на право усыновления детей лицами, имевшими судимость либо подвергавшимися уголовному преследованию, если совершенные деяния не относятся к тяжким и особо тяжким преступлениям, а также преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от характера и степени общественной опасности.

Приняв во внимание позицию Конституционного Суда РФ, федеральный законодатель внес в 2015 г. соответствующие изменения в п. 1 ст. 127 СК РФ и предусмотрел возможность для отмеченной категории усыновителей реализовать свое право, в случае если суд придет к выводу, что усыновитель сможет обеспечить полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие усыновляемого ребенка.

Через несколько месяцев после вынесения вышеуказанного постановления, Конституционный Суд рассмотрел жалобу гражданина по делу о нарушении его конституционных прав абз. 3 п. 1 ст. 146 СК РФ[247]. В результате изучения данной жалобы, суд сформулировал важную позицию. Принимая во внимание, с одной стороны, отличия в правовом статусе усыновителей и опекунов (попечителей), а с другой – схожие цели институтов усыновления и опеки (попечительства), Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что сформулированная в его постановлении правовая позиция относительно ограничения прав усыновителей, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся

---

[246] См.: По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиева : Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст.735.

[247] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Самсоновой Валентины Ивановны на нарушение ее конституционных прав абзацем третьим пункта 1 статьи 146 Семейного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 13 мая 2014 г. № 997-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2024).

уголовному преследованию за совершение преступлений, указанных в абз. 10 п. 1 ст. 127 СК РФ применима и к регулированию, содержащемуся в абз. 3 п. 1 ст. 146 СК РФ.

В связи с вышеизложенным необходимо по аналогии с подп. 10 п. 1 ст. 127 СК РФ в п. 1 ст. 146 СК РФ предусмотреть подпункт, устанавливающий, что лица, имевшие судимость либо подвергавшиеся уголовному преследованию за преступлений небольшой и средней тяжести, перечисленные в подп. 3 п. 1 ст. 146 СК РФ (за исключением преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности) могут выступать в качестве опекунов (попечителей), если они способны обеспечить полноценное физическое, духовное и нравственное развитие усыновляемого ребенка без риска подвергнуть опасности его психику и здоровье. К тому же в этом подпункте уместно изложить условия аналогичные подп. 10 п. 1 ст. 127 СК РФ, учет которых позволяет прийти к соответствующему выводу. Сформулировать их необходимо с учетом того нюанса, что решение о возможности быть опекуном (попечителем) принимает не суд, а орган опеки и попечительства, а подп. 4 п. 1 ст. 146 СК РФ изложить следующим образом «лица, имеющие судимость за тяжкие или особо тяжкие преступления, не относящиеся к преступлениям, указанным в подпункте 3 настоящего пункта».

Перейдем к рассмотрению второй группы правовых последствий категоризации преступлений в отраслях законодательства, непосредственно не связанных с противодействием преступности. Так, с учетом категоризации преступлений регламентируются полномочия представителей органов государственной власти в отношении подозреваемых, обвиняемых или осужденных.

1. В целях реализации назначения ФСБ РФ, полиции, Росгвардии, ведомственной охраны сотрудники этих силовых ведомств наделены, в том числе правом на применение огнестрельного оружия. Часть норм, касающихся регламентации оснований применения оружия перечисленными сотрудниками,

сформулирована с использованием двух наиболее общественно опасных категорий преступлений.

К примеру, в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 14^3 ФЗ «О федеральной службе безопасности»[248] военнослужащие соответствующих органов имеют право лично или в составе подразделения (группы) применять оружие для задержания лица во время совершения им деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья, собственности, государственной власти, общественной безопасности и общественного порядка, если такое лицо пыталось скрыться и иными средствами задержать его невозможно. Государственные служащие ведомственной охраны также могут применять оружие при совершении лицом на объектах охраны тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, охраняемых объектов, если такое лицо пытается скрыться, а также оказывает вооруженное сопротивление (п. 3 ч. 1 ст. 16 ФЗ «О ведомственной охране»[249]).

В последнем законодательном установлении обращает на себя внимание фраза «тяжкие или особо тяжкие преступления против охраняемых объектов», поскольку она не имеет четкой юридической трактовки. Думается, для того чтобы исключить состояние неуверенности среди сотрудников ведомственной охраны в правомерности применения оружия, законодателю стоит более обстоятельно детализировать преступления, направленные против охраняемых объектов.

Схожие права на применение огнестрельного оружия, сформулированные с учетом двух наиболее общественно опасных категорий преступлений и отдельных объектов уголовно-правовой охраны, встречаются также в п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции»[250] и в п. 4 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»[251]. В связи с этим возникает вполне закономерная мысль

---

[248] О федеральной службе безопасности : федер закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

[249] О ведомственной охране : федер. закон от 14.04.1999 г. № 77-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 16. Ст. 1935.

[250] О полиции : федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[251] О войсках национальной гвардии Российской Федерации : федер. закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4159.

– почему законодатель сопроводил тяжкие и особо тяжкие преступления именно такими объектами уголовно-правовой охраны?

В юридической доктрине проблема правовой определенности законодательства, регламентирующего порядок и основания применения оружия различными службами и ведомствами, является весьма актуальной. Авторы нередко обращают внимание, что назрела необходимость для представителей государственных структур, наделенных правом применять огнестрельное оружие, предусмотреть общие полномочия по его применению, что в том числе подтверждается данными опроса руководителей ОВД, а также разработать единые основания и порядок применения огнестрельного оружия[252].

Думается, что решение вопроса об основании применения огнестрельного оружия сотрудниками различных ведомств, должно происходить либо путем указания на тождественные категории преступлений и объекты уголовно-правовой охраны, либо в индивидуальном порядке с учетом задач и назначения конкретного ведомства. На наш взгляд, второй вариант выглядит наиболее предпочтительным. Так, полиция предназначена не только для защиты жизни, здоровья граждан и собственности, но также для охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (ч. 1 ст. 1 ФЗ «О полиции»). В связи с этим выглядело бы обоснованным дополнение п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции» такими объектами уголовно-правовой охраны, как общественный порядок и общественная безопасность.

2. В ст. 33 ФЗ от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»[253] вопрос раздельного размещения в камерах подозреваемых, обвиняемых и осужденных в совершении

---

[252] См., напр.: Мельников В.А. Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел: монография. Волгоград, 2013. С. 256.; Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: монография. СПб, 2015. С. 202.; Токарчук Р.Е. Проблемы применения оружия для пресечения преступлений террористической направленности федеральными государственными служащими органов безопасности и правопорядка // Общество и право. 2019. № 4 (70). С. 106.

[253] О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

преступлений регламентируется, в том числе с использованием категоризации преступлений. Уголовно-процессуальное законодательство определяет специальные условия применения данной меры пресечения, ограничения ее применения в отношении отдельных категорий подозреваемых или обвиняемых, порядок ее избрания, сроки, а также ее отмену или изменение. Таким образом, деятельность по исполнению заключения под стражу не попадает в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений. Нельзя ее отнести и к уголовно-исполнительному праву, т.к. оно регулирует общественные отношения, которые возникают с момента вступления приговора суда в законную силу.

В специальной литературе высказываются позиции об отнесении данной деятельности к самостоятельной отрасли права, к так называемому процессуально-исполнительному праву[254]; к уголовно-исполнительному праву[255]; одновременно и к уголовно-процессуальному, и к уголовно-исполнительному праву[256] и др. Полагаем, что деятельность по исполнению меры пресечения в виде заключения под стражу обладает определенной спецификой и в настоящий момент не относится в чистом виде ни к уголовно-процессуальным, ни к уголовно-исполнительным правоотношениям. Поскольку отраслевая принадлежность деятельности по исполнению меры пресечения в виде заключения под стражу спорна, постольку данный вопрос размещен в настоящем в параграфе, а не в той части работы, которая посвящена значению категоризации преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве.

В абз. 2 п. 1 ч. 2 ст. 33 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусмотрено, что в исключительных случаях в камерах с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми или осужденными с согласия прокурора могут содержаться положительно

---

[254] См., напр.: Булатов Б.Б., Горобцов В.И. О процессуально-исполнительном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1986. № 5. С. 79-80.

[255] См., напр.: Гельдибаев М.Х. Исполнение меры пресечения в виде предварительного заключения под стражу в следственных изоляторах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 25 с.

[256] См., напр.: Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 60 с.

характеризующиеся взрослые, впервые привлекаемых к уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести. В п. 18 «Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов»[257]; п. 22 «Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых или обвиняемых органов внутренних дел»[258]; п. 263 «Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы»[259] практически дословно воспроизводится упомянутая норма федерального закона. В соответствующих пунктах первых двух названных правил фигурируют категории преступлений небольшой и средней тяжести. В п. 263 правил, посвященных внутреннему распорядку в следственных изоляторах, по существу выражена аналогичная мысль, но упоминается о тяжкой и особо тяжкой категориях преступлений.

Среди представителей уголовно-правовой доктрины встречаются мнения о том, что возможность совместного содержания взрослых и несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых является упущением законодателя. По их мнению, следует закрепить запрет на совместное содержание данных категорий лиц[260]. Мы разделяем позицию данных авторов в этой части. Объясним это следующим.

---

[257] Об утверждении Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов (зарегистрировано в Минюсте России 30.04.2010 № 17072) : Приказ ФСБ России от 24.03.2010 № 140 (ред. от 27.11.2023) // Российская газета. 2010. № 115.

[258] Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел (зарегистрировано в Минюсте России 09.12.2005 № 7246) : Приказ МВД России от 22.11.2005 № 950 (ред. от 03.06.2024) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 51.

[259] Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы (зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 № 69157) : Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 29.11.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 06.07.2022. № 0001202207060002.

[260] См., напр.: Медведева С.В., Ментюкова М. А., Попов А.М. Эффективность применения к несовершеннолетним мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста // Актуальные проблемы государства и права. 2023. № 26. С. 319–330; Садовникова М.Н. Рекомендации по изменению законодательства и практики его применения в области исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2006. № 1. С. 94–108.

Во-первых, выглядит сомнительным, что законодатель допускает с согласия прокурора совместное содержание данных категорий лиц, ограничившись только указанием на то, что совершеннолетние должны положительно характеризоваться и быть впервые привлечены к уголовной ответственности за преступления, соответствующие двум наименее общественно опасным категориям преступлений. Указание только на данные условия не препятствует, к примеру, совместному содержанию несовершеннолетних и совершеннолетних, совершивших преступления против несовершеннолетних (ч. 1 ст. 150 УК РФ; ч. 1–2 ст. 151 УК РФ; ст. 151^1 УК РФ; ст. 151^2 УК РФ и др.).

Во-вторых, в п. 14 Положения об условиях содержания, нормах питания и порядке медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации[261] содержится требование о раздельном размещении в специальном помещении совершеннолетних и несовершеннолетних. При этом из этого правила отсутствуют какие-либо исключения. Следовательно, несовершеннолетних лиц, задержанных полицией и содержащихся в помещениях дежурной части не более 48 часов, в обязательном порядке размещают отдельно от совершеннолетних. Вместе с тем несовершеннолетние, которые более длительные периоды времени находятся под стражей могут оказаться в одной камере изолятора с потенциальными совершеннолетними преступниками.

В-третьих, кроме того на раздельное содержание в учреждениях или в разных частях одного и того же учреждения малолетних правонарушителей и взрослых ориентирует п. «d» Правила 11 «Минимальных стандартных правил в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы)», принятых Резолюцией Генеральной Ассамблии ООН 17.12.2015[262]. При чем под

---

[261] Об утверждении Положения об условиях содержания, нормах питания и порядке медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 16.04.2012. № 301 // СЗ РФ. 2012. № 17. Ст. 1975.

[262] Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблии

малолетними в международных стандартах понимаются все те молодые заключенные, которые попадают под юрисдикцию судов по делам несовершеннолетних.

В связи с вышесказанным можно заключить, что контакты с совершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными не способствуют укреплению безопасности лица, не достигшего совершеннолетия, а также могут неблагоприятно воздействовать на ребенка, у которого в силу возраста не сформированы твердые нравственные позиции. Думаем, было бы оптимальным на законодательном уровне исключить возможность совместного содержания в одной камере несовершеннолетних с совершеннолетними вне зависимости от того к какой категории преступлений относится совершенное последними деяние.

3. В п. 323 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 № 110[263] при указании на обязательную геномную регистрацию осужденных к лишению свободы поясняется, что она проводится в отношении осужденных за совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Однако данное правило вступает в противоречие с действующей редакцией ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»[264]. 6 февраля 2023[265] в данный закон были внесены изменения, в результате которых перечень лиц, в отношении которых геномная регистрация обязательна расширен. В настоящий момент геномная регистрация согласно п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ «О государственной геномной регистрации

ООН 17 декабря 2015 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». (дата обращения: 10.06.2021).

[263] Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 № 110 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 06.07.2022. № 0001202207060002 (дата обращения: 10.05.2024).

[264] О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : федер. закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5740.

[265] О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 06.02.2023 № 8-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 915.

в Российской Федерации» производится в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы за совершение преступлений, относящихся к любой категории. Очевидно, что внесение изменений в федеральное законодательство требует соответствующих корректировок и подзаконного нормативного правового акта.

4. В соответствии с ч. 1 ст. 48 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»[266] военнослужащие, а также граждане, пребывающие в запасе или находящиеся в отставке, могут быть лишены воинского звания только по приговору суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. Как видно, данная норма частично воспроизводит положения ст. 48 УК РФ и основывается на двух наиболее общественно опасных категориях преступлений. Вместе с тем упомянутые законоположения не отражают изменений, произошедших в уголовном законодательстве[267]. В настоящий момент лицо может быть лишено, в том числе воинского звания за совершение также деяния, имеющего все признаки одного из указанных в ст. 48 УК РФ составов преступлений. Перечисленные посягательства, в основном, соответствуют преступлениям средней тяжести, но также имеется одно деяние, относящееся к преступлениям небольшой тяжести. Основываясь на действующем уголовном законодательстве, было бы уместным дополнить аналогичными составами преступлений и ч. 1 ст. 48 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Подводя итог рассмотрению нормативных установлений отдельных отраслей законодательства, в которых получили свое воплощение положения ст. 15 УК РФ, можно сформулировать следующие выводы.

1. На основании анализа отдельных положений несмежных отраслей законодательства сделан вывод о том, что категоризация преступлений приобретает в них собственное значение и влечет иноотраслевые последствия. Рассматриваемый уголовно-правовой институт в данных отраслях

---

[266] О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

[267] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14.02.2024 № 11-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 8. Ст. 1038.

законодательства обычно преследует одну из двух целей: 1) Регламентирует правоограничения осужденных или лиц, подвергающихся либо подвергавшихся уголовному преследованию; 2) Регламентирует полномочия представителей органов государственной власти в отношении подозреваемых, обвиняемых или осужденных.

2. Критически оцениваются положения подп. «а^1», «а^2» п. 3^2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пп. 1^1, 1^2 ч. 5^2 ст. 3 ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» и пп. 2, 3 ч. 8 ст. 4 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», ограничивающие пассивное избирательное право осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, претендующих на занятие выборной публичной должности, в том числе баллотирующихся на пост Президента РФ или депутатов Государственной Думы РФ, совокупностью трех периодов: отбытия наказания, погашения или снятия судимости, истечения определенного срока после аннулирования судимости (10 лет при совершении тяжкого преступления; 15 лет при совершении особо тяжкого преступления). С учетом положений избирательного законодательства и правовых позиций Конституционного Суда РФ по данному вопросу, предлагается ограничить рассматриваемое политическое право осужденных за тяжкие или особо тяжкие преступления только сроком отбытия наказания и погашения или снятия судимости.

3. В работе обосновывается положение о том, что вне зависимости от вида городского транспорта (такси, автобус, трамвай, троллейбус и подвижной состав внеуличного транспорта) должен быть установлен единый запрет на занятие трудовой деятельностью, связанной с перевозками пассажиров и багажа, для лиц, совершивших деяния, относящиеся к тяжким и особо тяжким преступлениям.

4. В нормах трудового (ст. 331 и ст. 351^1 ТК РФ) и семейного (ст. 127 и ст. 146 СК РФ) законодательства содержатся определенные правоограничения для осужденных, совершивших преступления той или иной категории. Поскольку по

юридико-технической конструкции и текстуальному содержанию данные отраслевые установления близки между собой, постольку при нормативном изложении в них аналогичного юридического материала о категоризации преступлений должны прослеживаться последовательность и единообразие.

5. В результате анализа норм, регламентирующих основания применения оружия сотрудниками органов ФСБ, полиции, Росгвардии, ведомственной охраны, выявлены недочеты в позиции законодателя при решении вопроса об объектах уголовно-правовой охраны, посягательство на которые делает правомерным применение оружия. В работе обосновывается вывод о том, что основания применения огнестрельного оружия сотрудниками различных ведомств должны быть сформулированы с учетом двух наиболее общественно опасных категорий преступлений, а также задач и назначения конкретного ведомства.

§ 4. Значение категоризации преступлений для криминологии

Значение категоризации преступлений будет представлено не в полном объеме, если ограничиться рассмотрением норм криминальных отраслей законодательства, в которых фигурирует данное понятие. Это объясняется тем, что преступность это реально существующее явление благодаря или вопреки которому уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство вызвано к жизни. Изучение же преступности как социального явления входит в предмет исследования криминологии. Помимо этого в предмет данной науки отечественные ученные преимущественно включают личность преступника, причины преступности и ее предупреждение.

Не углубляясь в вопрос соотношения уголовного права и криминологии, а также в спор о первичности той или иной отрасли научного знания, отразим в общих чертах их междисциплинарное сотрудничество. Взаимодействие уголовного права и криминологии заключается в том, что уголовное право определяет понятие преступного, которое в известной степени обозначает

пределы криминологических исследований, а также обогащает криминологию иными понятиями. В то же время изучение уголовного права под углом зрения обоснованности и эффективности его законодательных установлений становится возможным с учетом знаний, предоставляемых криминологией. Иными словами криминологическая наука предоставляет уголовному праву данные о распространенности тех или иных общественно-опасных деяний, о достижении ими уровня общественной опасности, о характеристике субъектов индивидуального преступного поведения, об обоснованности противодействия тому или иному антисоциальному поведению самыми репрессивными методами в государстве и т.д.

Противодействие преступности не сводится только к реагированию на совершенные преступления, их пресечению, раскрытию и расследованию, изобличению виновных, назначению виновным справедливого наказания и его исполнению. Хотя все перечисленное представляет неоспоримую ценность, вместе с тем в систему противодействия преступности входит также общая оценка состояния преступности; ее структуры; характера; динамики; определение предупредительных мер посредством выявления причин и условий совершения преступлений в целом, а также отдельных их видов (групп) и др. В том числе для успешного прохождения перечисленных криминологических этапов неизбежно обращение к категоризации преступлений.

Практически ни один учебник по криминологии, исследуя первую составляющую ее предмета (преступность), не обходится без освещения вопроса об основных ее показателях (характеристиках). Категории преступлений попадают в поле зрения исследователей при характеристике таких криминологических показателей преступности, как ее структура, характер, территориальное распределение, динамика и др.

Структура преступности представляет собой соотношение (удельный вес) отдельных групп преступлений, классифицируемых по уголовно-правовым или криминологическим основаниям. Примечательно, что в первых учебниках по криминологии отечественные исследователи руководствовались уголовно-

правовой классификацией преступлений[268]. Преимущественно в качестве основания классификации использовался родовой объект уголовно-правовой охраны. Однако со временем криминологической наукой были выработаны собственные разнообразные основания для классификации преступлений, используемые при характеристике структуры преступности. На сегодняшний день криминологическая классификация преступлений по своим критериям часто не совпадает с уголовно-правовой классификацией преступлений.

Можно выделить такие криминологические критерии, используемые в качестве основания классификации структуры преступности: пол (мужская и женская преступность); возраст (преступность взрослых и несовершеннолетних); доминирующая мотивационная направленность (насильственные, корыстные, корыстно-насильственные, неосторожные); региональные особенности преступности (преступность по субъектам РФ); устойчивость общественно-опасной ориентации (первичная, рецидивная, пенитенциарная); населенный пункт (городская и сельская преступность); социальная направленность (преступления, направленные против экономических, политических и иных интересов государства; преступления, направленные против интересов личности человека); социально-профессиональная характеристика (преступления, совершенные служащими; работниками сельского хозяйства; наемными работниками; индивидуальными предпринимателями; работниками органов государственной власти; учащимися и студентами; лицами, не имеющими постоянных источников дохода; безработными) и др.

Н.Г. Кадников в своей монографии, посвященной классификации преступлений, отмечает несправедливость того факта, что по критериям, содержанию и целям классификация преступлений в криминологии не соответствует классификации преступлений в уголовном праве. При этом автор выделяет отдельные работы, в которых криминологическая классификация

[268] См., напр.: Советская криминология**.** Учебник для юрид. фак. и ин-тов. Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М.: Юрид. лит., 1966. 319 с.

выстроена на категориях преступлений. Такой подход оценивается исследователем как более точный и научно обоснованный[269].

Скорее всего, несогласованность криминологической и уголовно-правовой классификации преступлений связана с тем, что сегодня между уголовным правом и криминологией, по замечанию М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, существует разобщение и дезинтеграция[270]. Неоднократно по этому поводу высказывался В.Е. Квашис, утверждая, что уголовное право и криминология развиваются автономно. Криминологическую реальность и уголовное законодательство автор сравнил с планетами, которые все больше отдаляются друг от друга и вращаются каждая по своей орбите. Такое положение он объясняет тем, что наблюдается отрыв криминологов от основ уголовного права, одновременно с этим специалисты в области уголовного права зачастую пренебрежительно относятся к криминологическим наработкам[271].

Отметим работы, в которых при характеристике структуры преступности авторы прибегают к уголовно-правовому критерию в виде категоризации преступлений. Так, в одном из учебников по криминологии встречается структура преступности, в которой преступления делятся по степени тяжести и общественной опасности на: небольшой тяжести; средней тяжести; тяжкие; особо тяжкие[272]. Данная классификация была бы безукоризненной, если в ее основе использовать не «степень тяжести и общественной опасности», а более ясное понятие «степень общественной опасности».

---

[269] Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2020. С. 253, 256.

[270] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 4. С. 40–58.

[271] См., напр.: Квашис В.Е. Криминология: значение и место в системе науки, проблемы и перспективы // Вестник Калининградского филиала Санкт-петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (57). С. 42; Квашис В.Е. Проблемы качества криминологических исследований: истоки и симптомы болезни // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 60; Квашис В.Е. Проблемы повышения уровня виктимологических исследований // Виктимология. 2018. № 1 (15). С. 7.

[272] Криминология: учебник / под ред. д-р юрид. наук, проф. И.М. Мацкевич. М.: Проспект, 2023. С. 27.

Другие исследователи в качестве одного из показателей структуры преступности рассматривают соотношение тяжких, менее тяжких и малозначительных преступлений[273]. Представляется, если при характеристике какого-либо криминологического показателя преступности используется уголовно-правовое основание, а именно фактически категоризация преступлений, то целесообразнее руководствоваться официальным наименованием категорий преступлений, а не подбирать им произвольные аналоги.

Одним из основных показателей структуры преступности Н.Ф. Кузнецова называет соотношение особо тяжких, тяжких, менее тяжких и преступлений небольшой тяжести[274]. Эта классификация, выстроенная на уголовно-правовом основании, была бы безупречной, на наш взгляд, если вместо «менее тяжких преступлений» использовать их официальное наименование «преступления средней тяжести».

Хотелось бы отметить позицию И.А Тараканова, который в качестве одного из оснований деления структуры преступности использует категории преступлений, предусмотренные ст. 15 УК РФ. В соответствии с данным основанием структура преступности выглядит как соотношение преступлений небольшой тяжести, средней тяжести, тяжких и особо тяжких[275]. Такой подход выглядит более оптимальным, т. к. используемые автором уголовно-правовое основание и наименование категорий преступлений изложены в строгом соответствии с буквой закона.

Представляется, что распространение в криминологических исследованиях данных о структуре преступности, основанных на категоризации преступлений, позволит выявить закономерности и тенденции преступности по отдельным категориям преступлений в определенный исторический период; понять социально-экономические, политические и другие факторы, способствующие

---

[273] Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: «Юристъ», 1997. С. 66.

[274] Криминология: учебник / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лунеева. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 97.

[275] Криминология: учебник для бакалавриата и специалитета /под общ. ред. А.В. Кудрявцева и А.Е. Михайлова. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. С. 65.

совершению деяний, соответствующих отдельным категориям преступлений; а также определить ориентиры предупредительной работы отдельно для каждой категории преступлений.

Смешение уголовно-правовых и криминологических оснований классификации преступности, а также в целом автономность развития уголовно-правового и криминологического знания привели к тому, что криминологи строго не придерживаются, закрепленных в ст. 15 УК РФ уголовно-правовых формул отнесения того или иного деяния к определенной категории преступлений. Продемонстрируем это на следующих примерах.

При характеристике насильственных преступлений в учебнике под общей редакцией В.И. Гладких отмечается, что «Корыстная мотивация определяет совершение умышленных убийств, особенно совершаемых по найму, а также иных тяжких насильственных преступлений»[276]. Использование автором формулировки «а также иных тяжких насильственных преступлений» предполагает, что убийство выступает тяжким преступлением. Вместе с тем в соответствии с действующим уголовным законодательством преступление, предусмотренное ч. 1–2 ст. 105 УК РФ относятся к категории особо тяжких преступлений.

Далее в этом же учебнике констатируется, что преступность полностью ликвидировать невозможно, однако стоит стремиться в первую очередь к тому, чтобы число совершаемых тяжких преступлений против личности было максимально низким[277]. Возникает резонный вопрос: почему не так важно снижать количество совершаемых особо тяжких преступлений против личности? Полагаем, что авторы под тяжкими преступлениями, скорее всего, подразумевают и те деяния, которые относятся к особо тяжкой категории преступлений, при этом вряд ли обосновано обозначать две самостоятельные категории преступлений как

[276] Криминология и предупреждение преступлений: учебник / под общ. ред. д.ю.н., проф. В.И. Гладких. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. С. 72.
[277] Там же. С. 5.

одну. При чем, такая позиция при категорировании преступлений не является редкостью.

Так, Я.И. Гилинский в своем авторском курсе замечает, что убийства относятся к тяжким преступлениям[278]. На страницах этого курса приводится статистика по территориальному распределению тяжких преступлений против личности по регионам России. Автор демонстрируют распределение названных преступлений по субъектам РФ на примере убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и изнасилований. Социально-демографический состав лиц, совершивших тяжкие преступления против личности, представлен также на примере убийств[279].

В.Д. Малков среди тяжких насильственных преступлений, в том числе перечисляет убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования[280]. Автор также констатирует активизацию преступных формирований в совершении, так называемых им, традиционных тяжких уголовных преступлений. Среди которых упоминаются убийства, разбой (без уточнения конкретной части ст. 162 УК РФ)[281].

Однако известно, что преступления, предусмотренные ч. 1–2 ст. 105; ч. 3–4 ст. 111 УК РФ, ч. 3–5 ст. 131; ч. 3–4 ст. 162 УК РФ относятся к категории особо тяжких преступлений. Полагаем, что пренебрежение уголовно-правовой формулой отнесения преступных деяний к той или иной категории преступлений способно привести к недостоверности криминологического анализа структуры преступности (и иных показателей преступности) с учетом категорий преступлений, а также к выработке на этой основе неэффективных мер по предупреждению преступности.

Еще одним основным показателем качества преступности выступает ее характер. По замечанию В.В. Лунеева, криминологией не выработан единый

---

[278] Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: ИД Алеф-Пресс, 2018. С. 72, 81.
[279] Там же. С. 224–255; 228.
[280] Криминология: учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. С. 238.
[281] Там же. С. 425.

критерий для определения характера преступности[282]. При этом нередко характер преступности определяется либо как соотношение в структуре преступлений категорий преступлений различной тяжести (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений)[283], либо как доля наиболее опасных преступлений (тяжких или особо тяжких) в ее структуре[284].

В ежегодно формируемых материалах ГИАЦ МВД о состоянии преступности в России, как правило, всегда есть пункт, посвященный удельному весу тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных преступлений в отчетном периоде[285]. Этот показатель, измеряемый в процентах, для сравнения сопоставляется с предыдущим годом, чтобы отследить динамику прироста двух наиболее общественно опасных категорий преступлений.

Характер преступности особо ценно рассматривать с использованием такого показателя преступности как ее территориальное распространение. Благодаря одновременному учету двух этих показателей можно проследить характер преступности в разных регионах страны. В сборниках о состоянии преступности в России, подготовленных ГИАЦ МВД РФ, присутствует раздел, который отражает состояние и динамику тяжких и особо тяжких преступлений по субъектам РФ[286]. Подобная информация позволяет локально определить причины и условия преступности, а также выработать соразмерные меры противодействия двум наиболее общественно опасным категориям преступлений. Ведь при исследовании региональной тяжкой и особо тяжкой преступности принимаются

---

[282] Лунев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник в 2 т. Т. 1. М.: Юрайт, 2011. С. 326.

[283] См., напр.: Криминология и предупреждение преступлений: учебник / под общ. ред. д.ю.н., проф. В.И. Гладких. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. С. 21.

[284] См., напр.: Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. С. 46; Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: «Юристъ», 1997. С. 67; Криминология: учебник для бакалавриата и специалитета /под общ. ред. А.В. Кудрявцева и А.Е. Михайлова. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. С. 67.

[285] См.: Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 // МВД РФ: официальный сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751?year=2024&month=1&day=20&ysclid=m3a9s4xln6520655721 (дата обращения: 14.07.2024).

[286] См.: Там же.

во внимание самобытность отдельных субъектов РФ; их традиции и обычаи; уровень социально-экономического развития; географическое расположение; территориальная специфика; качество работы правоохранительных органов; реализуемые регионами меры по противодействию преступности и другие факторы.

Как видим, уже только вышерассмотренные показатели преступности, в которых фигурируют категории преступлений, свидетельствуют о том, что криминологическое исследование не может быть проведено без привлечения уголовной статистики, которая рассматривает преступность в количественно-качественных параметрах. Статистические отчеты, подготовленные соответствующими государственными учреждениями, позволяют оценить состояние и динамику преступности; охарактеризовать личность преступника; выработать действенные меры по противодействию преступности, в том числе с учетом данных о причинах и условиях преступности, а также с учетом криминологической характеристики личности преступника. Еще во второй половине XX в. В.Н. Кудрявцев совершено точно подметил: «Криминология не может обойтись без постоянной помощи статистики... Уголовная статистика – один из важнейших источников глубокого изучения преступности, снабжающих криминологию фактическим материалом для теоретического обобщения»[287].

Для того, чтобы продемонстрировать практическую значимость вышерассмотренных криминологических показателей преступности дополним их статистическими данными. Обратимся к сведениям о состоянии преступности в России за последние 5 лет. В 2025 г. всего зарегистрировано 1771,2 преступлений; в 2024 – 1911,3 преступлений; в 2023 – 1947,2 преступлений; в 2022 г. – 1966,8 преступлений; в 2021 г. – 2004,4 преступлений. Количество преступлений небольшой и средней тяжести, выявленных субъектами учета, в 2025 г. равно 1143,3; в 2024 – 1293,9; в 2023 г. – 1358,1; в 2022 г. – 1429,8; в 2021 г. – 1444,4. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных:

[287] Криминология: учебник / Герцензон А.А., Звирбуль В.К., Зотов Б.Л., Карпец И.И., и др.. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Юрид. лит., 1968. – С. 233.

в 2025 г. – 35,5%; в 2024 г. – 32,3%; в 2023 г. – 30,3%; в 2022 г. – 27,3%; в 2021 г. – 27,9%[288].

Анализируя статистические данные о преступности за последние 5 лет, следует отметить, что с каждым годом происходит последовательное снижение общего числа зарегистрированных преступлений, а также совокупности преступлений небольшой и средней тяжести. При этом делать вывод об истинности этой положительной динамики трудно, поскольку статистика неполно отражает действительные масштабы преступлений, определенная часть которых остается за пределами официальной регистрации (латентная преступность). Не стоит также забывать, что обычно уровень латентности преступлений обратно пропорционален характеру и степени их общественной опасности.

Вместе с тем из года в год данные уголовной статистики фиксируют стабильный рост общественной опасности преступности, а именно увеличение количества тяжких и особо тяжких преступлений. Если сравнить данные 2025 г. с 2021 г., то удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений вырос практически на 8%. Такая ситуация, на наш взгляд, вызывает беспокойство и повышает интерес со стороны гражданского общества и государства, в том числе к результатам криминологических исследований в области противодействия двум наиболее общественно опасным категориям преступлений. Ведь наработки в этом направлении помогут выявить особенности криминогенных факторов, способствующих распространению преступлений, относящихся к данным категориям преступлений, а также своевременно и эффективно нейтрализовать их.

Следующей важнейшей проблемой криминологии, которая входит в предмет этой науки, является личность преступника. Именно с изучения физиологических особенностей и психических аномалий преступника, которые неизбежно, по мнению одних из первых ученных-криминологов (Ч. Ломброзо, Р.

---

[288] См.: Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 – 2021 // МВД РФ: официальный сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751?year=2024&month=1&day=20&ysclid=m3a9s4xln6520655721 (дата обращения: 28.02.2026).

Гарофало и др.), приводят к совершению ими преступлений, и начала формироваться криминология как наука.

На современном этапе личность преступника чаще всего рассматривается через призму социальных качеств, которые обусловливают общественно опасное поведение лица. Н.Ф. Кузнецова подчеркивает, что личность преступника отличается от личности непреступника общественной опасностью[289]. Известно, что общественная опасность представляет собой вред, причиненный лицом объектам уголовно-правовой охраны, а также исходящую от этого лица угрозу совершения нового преступления в будущем. Качественно-количественной характеристикой общественной опасности выступает ее характер и степень. В связи с этим, казалось бы, что при осуществлении типологии личности преступника активно должна использоваться, в том числе категоризация преступлений, выстроенная в ст. 15 УК РФ на основе характера и степени общественной опасности преступления. Однако в криминологии такие типологии личности преступника встречаются нечасто. Преимущественно в основу типологии личности преступника закладываются разнообразные криминологические признаки, реже уголовно-правовые.

В.Н. Бурлаков предлагает разделить личность преступника на 5 типов, различающихся по степени личностной детерминированности преступления: профессиональный тип; привычный тип; неустойчивый тип; небрежный тип; случайный тип[290]. По глубине и стойкости мотивационной направленности В.М. Алиев разделяет типы личности преступников на случайный; ситуативный; неустойчивый; злостный; особо злостный тип[291]. По степени устойчивости преступного поведения в различных ситуациях преступники классифицируются: на криминогенный тип и случайных преступников. Внутри типа криминогенной личности различаются подтипы: последовательно-криминогенный, ситуативно-

[289] Криминология: Учебник / науч. ред. – Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 119.
[290] Криминология: Учебное пособие / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб.: Питер, 2013. С. 67.
[291] Криминология и предупреждение преступлений: учебник / под общ. ред. д.ю.н., проф. В.И. Гладких. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. С. 32.

криминогенный, ситуативный[292]. По характеру преступления Д.В. Мирошниченко подразделяет личности преступников на: особо опасный; насильственный или корыстно-насильственный; корыстный; неосторожный тип[293].

При всей полезности перечисленных вариантов типологий личности преступника их сложно признать основательными. Такой вывод связан с тем, что представленные типологии личности преступника имеют слабую связь с категорией общественной опасности, а также в них строго не выдерживается обозначенное основание деления личностей преступников на разные типы. Вернемся, например, к типологии личности преступника, разработанной Д.В. Мирошниченко. Не в полной мере понятно, почему автор в качестве основания типологии личности преступника называет характер преступления, при этом фактически особо опасный тип выделен на основе степени общественной опасности; насильственный или корыстно-насильственный тип связан с объектом преступного посягательства, а также с корыстной направленностью таких преступлений; корыстный тип связан с мотивацией; неосторожный тип обусловлен формой вины.

И.М. Мацкевич предлагает классифицировать личность преступника по характеру и степени тяжести совершенных преступлений на тех, кто совершает преступления: а) небольшой тяжести; б) средней тяжести; в) тяжкие; г) особо тяжкие. Внутри этой классификации, автор поясняет, может быть дана классификация по конкретным составам преступлений или их группам, на совершении которых специализируется преступник[294].

Думается, что такая типология личности преступника, основанная на категоризации преступлений, является наиболее выгодной в практическом плане. Объясняется это тем, что категоризация преступлений в данном случае позволит глубоко познать личность преступника, совершающего преступления разных

---

[292] Криминология: Учебник для вузов/под общ. ред. д. ю. н., проф. А.И. Долговой. М.: Норма, 2005. С. 364.
[293] Криминология: учебник / под ред. М.С. Крутера, Л.А. Букалеровой. М.: ЮСТИЦИЯ, 2020. С. 75.
[294] Криминология: учебник / под ред. д-р юрид. наук, проф. И.М. Мацкевич. М.: Проспект, 2023. С. 54.

категорий; проследить процесс формирования его общественно опасного поведения; выявить специфические особенности и индивидуальные черты такого лица; предусмотреть специальные меры по противодействию отдельным категориям преступлений. К тому же такая типология позволяет упорядочить разрозненные типы личностей преступников, выделенные по криминологическим критериям. В связи с этим, представляется, целесообразным изначально строить типологию личности преступника на основе категоризации преступлений, а затем каждую получившуюся группу преступников дополнительно конкретизировать по криминологическим критериям с учетом потребности в профилактики тех или иных видов преступлений.

Научные рассуждения о первых двух составляющих предмета криминологии, а именно о преступности и личности преступника, неизбежно вызывают вопрос о причинах и условиях совершения этих противоправных деяний. Преступность, будучи весьма разнообразным социальным явлением, порождает и многообразие в объяснении ее причин. Попытки систематизировать причины преступности привели в криминологии к существованию различных классификаций причин преступности. Среди них можно выделить следующие классификации: по сущности (биологические и социальные); по природе возникновения (объективные; объективно-субъективные; субъективные); по содержанию (социальные; политические; экономические; духовно-нравственные; психологические; национальные; религиозные; виктимологические и др.); по территории действия (федеральные; региональные; местные) и др.

Одной из наиболее разработанных в криминологи считается классификация причин преступности по иерархии. Первый уровень подразумевает выявление причин преступности как социального явления в целом. Второй уровень посвящен причинам отдельных видов или групп преступлений. Например, выявлению причин организованной преступности, преступности несовершеннолетних, женской преступности; неосторожной преступности; коррупционной преступности и т.п. На третьем уровне происходит познание причин конкретных преступлений.

На наш взгляд, в такой иерархии пропущен еще один уровень, который должен занять свое место между предупреждением причин преступности в целом и отдельных видов или групп преступлений. На этом уровне могли бы рассматриваться отдельно причины совершения преступлений небольшой тяжести, средней тяжести, тяжких и особо тяжких. Именно такой дифференцированный подход позволил бы выявить причины увеличения числа тяжких и особо тяжких преступлений в России за последние 5 лет. На следующем уровне изучения причин преступности целесообразно каждую категорию преступлений дополнять различными критериями. К примеру, причины совершения тяжких или особо тяжких преступлений несовершеннолетними; причины совершения тяжких или особо тяжких преступлений против жизни и здоровья и т.п.

Все это позволило бы выработать комплекс мер, направленных на ликвидацию причин совершения деяний, относящихся к определенным категориям преступлений. Меры предупреждения преступности как раз выступают в качестве четвертой составляющей предмета криминологии, которая высвечивает прикладной характер этой науки. Обычно, в криминологии принято говорить о предупреждении преступности в широком (общесоциальном) и узком (специально-криминологическом) смыслах. Общесоциальное предупреждение преступности непосредственно не преследуют улучшение криминальной обстановки в обществе. При этом любая деятельность государства и общества, направленная на разрешение социальных, политических, экономических, духовно-нравственных проблем в стране позитивно отражается и на состоянии преступности.

Однако большее профилактическое значение на предупреждение преступности оказывают специально-криминологические меры. Данные меры требуют специальных криминологических знаний, благодаря которым целенаправленно минимизируются причины совершения тех или иных преступных посягательств. Полагаем, что результаты научного поиска причин совершения деяний, соответствующих той или иной категории преступлений,

позволят систематизировать знания о сдерживании преступлений, относящихся к различным категориям; преодолеть негативные тенденции увеличения в обществе количества деяний, соответствующих наиболее тяжким категориям преступлений; сосредоточить усилия государства на нейтрализации причин совершения деяний, относящихся к той категории преступлений, которая вызывает наибольшее беспокойство в обществе на определенном этапе его развития[295].

На основании изложенного сформулируем основные выводы.

1. В криминологии категоризация преступлений позволяет составить представление о криминологических показателях преступности (характере преступности, ее территориальном распределении и динамике), а также о типологии личности преступника. Однако не являются исключением случаи, когда исследователи, используя категоризацию преступлений в криминологических целях, пренебрегают легальным основанием деления преступлений на категории, официальными наименованиями категорий преступлений, а также уголовно-правовой формулой, позволяющей определить категорию преступлений того либо иного деяния. Обосновывается вывод о том, что указанные обстоятельства могут привести к недостоверности криминологического анализа основных показателей преступности и выработке на этой основе неэффективных мер по предупреждению деяний, образующих ту либо иную категорию преступлений.

2. В исследовании обозначены направления для более активного использования категоризации преступлений при характеристике еще двух составляющих предмета криминологии, а именно причин, порождающих преступность и мер предупреждения преступности. Обосновывается положение о том, что увеличение интенсивности использования категоризации преступлений в криминологии может положительно сказаться на выявлении причин роста числа тяжких и особо тяжких преступлений в России за последние 5 лет.

---

[295] См. подробнее: Мозина Е.В. Значение категоризации преступлений для криминологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 124–132.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе развит вопрос о категоризации преступлений и ее межотраслевом значении. Результатом исследования стали обобщающие выводы, сформулированные предложения по совершенствованию действующего отечественного законодательства, практики его применения, а также выработанные рекомендации по повышению эффективности использования института категоризации преступлений в отраслях законодательства криминального профиля, а также в ряде иных отраслей отечественного законодательства. Итоги диссертационного исследования логично представить в виде следующих тезисов.

1. Классификация является своеобразным инструментом познания объективной реальности, представляющим в удобном для восприятия формате знания о конкретных объектах в той или иной научной области, отражающим итог исторического развития классифицируемого материала и обладающим потенциалом прогнозирования. Поскольку категоризация преступлений выступает частным случаем классификации, постольку в процессе исследования данного уголовно-правового института необходимо обращение к основам теории классификации.

2. Руководствуясь доктринальными положениями основ теории классификации, сформулированы правила выбора признака на роль основания классификации:

1) Выбранный признак должен быть способен объединить по группам объекты, характеризующиеся наибольшим сходством между собой. При этом объекты одной классификационной группы должны значительно отличаться от объектов другой.

2) Наиболее предпочтительным является выделение единственного признака на роль основания классификации. Однако многообразие и сложность классифицируемых объектов реальной действительности не всегда позволяют

достичь этого идеала, ибо классификация должна сочетать в себе теоретическое совершенство с практической полезностью.

3) Признак, претендующий на роль основания классификации, должен быть существенным, т. е. отражать истинную природу вещей, их «естество». В связи с этим исключается возможность выделения так называемых искусственных классификаций, построенных на произвольно выбранном признаке.

4) Признак, который впоследствии будет представлен в качестве основания классификации, должен быть удобным в обращении и с легкостью помогать определять класс, к которому относится тот или иной предмет.

3. С учетом доктринальных положений основ теории классификации и уголовно-правового регулирования в целом, опытом правоприменения в сфере уголовного законодательства, аргументируется положение о том, что основанием категоризации преступлений выступает максимальный размер наказания, предусмотренный в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ и отражающий степень общественной опасности преступления.

4. В структуре классификации помимо основания выделяется такой элемент как классификационные группы. Такие группы нередко могут еще именоваться членами классификации или классификационными ячейками (таксонами) и т.п. На основании обзора специальной литературы сформулированы определенные требования к этому компоненту классификации. Во-первых, объем классификационных групп должен равняться объему классифицируемого явления или предмета. Во-вторых, классификационные группы должны представлять четкие и точные уровни, которые взаимно исключают друг друга. В-третьих, каждая группа классификации отражает определенное видоизменение признака, взятого в качестве основания классификации. В-четвертых, группы классификации, составляющие иерархическую систему, должны быть низшими категориями по отношению к родовому понятию.

5. Руководствуясь требованиями, предъявляемыми к классификационным группам в основах теории классификации, констатируется,

что категории преступлений, во-первых, не являются четко обособленными уровнями, которые взаимно исключают друг друга, а во-вторых, не отражают последовательное видоизменение всех признаков, определенных законодателем в качестве основания категоризации преступлений. В связи с этим аргументируется предложение по дополнению ст. 15 УК РФ частью 5^1, предусматривающей правило определения минимального предела наказания для каждой категории преступлений, а также по изменению в ч. 1-5 ст. 15 УК РФ основания категоризации преступлений.

6. На основе анализа содержания действующего уголовного законодательства, разъяснительной практики Верховного Суда РФ и опыта правоприменения аргументируется теоретическая состоятельность и практическая ценность законодательных положений об изменении категории преступления судом (ч. 6 ст. 15 УК РФ). Вместе с тем диссертант пришел к выводу, что действующая редакция положений ч. 6 ст. 15 УК РФ и практика их применения нуждаются в совершенствовании. В работе высказываются конкретные предложения с текстуальным оформлением по изменению уголовного законодательства в соответствующей части.

7. Критически оценивается решение законодателя скоррелировать максимальные пределы наказания, соблюдение которых при наличии других условий позволяет суду рассмотреть вопрос о наличии/отсутствии основания для изменения категории преступления, с 3-я, 5-ю и 7-ю годами лишения свободы соответственно. Предлагается в ч. 6 ст. 15 УК РФ предусмотреть не конкретные размеры лишения свободы, а объединенное условие для всех трех категорий преступлений, содержание которого могло бы звучать следующим образом: «при условии, что за совершение преступления осужденному назначен минимальный срок лишения свободы, предусмотренный конкретной статьей (частью статьи) настоящего Кодекса, или назначено более мягкое наказание».

8. Одним из вариантов совершенствования действующей законодательной позиции, в части категоризации преступлений, могла бы выступить следующая примерная редакция ст. 15 УК РФ:

«1. Преступления в зависимости от максимального размера наказания, предусмотренного санкцией статьи (части статьи) настоящего Кодекса и отражающего их степень общественной опасности подразделяются на преступления небольшой степени общественной опасности, преступления средней степени общественной опасности, преступления большой степени общественной опасности и преступления особой степени общественной опасности.

2. Преступлениями небольшой степени общественной опасности признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы.

3. Преступлениями средней степени общественной опасности признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы.

4. Преступлениями большой степени общественной опасности признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы.

5. Преступлениями особой степени общественной опасности признаются деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание».

5[1]. Минимальный предел наказания для каждой категории преступлений определяется с учетом максимального предела наказания в предшествующей категории преступлений.

6. С учетом фактических обстоятельств преступления, свидетельствующих о том, что степень общественной опасности содеянного ниже типовой (усредненной) степени общественной опасности, отраженной в санкции статьи (части статьи) настоящего Кодекса за деяния соответствующей категории преступлений, суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее общественно

опасную, но не более чем на одну категорию преступлений при условии, что за совершение преступления осужденному назначен минимальный срок лишения свободы, предусмотренный конкретной статьей (частью статьи) настоящего Кодекса или назначено более мягкое наказание».

9. В ходе рассмотрения положений п. 6^1 и п. 7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, а также практики их применения обосновывается вывод, во-первых, о том, что суд должен переходить к разрешению вопроса, предусмотренного п. 6^1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, при постановлении обвинительного приговора только в том случае, если соблюдены все условия для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, в противном случае данный вопрос не нуждается в разрешении; во-вторых, о том, что уголовно-процессуальная хронология разрешения вопросов судом при постановлении обвинительного приговора в части изменения категории преступления на менее общественно опасную (п. 6^1 и п. 7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ) не соответствует положениям ч. 6 ст. 15 УК РФ и нуждается в предложенной автором корректировке.

10. Поскольку при реализации положений ч. 6 ст. 15 УК РФ суд должен отразить конкретные фактические обстоятельства преступления, уменьшающие степень его общественной опасности и дающие основание для изменения категории преступления, постольку, в случае если имеются все условия для изменения категории преступления, но суд не усматривает основание для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, то такая позиция также нуждается в юридической аргументации. При этом конкретные фактические обстоятельства преступления не должны по своему содержанию совпадать со смягчающими наказание обстоятельствами, которые суд признал в качестве таковых и уже учел как одно из условий изменения категории преступления.

11. На основе анализа содержания действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также практики его применения, констатируется отсутствие надлежащего процессуального порядка изменения категории преступления с последующим освобождением от уголовной ответственности по нормам гл. 11 УК РФ. Наиболее приемлемым вариантом

оформления судом решения об изменении категории преступления с последующим освобождением от уголовной ответственности следует признать постановление обвинительного приговора, содержащего в резолютивной части, в том числе, решение о назначенном осужденному наказании, об изменении категории преступления и об освобождении от уголовной ответственности со ссылкой на конкретное основание в УК РФ. Соответствующее решение может также содержаться в апелляционном приговоре, постановлениях, определениях судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, вносящих изменения в решения нижестоящих судов.

12. Дана отрицательная оценка законодательному положению о том, что не образует рецидив преступлений только судимости за умышленные преступления небольшой тяжести (п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ). Поскольку законодатель определил, что комбинация из судимости за преступление небольшой тяжести и совершенного преступления более общественно опасной категорий не образует рецидив преступлений, постольку комбинация из судимости за преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое и совершенного преступления небольшой тяжести тем более не должна образовывать рецидив преступлений. В связи с этим преступления небольшой тяжести в любом случае не должны учитываться при рецидиве преступлений, вне зависимости от очередности их совершения. Предлагается п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ изложить следующим образом: «а) умышленные преступления небольшой тяжести».

13. Критически оценивается решение законодателя об отнесении неосторожных деяний к категории тяжких преступлений, поскольку в таком случае значительно отличающиеся по социально-правовым характеристикам неосторожные и умышленные преступления уравниваются в правовом значении в трех из четырех категорий преступлений, тем самым искусственно завышается степень общественной опасности первых. Кроме того, в результате исследования положений уголовного законодательства, содержание которых обусловлено категоризацией преступлений (п. «а» и п. «б» ч. 1 ст. 58; ч. 2 и ч. 3 ст. 69; ч. 4 и ч.

5 ст. 74 УК РФ и др.), автор приходит к выводу, что отечественное законодательство до сих пор не до конца адаптировано под тяжкие неосторожные преступления. В связи с этим при наличии коллизии правовых норм, до тех пор пока она не будет устранена законодательным путем, все сомнения должны толковаться судом в пользу осужденного.

14. Категоризация преступлений зарождалась в уголовном законодательстве как инструмент, призванный «обслуживать» интересы данной отрасли и соответственно имеющий значение в известных границах. Между тем констатируется, что значение данного уголовно-правового института не ограничивается исключительно пределами уголовного законодательства, а распространяется также на содержание положений, норм и институтов в первую очередь отраслей законодательства и научного знания криминального профиля, а также других отраслей законодательства, непосредственно не связанных с противодействием преступности (конституционное, избирательное, трудовое, семейное, предпринимательское, комплексные отрасли законодательства и др.).

15. Аргументировано положение о том, что уголовно-правовое значение категоризации преступлений тесно связанно с дифференциацией уголовной ответственности. Эта связь проявляется в том, что дифференциация уголовной ответственности, среди прочего призвана подчеркнуть различный объем возможной уголовной ответственности, которая отражается в уголовно-правовых последствиях за деяния, относящиеся к различным категориям преступлений.

16. Значение категоризации преступлений в смежных с уголовным отраслях законодательства (уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном) подразделяется на два вида в зависимости от роли в них категорий преступлений: 1) уголовно-правовое значение категоризации преступлений в установлениях смежных отраслей законодательства, содержание которых напрямую обусловлено корреспондирующими нормами уголовного законодательства. При данных обстоятельствах категоризация преступлений используется для решения задач уголовного законодательства; 2) собственно уголовно-процессуальное или уголовно-исполнительное значение категоризации

преступлений. В данном случае категоризация преступлений непосредственно служит достижению назначения уголовного судопроизводства или достижению целей и решения задач уголовно-исполнительного законодательства.

17. В других отраслях законодательства категоризация преступлений обретает собственное неуголовно-правовое значение и отражается в иноотраслевых последствиях. Категоризация преступлений в данных отраслях законодательства обычно используется в целях: 1) регламентации правоограничений осужденных или лиц, подвергающихся либо подвергавшихся уголовному преследованию; 2) регламентации полномочий представителей органов государственной власти в отношении подозреваемых, обвиняемых или осужденных.

18. В криминологии категоризация преступлений позволяет составить представление о криминологических показателях преступности (характере преступности, ее территориальном распределении и динамике), а также о типологии личности преступника. Однако констатируются случаи, когда исследователи, используя категоризацию преступлений в криминологических целях, пренебрегают легальным основанием деления преступлений на категории, официальными наименованиями категорий преступлений, а также уголовно-правовой формулой, позволяющей определить категорию преступлений того либо иного деяния. Обосновывается положение о том, что указанные обстоятельства могут привести к недостоверности криминологического анализа основных показателей преступности и выработке на этой основе неэффективных мер по предупреждению деяний, образующих ту либо иную категорию преступлений. Аргументируется также целесообразность более активного использования категоризации преступлений при характеристике еще двух составляющих предмета криминологии, а именно причин, порождающих преступность и мер предупреждения преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 окт. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11- ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 15.03.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп. от 25.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 18.07.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 30.09.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 3.

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

7. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (ред. от 30.07.1996) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

8. Основы уголовного законодательства Союза ССР и Республик от 02.07.1991 № 2281-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 30. – Ст. 862.

9. Европейские Пенитенциарные правила от 12.02.1987 // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума

«Кодекс». – URL: https://docs.cntd.ru/document/901732870?ysclid=lvnt8kr0rc22671855&section=text (дата обращения: 01.05.2024).

10. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблии ООН 17 декабря 2015 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». (дата обращения: 10.06.2021).

11. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : федер. закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011 г. – № 15. – Ст. 2037.

12. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

13. Об оружии : федер. закон от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 51. Ст. 5681.

14. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

15. О ведомственной охране : федер. закон от 14.04.1999 г. № 77-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 16. – Ст. 1935.

16. О Верховном Суде Российской Федерации : федер. конст. закон от 05.02. 2014 № 3-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 6. – Ст. 550.

17. О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. –1998. – № 13. – Ст. 1475.

18. О войсках национальной гвардии Российской Федерации : федер. закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.

19. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 8. – Ст. 740.

20. О выборах Президента Российской Федерации : федер. закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 171.

21. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : федер. закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 49. – Ст. 5740.

22. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20.08.2004. № 119-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.

23. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 33 (Часть I). – Ст. 3431.

24. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конст. закон от 21.07. 1994 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. –1994. – № 13. – Ст. 1447.

25. О полиции : федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

26. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.

27. О федеральной службе безопасности : федер закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

28. О чрезвычайном положении : федер. конст. закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

29. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 11. – Ст. 1495.

30. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 21.02.2014 № 19-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 8. – Ст. 739.

31. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» : федер. закон от 06.04.2011 г. № 66-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2039.

32. О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 11.06.2022 № 155-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 24. – Ст. 3915.

33. О внесении изменения в главу 51 Трудового кодекса российской федерации : паспорт проекта Федерального закона № 1256989-7 // СОЗД. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1256989-7?ysclid=lwru8vx9j5850815641 (дата обращения: 29.05.2024).

34. О внесении изменения в статью 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 24.06.2023 № 285-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 26. – Ст. 4693.

35. О внесении изменения в статью 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : паспорт проекта Федерального закона № 160039-8 // СОЗД. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/160039-8?ysclid=lwm2lg4pqj232990772 (дата обращения 25.05.2024).

36. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних : паспорт проекта Федерального закона № 388776-7 // СОЗД. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7?ysclid=m0num9az5w165001702 (дата обращения: 03.09.2024).

37. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : паспорт проекта Федерального закона № 685843-7 // СОЗД. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/685843-7 (дата обращения: 15.12.2025).

38. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2022 № 586-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 1 (ч. 1). – Ст. 33.

39. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав детей, родители которых отбывают наказание в виде лишения свободы : федер. закон от 26.07.2017 № 200-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 31 (часть I). – Ст. 4749.

40. О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2021 № 231-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. –2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5059.

41. О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере оборота оружия : паспорт проекта Федерального закона № 1079629-7 // СОЗД. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1079629-7?ysclid=lxamkyjvn3693708295 (дата обращения: 11.06.2024).

42. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 10. – Ст. 1395.

43. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 28.04.2023 № 157-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 18. – Ст. 3234.

44. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 09.03.2001 № 25-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 11. – Ст. 1002.

45. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 17.06.2019 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2019. – № 25. – Ст. 3166.

46. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 06.02.2023 № 8-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 6. – Ст. 915.

47. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14.02.2024 № 11-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2024. – № 8. – Ст. 1038.

48. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

49. О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы : Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 21. – Ст. 2468.

50. Об утверждении Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов (зарегистрировано в Минюсте России 30.04.2010 № 17072) : Приказ ФСБ России от 24.03.2010 № 140 (ред. от 27.11.2023) // Российская газета. – 2010. – № 115.

51. Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел (зарегистрировано в Минюсте России 09.12.2005 № 7246) : Приказ МВД России

от 22.11.2005 № 950 (ред. от 03.06.2024) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 51.

52. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы (зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 № 69157) : Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 29.11.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. – 06.07.2022. № 0001202207060002.

53. Об утверждении Положения об условиях содержания, нормах питания и порядке медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 16.04.2012. № 301 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 17. – Ст. 1975.

Материалы судебной практики

54. Апелляционное определение Московского городского суда от 03.08.2017 по делу № 10-12342/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2024).

55. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.04.2017 № 45-АПУ17-5 // ЮИС Легалакт. – URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06042017-n-45-apu17-5/?ysclid=lzy1tm7j7b792868018 (дата обращения: 17.08.2024).

56. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 17.01.2024 № 22-72/2024 // Ульяновский областной суд: официальный сайт. – URL: http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=110625 (дата обращения: 24.02.2024).

57. Апелляционное постановление № 22-1364/2023 от 6 июля 2023 г. по делу № 1-92/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. –

URL: https://sudact.ru/regular/doc/EnmB0XZHR5dR/?ysclid=m0robzhxsf862290101 (дата обращения: 30.08.2024).

58. Апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22-1268/2023 от 20 июня 2023 г. по делу № 1-68/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/NF5VUYt8Tf5H/?ysclid=lzpq5y5hwh692150217#top (дата обращения: 11.08.2024).

59. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 22.06.2023 по делу № 22-1263/2023 // Ярославский областной суд: официальный сайт. – URL: https://oblsud--jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=11063579&case_uid=fd76b27e-7784-4a28-b16f-f4f9129abd1d&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 20.02.2024).

60. Апелляционный приговор Свердловского областного суда от 20.07.2018 по делу № 22-5294/2018 // Свердловский областной суд г. Екатеринбург: официальный сайт. – URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12757501&case_uid=49a39452-9706-443e-aea4-44daa3706e3b&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 24.02.2024).

61. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.02.2012 № 49-О11-113 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=477648 (дата обращения 15.02.2024).

62. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2021 № 222-УД21-52-А6 // ЮИС Легалакт. – URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21122021-n-222-ud21-52-a6/?ysclid=lzsdcab59b179715671 (дата обращения: 13.08.2024).

63. Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 08.11.2016 № 201-УДП16-18 // ЮИС Легалакт. – URL:

https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08112016-n-201-udp16-18/ (дата обращения: 24.08.2024).

64. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.10.2021 № 5-УД21-99-К2 // ЮИС Легалакт. – URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14102021-n-5-ud21-99-k2/?ysclid=lszwl8zaxd793163102 (дата обращения: 24.02.2024).

65. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2021 № 63-УД21-1-К3 // ЮИС «Легалакт». – URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21092021-n-63-ud21-1-k3/ (дата обращения: 07.02.2024).

66. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2022 № 58-УДП22-4-К9 // ЮИС Легалакт. – URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-30032022-n-58-udp22-4-k9/?ysclid=lzsb0jh8vv864752008 (дата обращения: 13.08.2024).

67. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.04.2014 // Верховный Суд РФ: официальный сайт. – URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/15135/?ysclid=m013iu5894810749644 (дата обращения: 19.08.2024).

68. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвёртый квартал 2013 года : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04.06. 2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2024).

69. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от наказания, за 2020 год и первое полугодие 2021 года // Верховный Суд Удмуртской республики: официальный сайт. – URL:

https://vs.udm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=560 (дата обращения: 19.08.2024).

70. Обобщение судебной практики применения судами области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ // Челябинский областной суд: официальный сайт. – URL: http://oblsud.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=61 (дата обращения: 24.02.2024).

71. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 52. – Ст. 6533.

72. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Самсоновой Валентины Ивановны на нарушение ее конституционных прав абзацем третьим пункта 1 статьи 146 Семейного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 13 мая 2014 г. № 997-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.05.2024).

73. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: http: www.supcourt.ru/documents/own/24308/ (дата обращения: 01.09.2023).

74. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 //

Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/ (дата обращения: 01.09.2023).

75. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

76. О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 7.

77. О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 2.

78. О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 7.

79. О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.06.2022 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 8.

80. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 9.

81. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.04.2019 № 20-УД19-1 // ЮИС Легалакт. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-04042019-n-20-ud19-1/?ysclid=lzy0ont91u555266152 (дата обращения: 17.08.2024).

82. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.08.2018 № 46-УД18-37 // ЮИС Легалакт. – URL:

https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28082018-n-46-ud18-37/?ysclid=ltbohwdur9968518574 (дата обращения: 15.02.2024).

83. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 1.

84. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 8.

85. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 2.

86. О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.08.2024).

87. Особый порядок принятия судебного решения не применяется в отношении несовершеннолетнего обвиняемого : Определение Верховного Суда РФ от 12.01.2011 № 12-О10-11 (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8.

88. О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от

25.06.2024 № 18 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2024. – № 8.

89. О судебной практике по применению условного осуждения : Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1961 № 1 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. – 1924–1977. – Ч. 2.

90. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 4.

91. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 8.

92. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 25.06.2024) // Российская газета. – 2009. – № 75.

93. Павлова В.В. Справка по результатам обобщения судебной практики о применении судами области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ об изменении категории преступления // Тверской областной суд: официальный сайт. – URL: http://oblsud.twr.sudrf.ru/modules.php?id=203&name=docum_sud (дата обращения: 20.02.2024).

94. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова : Постановление Конституционного

Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 43. – Ст.5622.

95. По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 30 (ч. II). – Ст.4190.

96. По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 6. – Ст. 867

97. По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиева : Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 7. –Ст. 735.

98. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко : Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.01.2024).

99. По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2016 № 1002-О // ЮИС Легалакт. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-12052016-n-1002-o/?ysclid=m2es966lwl115352536 (дата обращения: 18.10.2023).

100. Постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 11.01.2019 по делу № 44У-127/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2023).

101. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20.01.2021 № 130-П20 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2024).

102. Справка по применению судами Пермского края положений ч.6 ст. 15 УК РФ // Кировский районный суд г. Перми: официальный сайт. – URL: http://kirov.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=294 (дата обращения: 21.02.2024).

103. Справка по результатам ознакомления с практикой применения судами Кабардино-Балкарской Республики отсрочки отбывания наказания в соответствии со ст.82 УК РФ в 2021 году и первом полугодии 2022 года // Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики: официальный сайт. – URL: https://vs.kbr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2220 (дата обращения: 20.08.2024).

104. Тащилин М.Т. Обобщение судебной практики выполнения судом требований части 6 статьи 15 УК РФ о праве суда на изменение категории преступлений по делам, рассмотренным во втором полугодии 2013 года // Железноводский городской суд Ставропольского края: официальный сайт. – URL: http://zheleznovodsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=115 (дата обращения: 20.02.2024).

Статистика преступности и судимости

105. Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления 2013 – 2025 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 01.12.2026).

106. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2013 – 2025 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 19.03.2026).

107. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации № 10-а за 2022–2025 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649 (дата обращения: 03.09.2025).

108. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ // Генеральная прокуратура РФ: официальный сайт. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 19.03.2026).

109. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 г. // МВД РФ: официальный сайт. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751?year=2024&month=1&day=20&ysclid=m3a9s4xln6520655721 (дата обращения 28.02.2026).

110. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 г. // МВД РФ: официальный сайт. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751?year=2024&month=1&day=20&ysclid=m3a9s4xln6520655721 (дата обращения 28.02.2025).

111. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 г. // МВД РФ: официальный сайт. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751?year=2024&month=1&day=20&ysclid=m3a9s4xln6520655721 (дата обращения 15.06.2024).

112. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 г. // МВД РФ: официальный сайт. – URL: https://xn--b1aew.xn--

p1ai/reports/item/35396677/?ysclid=m3rbi9iz3o335794835 (дата обращения: 15.06.2024).

113. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 г. // МВД РФ: официальный сайт. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/?ysclid=m3rbhal2ut224886043 (дата обращения: 15.06.2024).

114. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 г. // МВД РФ: официальный сайт. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/?ysclid=m3rbk16d4b714075583 (дата обращения: 15.06.2024).

115. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г. // МВД РФ: официальный сайт. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/?ysclid=m3rblb2zlw190785337 (дата обращения: 15.06.2024).

Учебная литература

116. Воронин, Ю.А. Введение в теорию классификации / Ю.А. Воронин. – Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1982. – 194 с.

117. Гилинский, Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гилинский. – СПб.: ИД Алеф-Пресс, 2018. – 517 с.

118. Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 73–74.

119. Джевонс, С. Основы науки. Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ / С. Джевонс .– СПб.: Типографія А.С. Суворина, 1881. – 713 с.

120. Законодательство Петра I, 1696-1725 годы / сост., авт. предисл. и вступ. ст. В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2014. – 461 с.

121. Звечаровский, И.Э. Уголовное право России: курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной: учебник / И.Э. Звечаровский. – М.: Проспект, 2024. – 480 с.

122. Зверев, Н.А. Основания классификации государств в связи с общим учением о классификации / Н.А. Зверев. – М.: Унив. тип. (М. Катков), 1883. – 388 с.

123. Кадников, Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: монография / Н.Г. Кадников. – М.: ИД «Юриспруденция», 2020. – 288 с.

124. Козлов, А.П. Понятие преступности / А.П. Козлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 817 с.

125. Криминология и предупреждение преступлений: учебник / под общ. ред. д.ю.н., проф. В.И. Гладких. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. – 182 с.

126. Криминология: учебник / Герцензон А.А., Звирбуль В.К., Зотов Б.Л., Карпец И.И., и др. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1968. – 472 с.

127. Криминология: учебник / под ред. М.С. Крутера, Л.А. Букалеровой. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2020. – 256 с.

128. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М.: «Юристъ», 1997. – 510 с.

129. Криминология: учебник / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лунеева. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 629 с.

130. Криминология: учебник / под ред. д-р юрид. наук, проф. И.М. Мацкевич. – М.: Проспект, 2023. – 512 с.

131. Криминология: учебник для бакалавриата и специалитета / под общ. ред. А.В. Кудрявцева и А.Е. Михайлова. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. – 220 с.

132. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д. ю. н., проф. А.И. Долговой. – М.: Норма, 2005. – 912 с.

133. Криминология: учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. – 544 с.

134. Криминология: учебное пособие / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. – СПб.: Питер, 2013. – 304 с.

135. Кузнецова, Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 232 с.

136. Курский, Д.И. Избранные статьи и речи / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР / Д.И. Курский. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 199 с.

137. Курс советского уголовного права. Т. 1: Часть общая / отв. ред. проф. Н.А. Беляев, проф. М.Д. Шаргородский. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 646 с.

138. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2021. – 1328 с.

139. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М.: Норма, 2000. – 296 с.

140. Лунев, В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник в 2 т. Т. 1 / В.В. Лунев. – М.: Юрайт, 2011. – 1002 с.

141. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А.В. Наумов. – М.: БЕК, 1996. – 560 с.

142. Мельников, В.А. Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел: монография / В.А Мельников. – Волгоград: Волгоградская акад. МВД России, 2013. – 422 с.

143. Милюков, С.Ф. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: монография / С.Ф Милюков, А.В. Никуленко. – СПб: Юридический центр, 2015. – 558 с.

144. Розова, С.С. Классификационная проблема в современной науке / С.С. Розова. – Новосибирск: Наука, 1986. – 224 с.

145. Российское законодательство X-XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984–1994. 9 т. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. – 1984. – 430 с.

146. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984–1994. 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. – 1985. – 520 с.

147. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984–1994. 9 т. Т. 3 : Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. – 1985. – 511 с.

148. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984–1994. 9 т. Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. – 1988. – 431 с.

149. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984–1994. 9 т. Т. 8: Судебная реформа / ред. О.И. Чистяков, Б.В. Виленский. – 1991. – 495 с.

150. Рыбалов, К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации / К.А. Рыбалов. – М: Юрлитинформ, 2004. – 146 с.

151. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / Под ред.: Голяков И.Т. – М.: Госюриздат, 1953. – 463 с.

152. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1975 гг.: В 4 т. Т. 2 — М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1975. — 715 с.

153. Советская криминология. Учебник для юрид. фак. и ин-тов. Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности / Отв. ред. А. А. Герцензон и др. – М.: Юрид. лит., 1966. – 319 с.

154. Строгович, М.С. Логика: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / М.С. Строгович. – М.: Госполитиздат, 1949. – 363 с.

155. Субботин, А.Л. Классификация: монография / А. Л. Субботин. – М.: ИФ РАН, 2001. – 94 с.

156. Сырых, В.М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя / В.М. Сырых. – М.: РАП, 2012. – 499 с.

157. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 414 с.

158. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Н.С. Таганцев. – СПб.: Изд. проф. Имп. Училища правоведения, 1886. – 714 с.

159. Уголовное право в 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.] ; отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – 410 с.

160. Уголовное право. Общая часть: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И.Я. Козаченко. – М.: Норма, 2008. – 719 с.

161. Уголовное право России. Курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2008. – Т. 2. – 648 с.

162. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., проф. А.В. Бриллиантова). – М.: Проспект. 2021. – 1344 с.

163. Чубарев, В.Л. Общественная опасность преступления и наказание (Количеств. методы изуч.) / Чубарев В.Л; под ред. Ю.Д. Блувштейна. – М., Киев: Киев. фил. ВНИИ МВД СССР, 1982. – 96 с.

Статьи. Периодические издания

164. Алфимова, О.А. Вопросы совершенствования правовой регламентации, связанные с изменением вида исправительного учреждения и изменением осужденному условий содержания / О.А. Алфимова // Вестник Кузбасского института. – 2020. – №4 (45). – С. 9–14.

165. Артеменко, Н.В. Назначение судом более мягкого уголовного наказания: о взаимосвязанном применении ст. 64 и ч. 6 ст. 15 УК РФ / Н.В. Артеменко, Н.Г. Шимбарева // Российская юстиция. – 2019. – № 9. – С. 28–32.

166. Бабаев, М.М. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2016. – № 4. – С. 40–58.

167. Бабаян, С.Л. Совершенствование правового регулирования поощрительных институтов изменения условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения / С.Л. Бабаян // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 2. – С. 46–50.

168. Бирюков, Н. Проблемы практики применения особого порядка принятия судебного решения / Н. Бирюков // Российский судья. – 2005. – № 4. – С. 18-22.

169. Бугаев В.А. Особенности уголовной ответственности за приготовление к преступлению / В.А. Бугаев, А.В. Чайка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 124–128.

170. Булатов, Б.Б. О процессуально-исполнительном праве / Б.Б. Булатов, В.И. Горобцов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1986. – № 5. – С. 79-80.

171. Валеев, М.Т. Типовая санкция как критерий категоризации преступлений / М.Т. Валеев // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 2 (8). – С. 29–34.

172. Герасимов, А.М. Категории преступлений и алгоритм их установления / А.М. Герасимов // Журнал юридических исследований. – 2022. – Т. 7. – № 1. – С. 61.

173. Дайшутов, М.М. Значение и теоретические основы классификации преступлений в российском уголовном праве / М.М. Дайшутов // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 10. – С. 76–79.

174. Днепровская, М.А. О применении особого порядка судебного разбирательства к несовершеннолетним обвиняемым / М.А. Днепровская // ГлаголЪ правосудия. – 2018. – № 1 (15). – С. 31–34.

175. Долотов, Р.О. Уголовно-правовые последствия применения судом ч. 6 ст. 15 УК РФ / Р.О. Долотов // Вестник Московского университета. – Серия 11. – Право. – № 4. 2015. – С. 60-72.

176. Жарких, Е.А. Изменение судом категории преступления: "вторжение" в институт рецидива преступлений и его уголовно-правовые последствия / Е.А. Жарких, Л.А. Прохоров // Российский следователь. – 2016. – № 9. – С. 31-35.

177. Загородников, Н.И. Теоретические основы классификации преступлений в уголовном праве / Н.И. Загородников, А.В. Наумов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1983. – № 2. – С. 56–62.

178. Заярная, Н.В. Некоторые проблемы законодательной регламентации назначения наказания в случае рецидива преступлений / Н.В. Заярная // Юристъ – Правоведъ. – 2007. – № 5. – С. 104–106.

179. Звечаровский, И.Э. О чем не сказал Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 / И.Э. Звечаровский // Российский следователь. –2014. – № 7. – С. 35–38.

180. Звечаровский, И.Э. Тяжкие неосторожные преступления / И.Э. Звечаровский // Законность. – 2020. – № 1. – С. 45–46.

181. Иванов, А.Л. Рекомендации Пленума Верховного Суда РФ о применении ч. 6 ст. 15 УК / А.Л. Иванов // Законность. – 2014. – № 8. – С. 39–40.

182. Иванов, А.Л. Категоризация преступлений в законе и в правоприменении / А.Л. Иванов // Вестник Российской правовой академии. – 2015. – № 1. – С. 50–52.

183. Иванов, Н.Г. Уголовный кодекс Российской Федерации как воплощение трансцендентности в союзе с Übermensch (Приглашение к откровенному разговору) / Н.Г. Иванов // Государство и право. – 2022. – № 3. – С. 53–60.

184. Иванов, Н.Г. Общественная опасность деяния / Н.Г. Иванов // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 2. – С. 35–40.

185. Иванчин, А.В. Регламентация в Уголовном кодексе Российской Федерации формального основания категоризации преступлений и перспективы ее совершенствования / А.В. Иванчин, Л.О. Кулева // Пенитенциарная наука. – 2019. – № 2. – С. 162–168.

186. Иванчин, А.В. К вопросу о критериях категоризации преступлений по Уголовному кодексу РФ / А.В. Иванчин, Л.О. Кулева // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (39). – С. 45–49.

187. Иншаков, С.М. Антикоррупционный правовой механизм: межотраслевые коллизии / С. М. Иншаков, В.А. Казакова // Журнал российского права. – 2023. – № 9. – С. 117–130.

188. Карамурзова, Ж.З. Ограничения на занятие педагогической деятельностью / Ж.З. Карамурзова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1 (74). – С. 159–165.

189. Качур, А.Н. Влияние уголовно-правовых классификаций преступлений на уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право / А.Н. Качур // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 78–80.

190. Квашис, В.Е. Криминология: значение и место в системе науки, проблемы и перспективы / В.Е. Квашис // Вестник Калининградского филиала Санкт-петербургского университета МВД России. – 2019. – № 3 (57). – С. 40-44.

191. Квашис, В.Е. Проблемы качества криминологических исследований: истоки и симптомы болезни / В.Е. Квашис // Журнал российского права. – 2018. – № 6 (258). – С. 58-68.

192. Квашис, В.Е. Проблемы повышения уровня виктимологических исследований / В.Е. Квашис // Виктимология. – 2018. – № 1 (15). – С. 7–12.

193. Кибальник, А.Г. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства / А.Г. Кибальник // Законность. – 2011. – № 9. – С. 22–25.

194. Колоколов, Н.А. Категория преступления - величина переменная? / Н.А. Колоколов // Мировой судья. – 2012. – № 7. – С. 2-6.

195. Кондрашев, А.А. Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права на выборах в России / А.А. Кондрашев, Н.А. Сидорова // Правоприменение. – 2022. – № 4. – С. 59–74.

196. Коробов, П.В. Классификация преступлений, как основа дифференциация уголовной ответственности / П.В. Коробов // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние: Сборник

научных трудов / Под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Сателлит, 2004. – С. 161–166.

197. Коробов, П.В. Классификация преступлений по уровню их опасности / П.В. Коробов // Российская юстиция. 2004. № 1. С. 47–49.

198. Коротких, Н.Н. Вид исправительного учреждения и условия отбывания наказания в виде лишения свободы за множественность преступлений / Н.Н. Коротких // Lex Russica. – 2015. – № 9. – С. 20-31.

199. Красильникова, М.С. Некоторые вопросы уголовно-правового регулирования отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) / М.С. Красильникова // СибСкрипт. – 2013. – № 4 (56). – С. 273–277.

200. Кругликов, Л.Л. Средства дифференциации ответственности в уголовном кодексе 1960 и 1996 годов / Л.Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 273–280.

201. Крылова, Н.Е. Изменение категории преступления на менее тяжкую: критический анализ правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации / Н.Е. Крылова, О.В. Костылева // Закон. – 2018. – № 10. – С. 105-113.

202. Кулев, А.Г. Категоризация преступлений при конструировании уголовно-процессуальных норм / А.Г. Кулев, Л.О. Кулева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 2 (99). – С. 130–137.

203. Куприц, Н.Я. Государственно-правовые идеи «просвещенного» абсолютизма в «Наказе» Екатерины II // Вестник МГУ. Серия X. Право. – 1962. – № 4. – С. 70–76.

204. Ларина, Л.Ю. К вопросу об изменении судом категории преступления / Л.Ю. Ларина // Юридическая наука. – 2013. – № 2. – С. 56-59.

205. Любишкин, Д.Е. Уголовно-правовая характеристика преступлений, рассматриваемых в порядке главы 40 УПК РФ / Д.Е. Любишкин // «Черные дыры» в рос. законодательстве. – 2006. – № 3. – С. 228–230.

206. Малков, В.П. Право суда на изменение категории преступления / В.П. Малков // Законность. – 2013. – № 11. – С. 35-38.

207. Медведева, С.В. Эффективность применения к несовершеннолетним мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста / С.В. Медведева, М. А. Ментюкова, А.М. Попов // Актуальные проблемы государства и права. – 2023. – № 26. – С. 319–330.

208. Мейен, С.В. Методологические аспекты теории классификации / С.В. Мейен, Ю.А. Шрейдер // Lethaea rossica. – 2017. – Т. 14. – С. 101–110.

209. Мингалимова, М.Ф. Изменение категории преступления / М.Ф. Мингалимова // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 4. – С. 38–44.

210. Михайлов, П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших / П. Михайлов // Российская юстиция. – 2005. – № 1. – С. 37–38.

211. Михаль, О.А. Категория преступления исключительной тяжести / О.А. Михаль // Современное право. – 2022. – № 10. – С. 113–117.

212. Михаль, О.А. О некоторых проблемах классификации преступлений / О.А. Михаль // Российский юридический журнал. – 2013. – № 2 (89). – С. 137–140.

213. Михаль, О.А. Характер и степень общественной опасности преступления / О.А. Михаль // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2009. – № 4(35). – С. 20–24.

214. Мозина, Е.В. Значение категоризации преступлений для институтов подследственности и подсудности / Е.В. Мозина // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 5 (162). С. 129–136.

215. Мозина, Е.В. Основание изменения категории преступления на менее тяжкую / Е.В. Мозина // Baikal Research Journal. — 2024. — Т. 15. – № 3. — С. 956–964.

216. Мозина, Е.В. Рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по применению положений ч. 6 ст. 15 УК РФ / Е.В. Мозина // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 20. № 2. С. 83–91.

217. Мозина, Е.В. Значение категоризации преступлений для криминологии / Е.В. Мозина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2025. – № 4. – С. 124–132.

218. Мозина, Е.В. Значение категоризации преступлений для института мер пресечения / Е.В. Мозина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – № 1. – М., 2024. – С. 172–176.

219. Мозина, Е.В. Определение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения с учетом категоризации преступлений / Е.В. Мозина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – № 1. – М., 2025. – С. 59–68.

220. Мозина, Е.В. Значение категоризации преступлений в Особенной части УК РФ / Е.В Мозина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – № 1. – М., 2026. – С. 124–131.

221. Наумов, А.В. О законодательной попытке устранить различие в ответственности за умышленные и неосторожные преступления / А.В. Наумов // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2020. – № 9. – С. 64–69.

222. Наумов, А.В. О серьезной уязвимости одного из последних законопроектов о внесении поправок в УК РФ / А. Наумов // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 38–39.

223. Никулин, С.И. Вопросы применения ч. 6 ст. 15 УК РФ / С.И. Никулин // Уголовное право. – 2012. – № 5. – С. 99–101.

224. Орешкина, Т.Ю. Категории преступлений. Изменения последних лет / Т.Ю. Орешкина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2015. – С. 183-187.

225. Орешкина, Т.Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести / Т.Ю. Орешкина // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12. – С. 43–52.

226. Осадчая, Н.Г. Правовое состояние судимости в России: временная мера или пожизненное клеймо? / Н.Г. Осадчая, Ю.И. Блохин // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 2. – С. 108–113.

227. Пимакова, О.Г. Нелогичность и бесполезность ст. 48 Уголовного кодекса Российской Федерации / О.Г. Пимакова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 4 (15). – С. 91–94.

228. Питецкий, В.В. Новые правила установления категории преступления и принцип справедливости / В.В. Питецкий // Российская юстиция. – 2012. – № 3. – С. 47-49.

229. Питецкий, В.В. О недостатках воплощения принципа справедливости в действующем Уголовном кодексе РФ / В.В. Питецкий // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 52–54.

230. Питецкий, В. Судимость в уголовном праве / В. Питецкий // Законность. – 2006. – № 4 (858). – С. 50–52.

231. Понкин, И.В. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 3 (37). – С. 249–259.

232. Пудовочкин, Ю.Е. Изменение категории преступления судом: теоретико-прикладной анализ / Ю.Е. Пудовочкин, Н.В. Генрих // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 2 (73). – С. 3–10.

233. Рарог, А.И. Отражение общественной опасности деяния в санкциях уголовно-правовых норм / А.И. Рарог // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2025. – № 1. – С. 5-12.

234. Рогова, Е.В. Об эффективности уголовно-правовых санкций в системе наказаний в современной уголовной политике государства / Е.В. Рогова, Б.Я. Гаврилов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 2 (109). – С. 82-96.

235. Рогова, Е.В. Общественная опасность деяния: теоретико-правовые, законодательные и правоприменительные аспекты / Е.В. Рогова, Р.А. Забавко // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25. – № 3 (97). – С. 440–449.

236. Рожнов, А. Положения ч. 6 ст. 15 УК РФ в контексте вопросов обратной силы уголовного закона / А. Рожнов, А. Синельников // Уголовное право. – 2012. – № 5. – С. 116-117;

237. Садовникова, М.Н. Рекомендации по изменению законодательства и практики его применения в области исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации / М.Н. Садовникова // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 1. – С. 94–108.

238. Саламова, С.Я. Сравнительный анализ преступлений, совершаемых осужденными, пользующимися правом бесконвойного передвижения, и преступлений, совершаемых иными осужденными к лишению свободы / С.Я. Саламова // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – № 18 (3). – С. 326–333.

239. Серебренникова, А.В. Категоризация преступлений: проблемы правоприменения / А.В. Серебренникова // Colloquium-journal. – 2020. – № 17 (69). – С. 46–50.

240. Ситникова, А.И. Глава «Неоконченное преступление» УК РФ и ее законодательнотекстологическое обоснование / А.И. Ситникова // Lex Russica. 2015. № 11. С. 83–95.

241. Скрипченко, Н.Ю. Вопросы изменения категории преступлений в Постановлении Пленума Верховного Суда / Н.Ю. Скрипченко // Уголовное право. – 2018. – № 5.– С. 60–63.

242. Смирнов, А.М. Новые функции суда, возникшие в силу части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации / А.М. Смирнов // Российский судья. – 2019. – № 12. – С. 42–45.

243. Татарников, В.Г. Санкция уголовно-правовой нормы как показатель характера и степени общественной опасности преступления против личности / В.Г. Татарников // Вестник ИрГТУ. – 2014. – № 1 (84). – С. 256–260.

244. Токарчук, Р.Е. Проблемы применения оружия для пресечения преступлений террористической направленности федеральными государственными служащими органов безопасности и правопорядка / Р.Е. Токарчук // Общество и право. – 2019. – № 4 (70). – С. 102–108.

245. Улезько, С.И. К вопросу об эффективности условного осуждения за коррупционные преступления / С.И. Улезько, Д.И. Коновалов // Вестник КРУ МВД России. – 2018. – № 2 (40). – С. 12–15.

246. Устав благочиния или полицейский // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2014. – № 2. – С. 190–204.

247. Устинова, Т.Д. Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ / Т.Д. Устинова // Lex russica. – 2015. –№ 3. – С. 63-72.

248. Хайдаров, А.А. Право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую / А.А. Хайдаров // Законность. – 2015. – № 2. – С. 38–42.

249. Черёмин, Н.В. Организационно-правовые вопросы предоставления осуждённым к лишению свободы права передвижения без конвоя или сопровождения / Н.В. Черёмин, А.В. Забродин // Уголовная юстиция. – 2020. – № 16. – С. 83–88.

250. Черемин, Н.В. Условия, способствующие совершению правонарушений осужденными, которым предоставлено право передвижения без конвоя / Н.В. Черемин // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XXI Всерос. науч.-практ. конф. – Новокузнецк, 20-21 окт. 2021 г.: Кузбасский институт ФСИН России, 2021. – С. 283-286.

251. Шарапов, Р.Д. Изменение категории преступления судом: закон, теория, практика / Р.Д. Шарапов // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – №. 1. – С. 77–89.

252. Шарапов Р.Д. Понятие уголовной ответственности: закон, теория, практика / Р.Д. Шарапов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 2 (88). – С. 29-37.

253. Шрейдер, Ю.А. Логика классификации / Ю.А. Шрейдер // Науч.-техн. информация. – Сер. 1. – 1973. – № 5. – С. 3–7.

254. Якубов, А.Е. Еще раз о праве суда изменить категорию преступления / А.Е. Якубов // Российский судья. – 2015. – № 9. – С. 29-31.

255. Янчук, И.А. О совершенствовании статьи 74 уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации / И.А. Янчук // Пенитенциарная наука. – 2017. – № 2 (38). – С. 18–21.

256. Яцеленко, Б.В. Уголовно-правовая природа усмотрения / Б.В. Яцеленко // Уголовное право. – 2024. – № 3 (163). – С. 50–58.

257. Яцеленко, Б.В. Судимость как юридический факт уголовного права и ее правовые последствия / Б.В. Яцеленко // Правовая культура. – 2022. –№ 4 (51). – С. 67–75.

Диссертации и авторефераты

258. Аверьянова, М.И. Особенности правового регулирования труда педагогических работников государственных и муниципальных общеобразовательных организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Аверьянова Мария Игоревна. – М., 2014. – 28 с.

259. Балафендиев, А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Балафендиев Арсен Мирзебегович. – Казань, 2016. – 27 с.

260. Вакарина, Е.А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения: Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Вакарина Екатерина Андреевна. – Краснодар, 2001. – 23 с.

261. Гельдибаев, М.Х. Исполнение меры пресечения в виде предварительного заключения под стражу в следственных изоляторах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Гельдибаев Мовлад Хасиевич. – М., 1993. – 25 с.

262. Герасимов, А.М. Теория уголовного правонарушения: дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4. / Герасимов Александр Михайлович. – Саратов, 2022. – 428 с.

263. Кабурнеев, Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Кабурнеев Эдуард Валерьевич. – М., 2007. – 47 с.

264. Кадников, Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.08 / Кадников Николай Григорьевич. – М., 2000. – 53 с.

265. Кардаев, П.С. Классификация преступлений по степени их тяжести в советском уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кардаев Петр Семенович. – Свердловск, 1977. – 24 с.

266. Кротов, С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: автореф. дис. ... канд. юрид.наук : 12.00.08 / Кротов Сергей Евгеньевич. – М., 2005. – 22 с.

267. Кулева, Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кулева Людмила Олеговна. – Ярославль, 2019. – 244 с.

268. Мелюханова Е.Е. Концепция уголовно-правовой категоризации: дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.4. / Евгения Евгеньевна Мелюханова. – Екатеринбург, 2026. – 496 с.

269. Пяткевич, И.Н. Выезды осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений : Правовые и орг. вопр. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Пяткевич Иван Николаевич. – М., 1997. – 25 с.

270. Ратьков, А.Н. Правовое значение классификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ратьков Александр Николаевич. – Ростов-на-Дону, 2002. – 30 с.

271. Рогова, Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д–ра юрид. наук : 12.00.08 / Рогова Евгения Викторовна. – М., 2014. – 596 с.

272. Солодков, И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Солодков Игорь Александрович. – Саратов, 2013. – 24 с.

273. Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сотсков Фёдор Николаевич. – М., 2009. – 27 с.

274. Тюфяков, Н.А. Изменение вида исправительного учреждения для осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... кандид. юрид. наук : 12.00.08 / Тюфяков Николай Александрович. – Омск, 2018. – 23 с.

275. Цатурян, Т.В. Проблемы классификации преступлений в уголовном праве РФ: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Цатурян Тамара Владимировна. – Ставрополь, 2004. – 28 с.

276. Цоколова, О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Цоколова Ольга Игоревна. – М., 2007. – 60 с.

Словари. Энциклопедии

277. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.

278. Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Изд. В. М. Скакун, 1999. – 877 с.

279. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.

280. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – Т. 2. – 576 с.

281. Энциклопедия уголовного права. – СПб.: Изд. проф. Малинин, 2005. – Т. 3: Понятие преступления. – 522 с.